

САНКТ-ПЕТЕРБУГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЩУПЛОВ ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ

**Совесть как религиозно-философская проблема:
экзистенциально-антропологический анализ**

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:

д-р филос. наук

Марков Борис Васильевич

Санкт-Петербург

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. Антропологический кризис совести.....	13
1. Проблема двойственности и эксцентрическая позициональность.....	18
2. Истина с человеческим лицом: проблема совести в отечественной философии советского и постсоветского периодов.....	33
Глава II. Героическая топика чистой совести.....	57
1. Совесть как форма формирующая и форма информирующая.....	61
2. Бунтологические основания «чистой» и «нечистой» форм совести.....	73
Глава III. Экзистенциальная эсхатология совести.....	86
1. Проблема «двойной непроницаемости» в западной эзотерической традиции.....	89
2. Совесть как категория заботы.....	103
3. Совесть как «прекрасное ничто» в экзистенциальной философии Хайдеггера и Сартра.....	112
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	119
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	121

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В трактате «Astronomia Magna или полная разумная философия великого и малого миров» Парацельса говорится, что есть «два вида мудрости в этом мире – одна из них вечна, а другая преходяща. Вечная мудрость, – полагал алхимик, – проистекает непосредственно от Света Духа Святого, другая же прямо от света Природы. Та, что происходит от Духа Святого, бывает одного лишь рода – а именно мудрость праведная и безупречная. Та же, что происходит от света Природы, бывает двух родов – добрая и злая. Добрая мудрость причастна вечности, злая – проклятию».¹ Поскольку человеческая природа остаётся неизменной при необходимых изменениях в сущем, совесть, которая, как будет показано, имеет отношение к «Вечной мудрости», имеет и непреходящую актуальность в этом смысле. Принадлежащие волшебнику Просперо, одному из главных персонажей одной из последних пьес Шекспира «Буря», следующие слова можно считать подосновой или лейтмотивом данного исследования: “We are such stuff as dreams are made on, and our little life is rounded with a sleep”.² Это можно перевести так: «мы состоим из того же вещества, что и сны, и наша маленькая жизнь сном окружена». Поэтому речь пойдёт о мистической *пробужденности*, фундаментальной возможности объективного сознания.

Сегодня, это касается современных философских исследований. То, что, на первый взгляд, представлялось непрактичным или бесполезным, приносит интересные плоды. Поскольку в академических научных кругах «эзотерическая» философия не воспринимается как традиционная форма знания, что крайне несправедливо, наша настоящая задача исправить это положение и доказать, что совесть, имеющая, вероятно, ключевое значение для философии, что подразумевает самопознание и саморазвитие. Таким образом, «эзотерический» или воспитательный аспект совести представляет

¹ Парацельс. О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах, М.: Эксмо, 2005, С. 59

² Shakespeare W. The Tempest. - <http://shakespeare.mit.edu>

теоретический и практический интерес, что верно, по крайней мере, по отношению к философской антропологии, в рамках которой и было проведено исследование.

Индивидуальное исследование предполагает экзистенциальный метод, к которому мы по мере необходимости прибегли. Совесть рассматривается как индивидуальная, сверхиндивидуальная способность познания себя. На основе познания человек становится личностью. Николай Бердяев писал: «совесть твоя никогда не должна определяться социальностью, социальными группировками, мнением общества, она должна определяться из глубины духа, т. е. быть свободной, быть стоянием перед Богом, ты должен быть социальным существом, т. е. из духовной свободы определить своё отношение к обществу и к вопросам социальным».³ Таким образом, совесть есть форма форм, способствующая развитию автономной личности человека. По Ницше, каким бы не было дело совести, оно всегда *незаурядно*. В этом её отличительная черта. Для описания индивидуальной совести Ницше ввёл понятие *интеллектуальной совести*. В этом смысле мы будем говорить о различной совести – совести интеллектуальной и совести сердца. Ницше писал: «что говорит твоя совесть? Ты должен стать тем, что ты есть».⁴ В экзистенциальном плане совесть является универсальной техникой познания себя, формой заботы о себе. Но, *по совести*, познание себя невозможно без познания другого. В этом смысле «оно», наше подсознание, являет собой тайну, что, подобно природе, как верно замечал Гераклит, *любит прятаться*. Таким образом, дело совести – самообнаружение, что, как будет показано, способствует социальной регуляции индивида.

Если, по Бердяеву, «совесть твоя никогда не должна определяться социальностью», то «социальность», исходящая из знания индивидуального времени души, должна определяться совестью. Поскольку, как правило, происходит всё наоборот, совесть в социальных науках исследуется мало, в

³ Бердяев Н. А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993, С. 151

⁴ Ницше Ф. Веселая наука. Злая мудрость, М.: Эксмо, 2007, С. 234

основном в этике. Индивидуальная совесть предполагает в этом смысле абсолютную ответственность человека за своё бытие. Поэтому совестная проблематика затрагивает все стороны человека. Однако пробуждение совести есть удел одиночек, которые, тем не менее, «опаснее для социума, чем целое движение»⁵. Таким образом, нашей задачей является подсоединение индивидуальной и социальной стратегий совести.

Хотя совесть есть, прежде всего, философско-мировоззренческая проблема, **степень научной разработанности данной проблемы** не находится в постоянном росте, и, несмотря на исследовательский интерес, который вызывает индивидуальная совесть в теоретической этике, практически она не изучается, что связано с социальными табу и политикой политкорректности. Разработка стратегий совести требует полной самоотдачи, соучастия в ней. В этом смысле несправедливо считать совесть пережитком прошлого, ведь без развития чувства совести, невозможно никакое справедливое общество.

В советской философии совесть почти не исследовалась. Но стоит отметить титанический труд, проделанный Я. А. Мильнером-Ирининым, который в работе «Этика, или принципы истинной человечности» дал последовательное изложение этико-метафизической системы, в основание которой принцип совести. В ней совесть постулируется как моральное чувство, отвечающее за нравственный облик личности и общества. Труд Мильнера-Иринина был подвергнут суровой критике в СССР.

Из известных современных исследований совести немалый интерес представляет историко-философский труд О. Э. Душина «Исповедь и Совесть в западноевропейской культуре XIII – XVI вв.», а также работы Р. Г. Апресяна. В результате рассмотрения современных источников по данной проблеме устанавливается ключевое значение совести в деле познания. Мы обращались к следующим исследованиям по данному вопросу: Гергилов Р. Е. «Феномен

⁵ Летов Е. Я не верю в анархию/сборник публикаций. – М.: Выргород, 2020, С. 5

стыда: философско-антропологическая перспектива», Мастеров Д. В. «Метасоциальные основания совести», Сафина Г. М. «Поступок в структуре нравственного выбора (анализ проблемы в контексте народной мудрости)», Арефьева Л. В. «Свобода совести как антропологический феномен», Акопян Г. А. «Свобода совести: философско-антропологическое измерение», Рукавишникова М. В. «Совесть в духовно-нравственной системе «Добролюбия», Комаров В. В. «Совесть как фактор нравственной саморегуляции личности», Мустафина Л. Ш. «Структура социальных представлений учащейся молодёжи о совести», Заика Т. В. «Фразеологические средства репрезентации концепта «Совесть» в современном английском языке».

Объект исследования: совесть как сверхчувственное переживание сознания, размыкающее бытие в присутствии.

Предмет исследования: совесть как психо-этический феномен, подлежащий философской рефлексии и теоретической реконструкции.

Цель исследования: выявление совестных архетипов в контексте многообразной культурной деятельности человека

Задачи исследования: 1. Прояснить, *какой* бывает и *какой* может быть совесть; показать индивидуальную природу совести; рассмотреть совесть как форму психической власти, которая требует соответствия мыслей, желаний, поступков индивида нормам и кодам культуры; 2. Раскрыть возможность практического применения этики совести в контексте техник заботы о себе; 3. Провести философское различение понятий совести, стыда, вины, долга; 4. Через обращение к описанию *даймония* (δαίμων) Платона, выявить эзотерический смысл совести; 5. Выявить деструктивные и конструктивные аспекты феномена совести; 6. Раскрыть протестный характер и, собственно, «бунтологическое» значение совести в контексте человеческого капитала.

Методологическая и теоретическая база диссертации. В данной работе обобщаются труды Ницше, Юнга, Плеснера, Шелера, Фуко, а также ряда отечественных мыслителей, с целью сравнения и проведения аналогий,

что дало нам основание для того, чтобы сделать определённые выводы по поводу относительности и безусловности самой совести, а также её роли в жизни человека.

В исследовании задействованы герменевтический, экзистенциальный, сравнительный и традиционный метод. В изобилии приводятся ссылки на Священное Писание, что служит нам подспорьем для аргументации тех или иных утверждений, связанных с вопросами совести.

Научная новизна исследования. В данной работе, через обращение к традиционному знанию, предпринята переоценка, сложившихся в новейшую эпоху, представлений о совести. В данной работе предпринято рассмотрение совести как некоего космического Архетипа. На основе рассматриваемых сюжетов о «вечном возвращении», нам удалось описать восстановительные возможности совести. Как правило, совесть рассматривается исключительно в рамках этики. Но в этой работе мы прибегли к методам сравнительной антропологии и аналитической психологии, а также к трансперсональному методу, обоснование можно найти в работе философа-традиционалиста барона Юлиуса Эвола «Мистерия Грааля» и других.

В результате проведённого исследования, намечены стратегии выхода из ситуации «бесконечного тупика» культуры «рабского сознания», из ситуации, которую мы обозначили здесь как «антропологический кризис». В работе представлены независимые оригинальные суждения о совести, как о феномене психической и духовной жизни человека, что, в свою очередь, позволило нам взглянуть с неожиданных точек зрения на общество и на роль человека в нём. На основе философско-антропологического анализа было установлено характер связи совести с её привычными коннотациями, связывающими её с понятиями вины и стыда. Но особое внимание было уделено «чистой совести», инверсией которой является «нечистая совесть», ошибочно воспринимаемая как единственно возможная совесть.

В диссертационной работе совесть рассматривается, во-первых, как универсальный принцип самопознания; во-вторых, как инстанция признания

и утверждения человеческой личности в контексте рода; в-третьих, как способ культурной интеграции в пространство значений и смыслов; в-четвертых, как возможность приобщения к сакральным ценностям культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Как эксцентрическое существо, человек претерпевает определённый кризис (кризис идентичности), что, в нашем понимании, обуславливается двойственностью самой человеческой природы (человек есть «животное политическое»). Совесть является тем внутренним стержнем, обнаружение которого в ситуации переживаемого кризиса приоритетно. Индивидуальная совесть, как стояние перед Господом Богом, определяет характер отношений между человеком и миром. Как индивидуально-божественный посредник, совесть стремится установить принцип соответствия *подобное с подобным*. Власть совести предполагает возможность одновременного чувствования всего того, что воспринимается последовательно и поочерёдно. Выражаясь языком теософии, совесть предполагает *видение* в четвёртом измерении, в «астральном» плане, и это ставит перед человеком новый ряд вопросов, а также ставит самого человека под вопрос (антропологический кризис). Таким образом, совесть предполагает *познание* мудрости, что на уровне архетипа символизируется в образе змея или дракона (Тифон, Пифон, Ладон). Исходя из теории «основного мифа», выдвинутой в 60-70ые годы XX века лингвистами В. Н. Топоровым и В. В. Ивановым, двойственность сознания может быть выражена через обращение к универсальному сюжету противостояния антропоморфного бога-громовержца и хтонического змееподобного существа (победа Аполлона над Пифоном, Чудо Георгия о змие, победа Зигфрида над драконом). Демон Велес, или скотий бог, второй после Перуна в древнерусском язычестве, бог мудрости, покровитель сказителей и поэтов,⁶ интерпретируется также в образе змея. Змей, или дракон, обычно ассоциирующийся с подземным царством мёртвых, несмотря на своё

⁶ Грушко Е. А., Медведев Ю. М., Русские легенды и предания, М.: Эксмо, 2008, С. 7

положение (повержен, но не покорён), на подсознательном уровне ассоциируется с тайной мудростью, в метафорических лапах которой находится некий ключ от подсознания, познание которого предполагает постижение мудрости. Поэтому совесть, как принцип двойственности, может быть рассмотрена как некоторое орудие, «магический компас» мудрости

2. В контексте иудео-христианской парадигмы проблема двойственности находит выражение в двойственности мирового древа - дерева познания, произрастающего в центре рая, с одной стороны, и дерева познания добра и зла, находящегося на периферии рая - с другой. Отсюда мы можем говорить о двух формах совести, причём одна соответствует голосу Бога, светлой стороне, а другая – голосу дьявола, тёмной стороне. Дающая *познание* периферийная совесть, стоящая в оппозиции к центру, как архетип, обращает к глубинам *коллективного бессознательного*, что в свою очередь допускает реальное множество совестей, внимательное рассмотрение которых приводит к пониманию различных стратегий совести. Совпадающая и не совпадающая с *ratio falsa*, христианская совесть кардинально соответствует «человеческой природе», поскольку, как гласит известная латинская пословица, *человеку свойственно ошибаться*.

3. Протоиерей Андрей Ткачёв утверждает: «у евреев не было слова «совесть». Все оттенки моральных состояний традиционно выражались вариациями на тему «страха Божия». Язычники же, не имевшие таких ёмких словосочетаний, связанных с Единым, искали свои адекватные термины». ⁷ В этом смысле две формы совести, *чистая* и *нечистая*, есть различные аспекты одного и того же Единого и, следовательно, единой совести. Разделение условно, но помогает нам обнаружить смысл постепенных изменений, происходящих в структуре *сущего*. Таким образом, согласно второму посланию Коринфянам апостола Павла, «Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а

⁷ Ткачёв А. Совесть <https://pravoslavie.ru/47598.html>

дух животворит»,⁸ что предполагает метафизическое проникновение духа в историю, вечности во время.

4. Вопрос о совести – метафизический. Он связан с вопросом о власти, которая проявляется как власть *множественности* («разделяй и властвуй»), что и допускает происходящие изменения в системе. Предельная воля к власти находится во власти времени и пространства, поэтому абсолютная, запредельная власть, или власть совести, предполагает власть над временем. Таким образом, духовное водительство совести подразумевает победу над объективирующей, подчиняющей субъект объективной властью времени и материи. Однако время, четвёртое измерение, как некоторая возможность, допускает иной вариант победы, метафизический праздник, что представляет собой «попытку увидеть сущность вещей, найти исток бытия, обнаружить в имманентном трансцендентное, открыть небеса».⁹ Метафизический праздник предполагает власть над временем.

5. Специфика совести в том, что субъект и объект исследования совпадают в личности исследователя, которая, поэтому, представляет непосредственный интерес сама по себе. Совесть, как процесс, предполагает интериоризацию движений души. Опыт совести есть опыт *со-бытия, со-присутствия, со-существования, со-вещания*.

6. Процесс совести, активизирующий сомнение и отрицание, неоднозначен: он может способствовать как становлению, так и *расчеловечиванию* человека, что есть процесс необратимый. Поэтому, с объективной точки зрения, «стяжатель праздника», рискует, ведь праздник всегда предполагает и риск. Однако метафизический праздник, данный в опыте совести, как переживание, или как возможность победы, предполагает *обратимость, обходимость*, что, как фундаментальные категории субъективного духа, противостоят силам объективации, не допускающим

⁸ Павел ап., 2-е послание Коринфянам, 3 стих 6

⁹ Гурин С. П. Метафизика праздника, Праздник и риск: творчество жизни: Сборник трудов. – Саратов: ИЦ Наука, 2014, С. 31

возможность чуда, возможность совести.

Теоретическая и практическая значимость работы. В результате проведённого исследования было выявлено и исследовано многообразие совести, что обеспечивает возможность коммуникации и приобщения к символическому пространству культурной и исторической памяти. Предпринятая нами попытка соединения социальной и индивидуальной стратегий совести имеет непосредственную практическую значимость для дальнейших разработок в области прикладной этики, педагогики, конфликтологии, социальной работы.

Апробация работы. Результаты и отдельные материалы исследования представлялись на следующих общероссийских и международных научных конференциях: Научная конференция «Реформация и Протестантизм в мировой истории» (Санкт-Петербург, 31 октября 2017 г.); Одиннадцатый ежегодный теоретический семинар «Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры» (Санкт-Петербург, 13-14 ноября 2018 г.); Общероссийская научная конференция «Философско-религиозные проблемы биотехнологического улучшения человека» (Санкт-Петербург, 5 декабря 2018 г.). По теме диссертационного исследования опубликовано 5 статей, в том числе входящих в Перечень ВАК – 4 статьи. Основные положения и выводы диссертационного исследования излагаются в следующих статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК:

1. Совесть как точка конфликта // Конфликтология. Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии. 2016. №4. С. 417 - 434.
2. Коррупция и терроризм: политика страха // Конфликтология. Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии. 2017. №2. С. 285 - 300.
3. Совесть как форма спонтанности // Общественные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. XIV, вып. 3. С. 69 - 75.
4. Поиски истины: Люциферианская антропология // Поиски истины: сборник научных статей / под ред. О. Д. Маслобоевой. - СПб, Издательство:

СПбГЭУ. 2018. С. 204 - 312.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав (содержащих по две, две и три части соответственно), а также заключения и списка литературы, включающего в себя 122 источника, из которых 6 на иностранном языке.

Глава I. Антропологический кризис совести

В первой главе обозначены теоретические предпосылки исследования. Прогресс, связанный с развитием технологий, постоянно кидает вызов традиционной культуре (аграрной, христианской). Конец эпохи Нового времени стал переходом общественной жизни от аграрной к индустриальной форме. В значительной степени этому переходу поспособствовала Первая мировая война, которая стала кульминацией всего Нового времени, которое можно считать своего рода подготовкой к этой глобальной войне. Вторая мировая война есть логическое продолжение первой. Войны, революции, общественные потрясения, являются катализатором перемен, которые, суть, естественность и неизбежность, коль скоро время не исчерпано, а история продолжается. Время, история, перемены, непостоянство метафизически и неизменно представляются блужданием, исканием, страданием, отмеченным стремлением к высшему совершенству, к свершению времён. Источник этого стремления душа, которая, согласно христианской антропологии, не от мира сего. В перспективе победы над временем открывается эсхатологическая перспектива конца времён и конца истории соответственно. Эта победа предполагает торжество Духа над материей, над временем, а значит и над смертью, что, как гласит Предание, уже состоялось, в вечности, но на время. Человеческое существо всецело определяется своим положением – выбором между свободой и рабством, любовью или страхом, миром и войной, а также миром духовным, что предполагает возможность иного характера, некоторый выход из этой замкнутой круговой поруки.

В период перехода от одной формы организации общественной жизни к другой человеческий род опускается в бездну, что, будучи метастабильной, переживается как антимир. Если стабильность соответствует мирному состоянию, нестабильность немирному, что есть война, революция, всякое крушение (символически это состояние изображается на карте XVI Старшего

Аркана в оккультной системе карт Таро). Метастабильность, эта бездна, этот зазор, даёт человеку возможность осознать себя, стать героем, бросившим вызов неумолимому ходу времени. Исторический процесс может пониматься в духе диалектического материализма как процесс смены общественных формаций, но смысл истории даётся лишь в эсхатологической перспективе явления духа, что есть начало и конец ($A\Omega$). Через эсхатологию становится возможной философия истории. Совесть метафизически обращает человека временного, тварь, к его вечному источнику, Творцу, и тем самым возвышает человека до Его уровня. Падение с этой высоты смертельно опасно, но только через совесть, через это мистическое чувство, человек становится человеком.

Сегодня происходит переход от индустриальной модели организации общественной жизни к постиндустриальной, информационно-цифровой. Согласно гендерной теории, прогресс подразумевает освобождение от власти пола, что согласно христианской антропологии, является прямым следствием грехопадения. Сегодня, когда сбываются грёзы постчеловека, технократы, транснациональные компании, скрытые за фасадами государств либерально-консервативного клуба, развивают информационно-цифровые технологии, космос (с надеждой на возможность колонизации), а также технологии по техническому и биологическому совершенствованию человеческой природы. Эти тенденции воспринимаются с энтузиазмом передовыми представителями человечества. Но классовое неравенство на этом фоне становится всё более вопиющим, а пропасть зияет всё сильнее, что кому-то, безусловно, тоже в радость. Прогресс, освобождение человека от власти первопричин, принижающих его достоинство, может быть и уничтожением человека. Такое положение дел, с одной стороны, объясняется через библейские метафоры о падении возгордившихся и потому неугодных Богу Египта и Вавилона, а с другой стороны существованием власть имущих клубов, рассматривающих основное население планеты как *white trash*. Отсюда кризис идентичности может интерпретироваться как своего рода антропологический кризис. Задача же наша состоит в том, чтобы исследовать природу кризиса и обозначить

возможности его преодоления.

Критики либерализма полагают главной ценностью (и пороком по совместительству) либеральной системы удовлетворение индивидуальных потребностей, то есть индивидуализм. Индивидуум, его права и свободы, есть главная ценностная ориентация философии либерализма. Такой подход критикуется приверженцами консервативных взглядов за свойственную ему потребительскую мораль, но едва ли мораль либерализма строится на культе потребления. В статье «Либерал-онтология и либерал-антропология» Вардан Багдасарян написал: «Человек в либерализме есть то, чем он никогда не являлся для религиозной антропологии — индивидуум. «Индивидуум» — это латинский эквивалент греческого слова «атом» и в переводе на русский язык означает «неделимый».¹⁰ Неделимость «атомного человека», как предлагает гендерная теория, согласно которой человек должен освободиться от пола, что, метафизически, есть следствие или сама причина первородного греха, есть изначальная двойственность человека, роковая половинчатость. Преодоление этой двойственности есть преодоление человека, о котором писал Ницше. Стоя перед вызовами современности человечество должно позаботиться об этом переходе. Знание предполагает знание самой этой двойственности. Переход к состоянию *недвойственности* есть переход к незнанию, либо же к божественному состоянию сознания. Неравномерность этого процесса восстановления плеромы чревата новым фашизмом, что вполне может быть в интересах транснациональных клубов. Освобождение человека должно быть основательным, в противном случае мы столкнёмся с новыми формами социального неравенства, рабства, закабаления и угнетения. Поэтому сегодня чрезвычайно важно, чтобы консолидация думающих людей происходила по принципу борьбы против общего зла. Под этим предлогом разделение на правые и левые силы можно признать устаревшими и неэффективными, и преодолено.

¹⁰ Багдасарян В. Либерал-онтология и либерал-антропология https://zavtra.ru/blogs/liberal-ontologiya_i_liberal-antropologiya

Возникновение массовой культуры или китча это следствие прогресса, своевременного перехода к индустриальному обществу в начале прошлого века. Сегодня на авансцену выходит «цифровой человек» или «постчеловек». Но поскольку без движения назад нет движения вперёд, поскольку слово «победа» выводится вдоль поражения, мы не можем не отметить некоторые тенденции, которые в зависимости от моральных предпочтений могут быть истолкованы как позитивные и как отрицательные. Несмотря на то, что пресловутая «цифровизация» в определенной степени освобождает человека, делает информацию более доступной, нельзя не замечать и то, что под удар ставится человечность, душевность, возможность на ошибку. Подвергается фундаментальность человеческая новым испытаниям. В этом плане такие традиционные фигуры мировой культуры как Сократ или Христос, и Будда, охранявшие душу человека, хранящие саму человечность, сегодня ставятся под удар. Эти великие учителя убивали в себе государство, проповедовали истину, излучали внутренний свет, и сегодня, несмотря на кризисы, вызовы времени, они служат источником успокоения, в котором так нуждается человеческая душа. Те, что находятся под защитой, будут спасены, но те, что не под защитой, сильно рискуют. Однако какова цена вопроса? Что есть человек в перспективе сверхчеловечества? В этой точке вопрошания этика смыкается с онтологией.

Сегодня, когда влияние постмодернистских мифов заметно возросло, это служит предпосылкой перехода к новым общественным формациям. Антропологический кризис есть кризис индивидуализма, о котором Вячеслав Иванович Иванов писал ещё в начале XX века, в эпоху бурных перемен, которую Хосе Ортега-и-Гассет охарактеризовал как восстание масс. Вячеслав Иванов предполагал возможным решение проблемы индивидуализма через сверхиндивидуализм. В вышедшем в журнале «Золотое руно» эссе «Предчувствия и предвестия» он писал: «мистический сверхиндивидуализм перебрасывает мост от индивидуализма к принципу вселенской соборности, совпадая в общественном плане с формулой анархии, поскольку последняя в

её чистом виде, представляет синтез безусловной индивидуальной свободы с началом соборного единения».¹¹ Сверхиндивидуализм, принцип соборности, есть принцип мистического единения человека и Бога, анархия есть внешнее выражение этого принципа, метафизической основой которого является хаос.

В фундаментальной работе по философской антропологии «Ступени органического и человек» Хельмут Плеснер рассматривает человеческое существо как эксцентрическое по своей природе, лишённое внутреннего стержня, существо, коим могла бы быть, например, одна из вышеупомянутых эзотерических фигур (Христос, Сократ, Будда). Эксцентрический человек Плеснера соответствует понятию «das Man» Хайдеггера, которое служит обозначением человека-толпы, безответственного и беспробудно спящего. Плеснер, вслед за Ницше, констатировавшим «Gott ist tot», говорил о смерти человека – по крайней мере, внутреннего, что, с эзотерической точки зрения, есть смерть в принципе. Человек становится вещью среди вещей, прекращает своё бытие. Совесть, как условие соборности, о которой грезили деятели Серебряного века В. С. Соловьёв, В. И. Иванов, Д. М. Мережковский, Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев и другие, даёт надежду на возрождение религиозного сознания.

¹¹ Иванов В. И. Родное и вселенское, М.: Республика, 1994, С. 40

1. Проблема двойственности и эксцентрическая позициональность

Человеку свойственна эксцентричность, и поскольку ему свойственно ошибаться («*errare humanum est*»), ему присуща совесть. Возможность заблуждаться отличает человека от искусственного интеллекта. По Плеснеру, «эксцентрическая позициональность» связана с двойственной природой, ведь с одной стороны он – животное, а с другой стороны человек связан с высшим разумом. При таком раскладе неминуемо раздвоение жизни, вследствие чего возникает нечистая совесть. Но если совесть чиста, то, вероятно, это форма заядлой лживости. Совесть есть реакция сознания человеческого существа, находящегося в плену животных инстинктов. Сознание само по себе является концентрическим. Про людей, что сосредоточены на чем-то вне этого мира, говорят, что они «не от мира сего». Такие люди принадлежат не только к миру людей, срединному миру, но также и миру демонов или миру ангелов. Их духовный взор обращён к тому миру, который, вероятно, является их прародиной. В этом смысле судьба человека представляется весьма и весьма проблематичной.

Понятие «эксцентричность» имеет происхождение из геометрии, где понимается как несимметричность относительно центра. В философской антропологии эксцентричность, свойственная человеку, подразумевает двойственность и проявляется в половой дифференциации, например, или в работе сознания. Эксцентрическая позициональность человека означает, что, будучи деконструирован эпохой, человек находится не в центре вселенной значений и смыслов, но где-то на её периферии. Таким образом, человек, как периферийное существо, находится в оппозиции к центру. Но если человек эксцентричен, что в данной ситуации может выступать в качестве центра, то есть в качестве той универсальной оси мироздания, которая пронизывает сакральную середину мира? Ответ на этот вопрос, поможет нам с ответом на фундаментальный вопрос, что есть человек. Человек есть познающее начало постоянно изменяющегося мира. Вера помогает человеку концентрироваться

в океане непостоянства. Совесть в этом отношении соответствует интуиции, мистическому чувству, связующему человека с высшим разумом, или с умом (др. – греч. νοῦς). Для религиозного сознания совесть имеет важное значение, поскольку связывает человека с богом, с божественным сознанием, символом которого является фигура Иисуса Христа для христиан, Будда для буддистов, пророк Мухаммед для магометан. Для преодоления антропологического кризиса предпринимаются попытки реконструкции религиозного сознания через обращение к некоторой традиции. Но, несмотря на то, что человечество сегодня весьма разобщено, универсальной ценностью каждого является его совесть, принцип, который не принцип власти «*divide et impera*» («разделяй и властвуй»), но другой принцип, противоположный этому.

Латинское слово «*eccentricus*» переводится «находящийся не в центре». Антропологический кризис, когда человек оказывается в состоянии *das man*, а не *dasein*, есть следствие утраты внутреннего центра. Выход из кризиса – вот главная задача человечества. Элифас Леви (аббат Альфонс-Луи Констан) писал: «Человек (а к людям я здесь не отношу глупцов и профанов) достоин того, чего сам считает себя достойным; он способен делать все, на что, по своему убеждению, способен, и делает то, что по-настоящему желает делать; и, в конце концов, он может стать всем, чем пожелает стать».¹² Любопытное определение, не правда ли? Чтобы быть человеком надо учиться искусству желания. В этом смысле тот, кто живёт по совести, безусловно, человеком является, потому что совесть, как связующее звено между мирами, есть мера человеческого. Требуемое искусство желания предполагает умение работы со страхом. Но одно дело страх человеческий, другое – страх божий, страх твари перед Творцом, священный трепет, который, в сущности, есть ужас, а не страх. Следующий своему зову, неминуемо встречается со страхами, персонифицированными в форме теней, а также испытывает священный трепет, который пробуждает осознанность. Познающий познает собственные

¹² Levi, E. The magical ritual of the Sanctum Regnum, interpreted by the Elder Tarot arcana. M.: Enigma, 2017., P. 140

страхи для того, чтобы, победив, освободиться.

Страхи, суть, тени, что, в состоянии между явью и сном, на что обратил внимание К. Г. Юнг, обретают некоторую самостоятельность. По отношению к теням, таинственно материализованным страхам, личность, находящаяся в состоянии полураспада, ставится, в экзистенциальном плане, под вопрос. Рефлексия, медитация, как практики, связанные с совестью, способствуют экстерииоризации внутренних мыслеформ и чувственных образов, что, в общем, расценивается как психическое расстройство. Но, чтобы понять своё положение, человек должен обратиться в собственную противоположность. Эксцентричность, когда тень обретает автономность, есть раздвоение, что может быть использовано для самопознания. Тень становится проводником в условное царство теней для заплутавшего в поисках истины человека. Но в царстве теней, как в зазеркалье или в стране чудес, иная логика, и с этим надо разобраться, потому, что здесь концентрируется тьма. Отважившийся на это, сопряженное с неизвестными рисками, приключение, вольно или невольно, попадает в сферу влияний сатаны, что, будучи противником Бога, посвящает человека в свои мистерии. Поэтому образовавшаяся в процессе распада личности тень желает, имеет право, быть. Тень желает стать подлинным человеком, но каковы перспективы в этом? Какими рисками это чревато для человека как для существа, прежде всего, социального? Тень (эйдолон) есть образ, или форма, лишённая содержания, поэтому эффект тени предполагает распад цельной личности, которая обусловлена и не свободна, но лишь наполовину. Взаимодействие подобного рода может быть истолковано как практика освобождения подсознания, что играет немалую роль в познании себя. Подобные деструктивы могут быть конструктивными, когда проводятся с надлежащей осторожностью и вниманием, а также с пониманием высших ценностей, ради которых и свершаются. В этом случае распад некоего целого может способствовать перерождению. В испытании происходит становление человека человеком. Поскольку, как гласит формула Бакунина, «страсть к разрушению есть творческая страсть», бунт, учреждаемый интеллектуальной

совестью, может быть конструктивным.

Вопреки сложившемуся стереотипу, совесть, как философское понятие, имеет не христианское происхождение. Священнослужитель Андрей Ткачёв писал: «само появление термина связывают с философской школой стоиков. И термин оказался так удачен, он так виртуозно вскрывал одну из жгучих тайн внутренней жизни, что прочно вошёл в Священное Писание там, где нужно было обращаться не к евреям, а к представителям эллинистического мира».¹³ И далее: «в греческом, и в русском, и в английском, и ещё, вероятно, во многих языках слово «совесть» сконструировано одинаково. В нём заключена идея *со-присутствия, со-существования*. «Голосом Бога» его стали называть бывшие язычники, познавшие Бога. И даже отказавшиеся от Бога бывшие христиане называли его внутренним комиссаром». В английском языке есть такое любопытное определение для совести как *a still small voice*. Совесть, как сосуществование, соприсутствие, подразумевает состояние сознания, при котором человек способен воспринимать божественное и демоническое в себе, что нередко характеризуется со стороны как безумие. Совесть определяется как зов (Хайдеггер). Следующий зову желает исполнить свой высший долг, предназначение: «земную жизнь пройдя до середины, я очутился в сумрачном лесу». В «сумеречном лесу» голос совести звучит как эхо, и может сбить с пути, поэтому совесть должна послужить некоторым внутренним ориентиром.

Человеческое бытие по определению неопределенно и противоречиво. Сатана, мятежный дух, отпавший от божественной плеромы возгоревшийся ангел Люцифер, согласно еретическим воззрениям, покровительствует тем, кто не боится следовать по пути знания. Леви полагал, что: «Дьявол – Слепая Сила. Если ты помогаешь слепому, он может оказать тебе услугу в ответ; но если ты позволишь слепому вести себя, ты пропал».¹⁴ Условные демоны и

¹³ Ткачёв А. Совесть <https://pravoslavie.ru/47598.html>

¹⁴ Леви Э. Магический ритуал Sanctum Regnum, истолкованный посредством Старших арканов Таро. М.: Энигма, 2017 С. 110

монстры – это те самые странные тени, которые питаются страхом, который, как известно, является инобытием наших желаний.

Познающийся субъект работает с воображением, которое есть сила, не подвластная его человеческому «я». Поэтому-то путь самопознания труден и тернист. Ещё раз повторим: познающийся очень рискует потеряться. Назад дороги нет, а страх и желание постигаются в диалектическом единстве. Законы, нравы, политические позиции, как приметы того или иного времени, не составляют всей реальности и претерпевают изменения, поэтому совесть человека, его внутренняя связь со своим демоном, есть тот принцип социализации, что служит объективной оценке текущей ситуации. В работе «О мистическом анархизме» Г. И. Чулкова сказано следующее: «наша жизнь проходит в непрестанном касании к власти, источник которой лежит в изначальном отпадении этого множественного мира от вечной любви и свободы. Не во имя нравственного долга, начала, которое вне нас, а во имя нашей личности, стремящейся найти полноту своего «я» в союзе с любовью и свободой, мы должны превратить нашу жизнь в неустанную борьбу с властью. Наша непримиримость обусловлена сознанием нашего единства с Премудростью: всякое механическое начало в истории и в космосе нам равно ненавистно, будет ли оно проявляться как «государство», - или, как «социальный порядок», или, как «законы природы».¹⁵ Совесть, соединяющая человека с принципом любви и свободы, в этом смысле противоположна всякой власти, которая *есть* за счёт отпадения от этой любви и свободы. Совесть призывает человека героически бороться за свободу личности, которая ставится превыше всего. Власть может пониматься шире, чем, собственно, власть политическая – как космическая обусловленность, власть инерции, власть материи. Наша связь с Софией, с Премудростью Божией, выступает как совесть, что не даёт смириться с тем положением, при котором попирается достоинство человека, неотъемлемым правом которого является

¹⁵ Чулков Г. И. О мистическом анархизме, Мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2015

право на вечную свободу и любовь. И как главный принцип личности совесть остаётся очень загадочным и уникальным явлением психосоциальной жизни. Совесть обращает человека внешнего к внутреннему, демону, Богу, через которого, как через выражение свободы и любви, должен определяться в социальном плане человек. Этот принцип близок принципам христианского социализма. Здесь уместно вспомнить отрывок из Хайдеггера: «Изречение Гераклита гласит: «Свой особенный нрав – это для каждого человека его даймон». Словом «этос» именуется открытая область, в которой обитает человек. Открытое пространство его местопребывания позволяет явиться тому, что касается человеческого существа и, захватывая его, пребывает в его близости. Местопребывание человека заключает в себе и хранит явление того, чему человек принадлежит в своём существе. Это, по слову Гераклита, его «даймон», или бог. Изречение говорит: человек обитает, поскольку он человек, вблизи Бога. С этим изречением Гераклита согласуется одна история, о которой сообщает Аристотель. Она гласит: «Рассказывают о слове Гераклита, которое он сказал чужеземцам, желавшим встретиться с ним. Придя, они увидели его греющимся у духовки. Они остановились в растерянности, и прежде всего потому, что он их, колеблющихся, ещё и подбадривал, веля им войти со словами: «Здесь ведь тоже присутствуют боги!»¹⁶

Плеснер описывает эксцентрическую позициональность человека как «зашедшее за себя «я» и как «необъективируемый полюс субъекта». Эксцентрическая позициональность подразумевает концентричность как некоторый противоположный полюс, к которому стремится человеческий гений. Противоположности взаимно обуславливают существование друг друга, поэтому они в принципе условны. Бог обуславливает существование дьявола, Христос – антихриста. Через диалектику противоположных начал происходит «снятие». Христианская антропология предполагает сценарии

¹⁶ Хайдеггер М. Статьи и выступления М.: Республика, 1993, С. 26

богоборчества как способ преобразования человеческого начала. Поэтому если предмет концентрации - Бог, то дьявол - агент рассеяния внимания, *эксцентриаии*, если угодно, и – наоборот. Природа Бога, которая есть в известном смысле сверхприрода, не менее таинственна и загадочна, чем природа дьявола, который в этом смысле есть принцип материализма. Но загадочная человеческая природа, которая включает в себя и дьявольскую и божественную природу, соответствует принципу антропоцентризма.

Среди натуральных чисел нечётные числа - это числа, в которых есть середина, примиряющая противоречия. Четность же, или «двойственность» ассоциируются с децентрализацией, эксцентричностью, потому что в этом числовом ряду отсутствует такая гармонизирующая середина. Пифагорейцы обратили внимание на законы делимости чисел, при этом чётные числа считались мужскими, а нечётные – женскими. Среди однозначных чисел особенный интерес вызывает «шесть». По учению пифагорейцев гексада (шестёрка) представляла сотворение мира. Число «шесть» в пифагорействе считалось совершенным. Мистическая шестёрка делится на «два» и на «три» и символизирует гармонию, равновесие, соединение двух противоположных принципов – материи и духа, женского и мужского. В сакральной геометрии шестёрка символизируется шестиконечной звездой, или гексаграммой, что в европейской средневековой натурфилософии и оккультизме есть символ макрокосма, внешнего мира или вселенной, Бога. В пифагорействе «числа понимались не только как выражение лишь количественной *определённости* чего-то, но скорее, как метафизические *качества*, относящиеся к особой, «божественной реальности». Например, единица – не просто первое из чисел, но и мера, начало *числа* как такового, выразитель его природы. Двойка («диада», «двоица») – выразитель природы разделения, противоречия, множественности и т. д.».¹⁷ В нечётных числах содержится неделимая единица, что есть

¹⁷ Лебедев А. В. Новая философская энциклопедия, Ин-т философии РАН, М.: Мысль, 2010

принцип Творца, Единого и исполняет роль той оси, середины, центра, что снимает внутреннюю противоречивость диады. В контексте религиозной антропологии Богу соответствует единица, дьяволу – двоица. Но, ни Бог, ни дьявол, не являют независимые величины, но в целом они составляют ту истину, *истину о себе*, которую человеку постичь дано (по принципу микрокосм-макрокосм).¹⁸ Бог есть принцип концентрации, дьявол – децентрализации, периферийности. Бог вечен, а дьявол бесконечен. Одно необходимым образом дополняет и уравнивает другое. Нечет как некий метафизический принцип более соответствует мужскому архетипу, хотя в разных традициях воспринимается по-разному. Число «шесть», сочетающее в себе два противоположных принципа, - четность и нечетность, как удвоение троицы (треугольников), как соединение противоположных принципов или начал, олицетворяет гармонию, красоту. Шестая сефира Тиферет содержит в себе букву Алеф, соответствующую Воздуху, который, в свою очередь, как стихия, соответствует сефире Тиферет. Согласно каббалистическому учению, воздух играет роль некоторого посредника между Землёй и Небесами. Поэтому шестёрка, соответствующая сефире Тиферет на каббалистическом Древе Жизни, также соответствует понятию совести в мистическом аспекте, поскольку, как нам удалось установить, совесть есть то, что связывает человеческое, *слишком человеческое* с божественным миром вечной свободы и любви.

В работе «Положение человека в космосе» классик философской антропологии Макс Шелер доказал, что, в отличие от растений и животных, человек существо сознательное и, как таковое, выпадает из природного ландшафта. Это выпадение можно считать его трагедией, связанной с утерей гармонии. Функция совести, как некоего магического ключа в сознании человека, состоит в том, чтобы привести человека в состояние гармонии с природой и вообще. Натурфилософия сформировала принцип на основе

¹⁸ Щуплов П. А. Поиски истины: люциферианская антропология//Поиски истины: сборник научных статей/под ред. О. Д. Маслбоевой. – СПб, Изд-во: СПбГЭУ. 2018, С. 210

герметического «что наверху, то и внизу». Согласно натурфилософскому видению человек есть микрокосм, который является частью целого макрокосма, который в свою очередь всецело отражается в каждом отдельном микрокосме. Известный маг и оккультный деятель XX века Алистер Кроули в своём эзотерическом романе «Лунное дитя» писал, что: «каждый мужчина и каждая женщина – это звезда» и что «Столкновения происходят, когда они сходят со своих орбит».¹⁹ Каждый отдельный человек, мужчина или женщина, есть звезда микрокосма, которая, находясь на своей орбите, находится в гармонии вселенной, сходя со своей орбиты, сталкивается с беспредельным, не-сущим, непроявленным, первородным хаосом. Понятно, что для человека как для звезды ничего хорошего, кроме самоуничтожения и затем окончательного растворения в чёрной кислотной бездне небытия, скажем так, это предприятие не сулит, но, тем не менее, всегда находятся энтузиасты, готовые сойти со своей орбиты ради любви и свободы. Поэтому с одной стороны человек принадлежит вечной свободе и любви, а с другой он принадлежит страху, что на законных основаниях мешает ему преодолевать силы земного притяжения.

Человек есть существо стремящееся, и это проявляется в борьбе против сдерживающей пространственно-временной и иных форм власти. Человек не может мириться с утратой божественного центра, как не может мириться он с собственной смертностью. Этот бунт его закладывает основы социального и технического прогресса (на это хорошо обратил своё внимание Камю в книге «Человек бунтующий»). Н. Бердяев полагал, что историческое назначение человека в том, чтобы творчески преобразовывать миры проживания. Пиком творческо-героического восстания против духа тяжести и несвободы может считаться гордая человеческая идея власти над временем, что есть высшая власть, утверждающая высшие жизненные ценности свободы и любви. Тот, кто управляет собой, знает себя, может контролировать и время. Тот, кто

¹⁹ Кроули А. Лунное дитя https://librebook.me/lunnoe_ditia

контролирует время, может считаться не иначе как богом.

Хельмут Плеснер утверждал: «Свидетельства внутренней очевидности не устраняют сомнений в достоверности собственного бытия. Оно неспособно преодолеть раскол, гнездящийся в *самобытии* человека, пронизывающий его в силу его эксцентричности, и поэтому никто не знает о самом себе, тот ли он, кто плачет или смеется, думает и принимает решения, или это делает та уже отколовшаяся от него самость, – его иное в нем, его дублер, а, может быть, и антипод».²⁰ Такое положение дел, во-первых, говорит о том, что силы хаоса так или иначе имеют своё участие в мире, во вселенной, поскольку существуют как бы параллельно космосу и порядку, а во-вторых, это свидетельствует о расколе личности, который может быть преодолен через концентрацию на желаемом и достижимом – через силу обратную эксцентричности. Концентрация здесь подразумевает осознание высших ценностей, ради которых человек готов жертвовать и жертвует собой. Справедливо в этом смысле высказывание Элифаса Леви: «Человек достоин того, чем сам себя считает достойным». Бытие, действительно, есть, если угодно, Царствие Божие, что внутри нас, *знание* которого даётся через различные эзотерические практики, связанные с работой над освобождением своего подсознания.

Среди бесконечного множества определений, что есть человек, ни одно не является исчерпывающим. Понтий Пилат, указав на Иисуса Христа, сказал: «се человек». Можно ли такое считать определением Христа или человека? С социологической точки зрения, Христос был человек, который занимался общественной деятельностью, причем, крайне революционного свойства. *Не мир, но меч* принёс Христос, провозгласив высшее достоинство человека перед Богом и, следовательно, равенство всех людей между собой. Человеческим достоинством отныне наделялись все те, кто, по законам древнеримской империи, человеком не особо считался: мытари, рабы,

²⁰ Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004, С. 63

пьяницы, проститутки. В кандидатской диссертации Г. М. Сафиной. «Поступок в структуре нравственного выбора» сообщается, что: «Любое моральное отношение подразумевает определенную сакрализацию другого, полагание его не просто как равного мне, но как некий абсолют, перед лицом которого я могу обрести своё человеческое существование».²¹ Поэтому принцип признания другого, который может не разделять твоих ценностей и угрожать им, а также принцип непротивления злу насилием, есть высший христианский принцип, который предполагает не смирение перед злом, но и не противление злу.

Согласно знаменитому изречению не христианского свойства «человек человеку волк» (*homo homini lupus est*), то есть, ради собственного блага, человек всегда готов пренебречь ближним своим. Чувство самосохранения и эгоизм есть главные свойства человеческой природы. Сенека полагал, что «человек есть нечто сакральное для человека».²² В определенном смысле оба высказывания верны. Человек, познавший себя, заботящийся о себе, также, как и о другом, делает это потому, что считает, что каждый человек – это живая душа, которая божественна. Но тот, кто не испытывает чувства внутреннего достоинства, лишён чувства благодарности, тот будет слеп и зол к другому как к себе. Человек, привыкший игнорировать голос совести, что отчаянно звучит внутри него, будет глух и несправедлив и по отношению к другому. Надо сказать, что в древнеримской культуре волку отведено особое место: волк, или – волчица, как известно, имеет культовое значение для цивилизации вечного города. Поэтому, несмотря на кажущееся противоречие между высказыванием «человек человеку – бог» и «человек человеку – волк», они согласуются. Поэтому Томас Гоббс высказался следующим образом: «Если говорить беспристрастно, то оба высказывания верны; человек человеку является своего рода Богом, и, верно то, что человек человеку – волк, если мы сравним

²¹ Сафина Г. М. Поступок в структуре нравственного выбора (анализ проблемы в контексте народной мудрости), Чебоксары, 2010

²² Сенека, Письма Луциллию XCV, 33

людей между собой».²³ Поскольку языческим верованиям в той или иной мере присущ анимализм и антропоморфизм, это кажется более или менее понятным. Легенда гласит, что основатели вечного города Ромул и Рем были вскормлены волчицей. Помимо буквального значения, эта легенда может быть проинтерпретирована в том смысле, что волчицами назывались блудницы, а публичные дома волчьими местами - *лупинариями*. Будучи весталкой, служительницей религиозного культа, мать героев, по долгу службы должна была сохранять невинность. Однако, несмотря на праведность, родила двоих, что, по легенде, были отлучены, вскормлены волчицей и основали впоследствии Рим. Но при правильном прочтении эта легенда содержит в себе историю о непорочном зачатии, которое произошло при божественном участии. В этом смысле весталка надлежаще исполнила свой святой долг. Отсюда мы имеем миф о святой блуднице, или святой волчице, зачавшей героев непорочно.

С одной стороны, сегодня мы живём в очень рациональное время, когда стремительно развиваются и внедряются в жизнь информационные интернет технологии, что обладают поистине революционным потенциалом в отношении человека и общества. С другой стороны, миф, как некоторая форма мировоззрения, сегодня имеет место быть. Поскольку прошлое, история, как утверждают некоторые теоретиками, не верифицируемы, не существует единого критерия оценивания того, что действительно, а что нет. Отсюда та подмена понятий, ценностей, фактов, что происходит в интересах тех или иных властных сторон. Современное мифотворчество, творчество «постмодернистских мифов», обусловленное той тотальной цифровизацией человечества, есть властный проект, есть в определенном смысле творчество самой реальности. Двойственность человеческого сознания для философской антропологии выражается как эксцентрическая позициональность человека, которая и определяет человеческую свободу, что выражается как свобода

²³ Гоббс Т. De Cive <http://www.unilibRARY.com/ebooks/Hobbes,%20Thomas%20-%20De%20Cive.pdf>

выбора. Сведение двойственности человеческого сознания (субъект-объект) к не двойственности может обернуться катастрофически для судьбы человека в принципе. Поэтому полная свобода подразумевает свободу информации и дезинформации, контроль сознания, религиозную пропаганду, навязывание «традиционных ценностей», чреватые фашизмом и тиранией. Предельное выражение свободы предполагает добровольный отказ от свободы, но предельность чужда человеческому существу. Человеческому существу свойственен поиск некоторой «золотой середины», гармонии, и поэтому он избегает крайностей, что зачастую губительны для него.

В диалоге Аристотеля «О философии» говорится, что толчком для занятий философией Сократу послужила надпись на стенах дельфийского храма «познай самого себя», которая, как некий призыв, как послание богов человеку, может быть интерпретирована как «опознайся», или - «проснись». Известное изречение Сократа «я знаю, что ничего не знаю» есть некоторый результат такого познания. Отсюда *знание*, как результат воли к познанию, согласуется с известными словами Екклесиаста: «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Древние источники утверждают, что *знание*, что есть некоторая истина человека о самом себе, которую ему дано постичь, по меткому выражению Фуко, приносит печаль человеку. По причине раздвоения «Я» на субъект и объект, что еще не есть *знание* само по себе, человек лишается покоя, а также непосредственной жизненности, в которой так нуждается. Следовательно, *знание* не приносит счастья. Для счастья человеку необходимо научиться быть мудрым, забывая то *знание*, что стало причиной большой скорби. Если воля к познанию обрекает человека на страдания, то мудрость, постигаемая через любовь к мудрости, через философию, способна подарить счастье.

Однако, что такое счастье? Этот риторический вопрос, актуальный для человека сегодня, занимал философов с древнейших времён. Эвдемонизм есть основное направление античной этики, занимавшийся поиском ответа на этот вопрос. Древнегреческое «эвдемония» обычно переводится как счастье и

является его ближайшим эквивалентом. Оно состоит из двух слов «хороший» и «демон». В статье «Проблема счастья у Л. Фейербаха» М. М. Жориной сообщается: «Демокрит называл счастье «евтимией», то есть благом расположением души, когда человек находился на своем месте, а, следовательно, в покое. Античный эвдемонизм — это умеренное удовлетворение людьми своих потребностей на основе знания логоса и собственной природы. Благодаря мудрости человек справляется со своими страстями и неистинными желаниями, которые не могут привести его к счастью. Счастье же достигается на основе добродетельной жизни».²⁴

Поэтому, чтобы понять, что такое счастье, в античном смысле, необходимо сначала понять, что есть добродетель. Согласно основоположнику стоической школы Зенону Китийскому, «добродетель есть согласованность предрасположения (с природою). Она заслуживает стремления сама по себе, а не из страха, надежды и иных внешних причин. В ней заключается счастье, ибо она устрояет душу так, чтобы вся жизнь была согласованной. С этого пути разумное существо иногда сбивается, увлекшись внешними заботами или подпав под влияние близких; но сама природа никогда не даёт ему поводов сбиться с пути».²⁵ Надо сказать, что для дохристианской философии человеческая природа не отличалась от природы вообще, и поэтому принцип соответствия был наиболее предпочтителен. Умение быть счастливым понималось как искусство соответствия природе своих истинных желаний. Пониманию счастья ранних стоиков вполне соответствует высказанный в романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» девиз телемской обители «делай, что хочешь» или, скажем, пантеистическая формула «правильно то, что тебе соответствует».²⁶ Отсюда понимание истинных желаний, согласных

²⁴ Жорина М. М. Проблема счастья у Л. Фейербаха // Философия XX века: школы и концепции. / Научная конференция к 60-летию философского факультета СПбГУ, 21 ноября 2000 г. Материалы работы секции молодых учёных «Философия и жизнь» Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001, С. 83-84

²⁵ Диоген Л. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, Изд-во Мысль, Москва, 1979, С. 296

²⁶ Головин Е. В. Приближение к снежной королеве <http://golovinfond.ru/content/priblizhenie-k-snezhnoy-koroleve>

природе, есть мудрость. Нет никакой человеческой природы, соответствие которой противоречило бы плану природы вообще. Вступать в противоречие с природой значит сбиться с пути, и это положение выражается в фразе греческого стоика Клеанфа: «*ducunt volentem fata, nolentem trahunt*», что можно перевести как «желающего судьба ведёт, нежелающего тащит». Отсюда следует, что решение проблемы двойственности достигается за счёт умения каждого отдельного человека правильно желать или соответствовать природе. Достижение счастья предполагает обнаружение природы своего подлинного желания, что достигается за счёт работы с подсознанием, а также, согласно природе выявленного желания, обретение своего места в мире.

2. Истина с человеческим лицом: проблема совести в отечественной философии советского и постсоветского периодов

В новейшей отечественной философии проблема совести изучена недостаточно. В основном совесть рассматривается как этический феномен, выражающийся в непосредственном переживании ответственности, чувства долга и справедливости. Совесть понимается как самое сильное чувство, а также как некоторый внутренний голос.

Яков Абрамович Мильнер-Иринин (1911 – 1989) в 1943 году защитил диссертацию «Бенедикт Спиноза» в СССР. В 1963 году вышла, ставшая доступной для более широкой аудитории в постперестроечный период, рукопись «Этика, или Принципы истинной человечности». Работа подвергалась суровой критике на родине, а в 1986 была издана в ФРГ. Только в 1999 году «Этика» была издана в России издательством «Наука». Работа Мильнер-Иринина, который был объявлен «безродным космополитом» и был лишен возможности вести преподавательскую деятельность, не издавалась в СССР. Как еретик, Яков Абрамович, не отказывался от своих воззрений, которые не соответствовали идеологическому уставу марксизма-ленинизма. Функционеры, идеологи от науки критиковали взгляды Якова Абрамовича как излишне идеалистические. В результате Мильнер-Иринин стал изгоем, а его работы были запрещены к издательству.

Мильнер-Иринин, безусловно, совестная, жертвенная и героическая фигура. Совесть есть основообразующее русской интеллигенции. Для Мильнер-Иринина, как для истинного философа, любовь к истине была первоисточником поисков. Пусть становление философа происходило под давлением социально-политических и иных условий и обусловленностей, он грезил общечеловеческими ценностями и идеалами. Трагедия Мильнер-Иринина есть пример конфликта, который возникает между теми, кто готов сражаться за свою веру, не боясь порицания со стороны, и теми, кто всегда

исполняет социальный заказ. Мильнер-Иринин жил и творил не за страх, а за совесть, которой уделено особое внимание в оставленном им творческом наследии.

Книга «Этика, или Принципы истинной человечности» состоит из десяти глав. В каждой даётся принцип «истинной человечности». Вместе они представляют оформленную систему взаимосвязанных постулатов: «Сами Принципы, принципы истинной человечности, детище человеческой логики <...> нарушение одного из Принципов есть неизбежное нарушение всех. Мало того, представляется невозможным определить, какой именно из Принципов в том или ином случае нарушен, до того органично они слиты в самом разуме, в самой совести человека, в его общественной и нравственной, трудовой и творчески-революционной природе – в человечности»²⁷. Уже здесь мы видим, что слово «совесть» употреблено в смысле «человечности», что вбирает в себя революционность, нравственность, сознание и общество. Итак, совесть, или человечность, есть обобщающий, по принципу матрёшки, принципы истинной человечности, момент. Десять принципов невольно ассоциируются с библейскими десятью заповедями: нарушение одного влечёт нарушение другого и в итоге всех остальных. Концепция Мильнера-Иринина предполагает, что одно содержит в себе другое - третье. Здесь реализуется принцип матрёшки – одно содержит в себе все. Совесть же есть то, что помогает увидеть/раскрыть эти принципы, увидеть эту матрёшку в разобранном виде. Модель социума дана в качестве личностных эманаций Духа, которые в свою очередь определяют характер личности.

В главе первой «Принцип совести. О совести и чести и о высоком достоинстве человека» совесть постулируется как некий метафизический принцип, конституирующий саму личность, как существо божественное, хоть об этом и не говорится прямо, и социальное, но общество не обожествляется. Совесть говорит об идеальном, как о некоем должном, что не представлено во

²⁷ Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или Принципы истинной человечности. М.: Наука, 1999. С. 36

времени проживания. Совесть актуализируется на стыке личностного и социального начал, и выступает как принцип солидарности Одного и всех.

Дальше провозглашается «принцип самосовершенствования»: «Твори из себя человека. Человек не рождается готовым, но образует себя в течение целой жизни...»²⁸. Самосовершенствование есть непрестанное преодоление себя, непрестанное стремление, переживание, сочувствие другим и в радости, и в беде. Человек здесь понимается преимущественно как гражданин, или как личность. Этика человека соответствует этике Творца. Творчество человека из себя есть истинное творчество подобное творчеству из ничего.

Третий принцип есть принцип добра. Здесь говорится о преобразении человека: «Твори добро, то есть такой мир, социальный и естественный, в котором истина – принцип теоретической деятельности, правда – принцип практической деятельности и красота – принцип художественного творчества общественно исторического Человека слились бы в высшем, идеальном синтезе»²⁹. Добро в этом смысле предполагает веру в чудо, что есть синтез и сочетание того, что просто так не сочетается. Просто так в смысле без определенных уступок и компромиссов. Синтез этот без умаления одного или другого принципа предполагает фантастическое преодоление пределов или преобразование собственной личности, которая включает в себя и свои «достоинства» и свои «недостатки». Фантастическое преодоление — это, впрочем, не кажется таким уж невероятным, поскольку согласовывается с диалектико-материалистической моделью, согласно которой количественные противоречия разрешаются в новое качественное единство.

В четвертой главе «Этики» Мильнер-Иринин размышляет о совести в социально-философском ключе: «Общественная собственность – настоящая первооснова добра, – жизни, построенной на началах истинной человечности, основа благосостояния народов и действительной свободы человеческой

²⁸ Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или Принципы истинной человечности. М.: Наука, 1999. С. 47

²⁹ Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или Принципы истинной человечности. М.: Наука, 1999. С. 83

личности»³⁰. Общественная собственность, противоположная частной, то есть собственности в принципе, не есть собственность. Отсюда социальная совесть отрицает и частную собственность, как первородный грех общества, и, осмелимся предположить личности. В этом смысле мы не видим в этом утверждении ничего, что входило бы в явное противоречие с идеалами коммунизма, который понимался не иначе как царствие божие на земле. Выступая против следствий совесть М.-И. не видит причины, корня зла, который отнюдь не в частной собственности как таковой.

Следующий принцип – принцип труда: «Трудись. Только общественно-полезный и производительный труд делает человеком, полноправным и полновластным участником общественно-исторического процесса, приобщает его к великому целому, именуемому трудящимся человечеством»³¹. Человек здесь производное от человечества – никак не наоборот. Не являющийся «полновластным участником общественно-исторического процесса» в этом смысле, надо понимать, не совсем человек. Налицо перекося и социальный детерминизм. Удивительно, что нашли в этом учении цензоры советские такого, что вызвало гонения автор этого произведения, выполненного вполне в духе времени и, главное, если и не в полном, то в достаточном, соответствии с доктриной диамата. Однако принцип достаточности не вполне определен, и может иметь характер спонтанности, либо недоразумения. *Arbeit macht frei* – «труд освобождает». Эта фраза, использовавшаяся в нацистских концлагерях, выражает принцип общественной полезности, лишь более радикально, но и, надо признаться, последовательно. Согласно Библии Бог отправил человека на землю, чтобы трудиться – совершенствоваться. Это традиционное вертикальное учение. Согласно диалектике раба и господина, тоже вполне традиционной, Человек – это господин, а не раб. В этом смысле человек, обязанный трудиться в наказание за грех, и только трудом приближаясь к заветному раю, не человек, потому что раб. Естественно, это так лишь

³⁰ Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или Принципы истинной человечности. М.: Наука, 1999. С.137

³¹ Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или Принципы истинной человечности. М.: Наука, 1999. С.172

традиционно. Но тот человек, который проснулся, последовал зову бытия, тот уже не является рабом, но это не значит и то, что он желает быть господином. Нет. Он желает освобождения для высших целей.

Шестой принцип, или принцип свободы, гласит: «Будь свободен. Нет более гнусного преступления против человеческой совести, нежели духовное (нравственное) рабство...»³², и ещё: «Свободен только и исключительно человек – как существо общественное и самодеятельное – и лишь тогда, когда он во всем следует велениям совести»³³. Но совесть может вызывать и асоциальные последствия, поскольку свободна. Общественный детерминизм и свобода совести сочетаются не очень хорошо. Скорее речь о компромиссе так называемой «нечистой совести», когда человек познается исключительно как животное политическое, а общество как Бог. Но Бог этот нуждается в нашем участии, как несовершенство нуждается в совершенствовании. Человек призван доделывать то, что не доделал Господь. В этом, можно сказать, его творческая миссия. Здесь имеет место быть то, что мыслители Серебряного века называли *человекобожием*, которое противопоставляли богочеловечеству. Если первое есть *обожение* и преображение человека, то второе есть момент обратный первому, то есть уподобление Бога человеку, что вполне в духе светскости. Здесь преобладает положительная не полная свобода «для», а не отрицательная свобода «от» (от эго или даже от самой совести). Мильнер-Иринин не стал рассматривать метафизический аспект полной свободы, связанной с саморазрушением и обожествлением человека до уровня божественного, потому что общество нуждается в полезности труда, потому что человек для общества. Свобода вообще предстаёт в равной степени разрушительной и созидательной. Например, Н. Бердяев понимал свободу диалектически – как взаимодействие божественного и человеческого начал в человеке.

Седьмой принцип - благородство: «Будь благороден. Преследуй лишь

³² Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или Принципы истинной человечности. М.: Наука, 1999. С. 215

³³ Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или Принципы истинной человечности. М.: Наука, 1999. С. 268

достойные цели в жизни и употребляй лишь достойные средства к их достижению. Ни одна цель, как бы высока и благородна сама по себе она ни была, не способна оправдать низменные средства к ее осуществлению: высокая цель и низменные средства борьбы – вещи несовместимые. Благородство характера – истинно человеческая черта, необходимо присущая человеку, осознавшему свое высокое историческое назначение, свободному и разумному преобразователю и творцу, черта характера, свидетельствующая о возвышенном понимании человеком своей природы и ответственности своей перед собственной совестью»³⁴. Благородство свойственно героям. Проблема здесь заключается в том, что «высокое историческое назначение человека» часто добывается отнюдь не гуманными средствами, великие исторические дела вершатся через насилие над людьми расой господ, возомнивших себя сверхлюдьми, поэтому «высокое историческое назначение», согласованное с совестью, предполагает героическое начало, что означает вызов, брошенный расе господ и, шире, самому миру, времени и пространству: «Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч».³⁵

Принцип благодарности – восьмой. Мильнер-Иринин формулирует его следующим образом: «Чувство благодарности делает каждого отдельного представителя человечества воплощением целого, ибо полностью, как и все нравственные добродетели, покоится на совести. В чувстве благодарности человек как бы входит в другого человека, выходит из замкнутой скорлупы своей индивидуальности в душевный мир другого, впускает его в свой собственный душевный мир, в нем человек соединяется с человечеством, ... сливается с ним в единое целое, ощущает свою прочную, неразрывную ... связь с себе подобными и не только с современным ему поколением, к которому он сам принадлежит, но и со всеми поколениями людей...».³⁶ Благодарность есть и сострадание, и альтруизм, и соединение душевных

³⁴ Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или Принципы истинной человечности. М.: Наука, 1999. С. 283

³⁵ Мф. 10:34

³⁶ Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или Принципы истинной человечности. М.: Наука, 1999. С. 349

порывов. Только через благодарность индивидуализм переходит в стадию сверхиндивидуализма, что, по существу, предполагает преобразование социальной жизни, к участию в ней пробуждается индивид. Здесь даже угадываются черты проекта «общее дело» нашего «космического» философа Николая Фёдоровича Фёдорова, который ревностно отстаивал евангельскую истину, согласно которой сыны должны возвращать к жизни отцов – не только лишь психически, но и социально, т. е. психосоциально. Действительно, этот восьмой постулат есть логическое развитие предыдущего постулата, где говорится о роли совести Творца, стремящегося во имя свободы всего человечества к преодолению времени-пространства, обусловленности, но без потери личности, человечности. Подлинный человеческий прогресс видится как синтез духовного и материального, в результате которого происходит преобразование материи и, если угодно, материализация духа (причём оба процесса одновременно). Под «человечеством» подразумеваются не только живущие, но мёртвые, и все прошлые и все грядущие поколения. Только посредством сверхиндивидуального творчества преодолевается роковая разобщенность. В действительности всё возможно, будь на то воля Божья, потому что для Бога нет ничего невозможного.³⁷

Девятый принцип - мудрость - гласит: «Будь мудр: верь в человека и его высокое историческое назначение – в несокрушимую мощь его разума, неисощимую сокровищницу его совести ... надейся на конечное торжество добра – истины, правды и красоты; люби жизнь во всей ее неисчерпаемой прелести»³⁸. Прекрасно. Автор «истинной человечности» в своей работе пытался построить этику, в которой бы синтезировались идеалистическая, традиционная, и материалистическая парадигмы философии. Таким образом, совесть включает в себя мудрость: кто внимает своей совести, тот мудр. Согласно М.-И. мудрость подразумевает веру в торжество добра.

Завершает концепцию «истинной человечности» принцип поступка:

³⁷ От Луки. 1:37

³⁸ Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или Принципы истинной человечности. М.: Наука, 1999. С. 377

«Поступать надо по совести. Каждый твой новый поступок должен быть новым подтверждением обретенного нравственного уровня, равно как и новым вкладом в общую сокровищницу совести. Остановиться в нравственном развитии – значит идти вспять».³⁹ Здесь интересно выражение «общая сокровищница совести», что представляется как ноосфера, или своеобразная зона, в которой проявляется подсознательное человека, что составляет его мысли, желания. Поэтому нравственный прогресс, движение вперед, равно развитие общественной жизни и личности возможен лишь как рост сознательности, которая при этом согласовывалась бы с добром, что предполагает веру в Бога-общество и в богочеловека. Поскольку человеку свойственно ошибаться, человеческий фактор, эта ошибка может быть искуплена. Это ключ к пониманию «человечности». Всечеловеческое стремление должно бы ограничиваться сознанием собственной неполноты, что есть мудрость, что есть совесть, но т. н. «человечество», исторический прогресс движется другим путём. Однако, веру в окончательную победу богочеловека ещё никто не отменял, ведь, несмотря на существующий кризис, она лишь крепнет в сердцах верующих в ожидании Страшного Суда и Второго пришествия Иисуса Христа. Но надо помнить, что всякое действие порождает противодействие. Что касается, собственно, поступка, то важно помнить тому, кто действует, что его действие есть лишь противодействие, то есть следствие некоего действия.

Я. А. Мильнер-Иринин называл свою этическую концепцию «логикой человеческого счастья». Согласно этой логике, только сердечная открытость человека к всечеловеческому, к божественному, освобождает человека от духа тяжести и тем самым делает его по-настоящему счастливым.

Доктор философских наук Олег Григорьевич Дробницкий защитил в 1970 году диссертацию на тему «Моральное сознание». Статья Дробницкого «Проблема совести в моральной философии» появилась в 1972. В 1973 году

³⁹Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002. С. 455

Дробницкий погиб в авиакатастрофе. Издательством «Наука» в 1977 была издана книга статей Дробницкого «Проблемы нравственности». Переиздание трудов под названием «Моральная философия: избранные труды» (Сост. Р. Г. Апресян) выходит в 2002 году.

В статье «Проблема совести» совестный феномен обнаруживается как глубоко-личностный конфликт, для разрешения которого требуется полное погружение. Совесть не только теоретическая проблема, но и, прежде всего, проблема практическая. Совесть есть высший нравственный закон, и поэтому тот, кто живёт по совести, не должен бояться показаться странным или непонятым: «Подлинно добродетельный человек должен вести себя не просто как все, но должным образом, пусть даже вопреки обычаю» – писал Дробницкий, – и далее: «должен быть единый для всех закон, по отношению к которому и должны оцениваться обычаи как справедливые и несправедливые».⁴⁰ Отсюда понятно, что «общий для всех закон» есть не что иное, как совесть, что есть и внутренний голос, и врождённое нравственное чувство, помогающее различать добро и зло. Чтобы пробудиться ото сна, в котором пребывает обыватель, необходимо слышать и воспринимать этот внутренний голос, необходимо внимать этому чувству и не игнорировать его. Именно через совесть человек приобщается к подлинной добродетели. Внимание совести предполагает столкновение с персонифицированной фигурой генерализированного другого, состоящего из страхов, грёз и сокровенных желаний. Зачастую для поддержания порядка необходимо поддержание в обществе закона мирского добра, отрицающего совесть и веру (имеется в виду капиталистическое общество, которое принимает различные формы).

Автономная независимая совесть познаётся как *человеческое, слишком человеческое*, или как универсальный человеческий закон, согласно которому внешний человек должен подчиняться воле внутреннего человека, поэтому

⁴⁰ Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002. С. 488

чрезвычайно важно исследовать внутреннего человека, ведь его независимая воля может оказаться не такой и независимой. Это исследование социально и происходит как самопознание общества во всех его составных и поэтому требует соучастия всего человека – внешнего и внутреннего, а только потом и всех людей, причастных власти, которая, во всей своей множественности, ответственна за «внутреннего человека» в том или ином обществе. Внутренний человек, воистину свободный от мирской власти, не признаёт никакой власти, кроме власти Бога, и есть как бы персональный Иисус, который должен быть услышан свободолюбивым до горделивости внешним человеком, потому что нравственный и человеческий прогресс возможен только через снятие, через взаимное отрицание внешнего и внутреннего. совесть есть совесть, что подразумевает соучастие сторон, сотрудничество.

«Правота, – писал Дробницкий, – не всегда на стороне большинства, силы, власти, богатства и влияния»⁴¹, что очень верно замечено, но вот это его «не всегда» вызывает вопрос - а как же социально-биологический детерминизм в духе «кто сильнее – тот и прав»? Дробницкий позволил себе усомниться в том, что большинство всегда право, проявив индивидуально-совестное начало. Возможность такого сомнения предусмотрена системой и в английском языке такое понимание совести обозначено как *a still small voice*, что, надо понимать, есть некоторый *ресентимент*, достойный жалости и самолюбивого сострадания торжествующего, пусть и временно, в своей правоте победителя. Сила «не в фактическом торжестве над неправотой и пороком, а в ее идеальном превосходстве».⁴² Это есть сила равная слабости, что, конечно, очень в духе исторического христианства, которое сегодня не вызывает большого доверия современников, сегодня, впрочем, как и всегда, поскольку эти самые современники, по определению, ориентированы на своё время более, чем на вечность, о которой в принципе ничего не знают. Ориентация на своё время есть ориентация на власть, то есть на

⁴¹ Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002. С. 488

⁴² Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002. С. 488

существующую мировоззренческую парадигму, отклонение от которой есть бунт, радикализм, безумие. В этом смысле совесть есть ресентимент тех, что поглощены не своим временем, но некоторым общественным, внешним, временем, и культ внутреннего человека обуславливает такое положение вещей. Будучи запертым внутри, переживающим идеальную свободу, человек не может быть внешним и внутренним одновременно, не может быть Богом, что не может быть. Не так ли это? Может причина закабаления - власть земная или, может, власть небес? Однако о какой власти небес можно говорить – если власть небес есть одна лишь свобода. Но и в этом позволительно усомниться философу, сомнение – дело которого.

Дробницкий писал: «Требования, предъявляемые нравственностью человеку, далеко не так однозначны, как в механизме простого обычая, подчас они включают трудно согласуемые задачи или даже взаимно противоречивые императивы и критерии оценки. Узлом этих противоречий становится проблема совести – такого способа саморегуляции индивидом своего поведения, в котором он наделяется наибольшей мерой личного усмотрения и самовыражения и одновременно облагается наибольшей мерой социальной ответственности».⁴³ Чистая нравственность, порождающая совесть нечистую, свойственная фанатикам и перфекционистам, обычно не столь сострадательна в своих требованиях и достаточно жестока к человеку, но не достаточно человечна, не достаточно человеколюбива. Нравственность стремится выдавать себя за путь к истине, но истина эта, что требует от человека безупречности в то время как человеку свойственно ошибаться, бесчеловечна. Ошибаться – это неотъемлемое человеческое свойство. Не к чистой нравственности обращает нас, ищущих, совесть, а к человечности, что подразумевает свободу, сомнение, размышление, душевность, порывистость. Чистая же нравственность выбивает человека из колеи, его обусловленности, традицией, обычаями, которые призваны поддерживать порядок. Чистая

⁴³ Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002. С. 489

совесть призывает человека к «высшим делам» человека, она сводит его с ума, делает одержимым какой-нибудь сверхидеей, что пагубно воздействует на психическое и физическое здоровье. Поэтому мирская власть, безусловно, связанная с властью неба, должна заботиться о сострадании, человечности, демократичности своего режима. Разделение на чистую и нечистую совесть возникает из-за непомерной гордыни, непомерного стремления человека и приводит к распаду личности и к смерти вообще.

Проблема совести связана с проблемой сознания: «В самом сознании человека есть некая внутренняя самодостоверность, позволяющая индивиду безошибочно усматривать моральную истину».⁴⁴ Эта самая «внутренняя самодостоверность», что внутри сознания, есть совесть, ответственная за ту истину о человеке, которую ему дано постичь. Эта истина есть моральная истина. В противном случае если человек решается познать недоступную ему истину, скрытую за семью печатями, то он рискует потерять свою свободу, свою человечность и обратиться в бесов. Поэтому не стоит отказываться от моральной истины, от совести, ради праздного интереса, повинуюсь пагубной страсти. Но поскольку человеку свойственно ошибаться, ему свойственно учиться на своих ошибках, и хорошо, если в процессе обучения всё-таки чему-то научается. Если моральная истина проявляется во влечении к добру, не только абстрактному, но и конкретному, проявляющемуся в повседневной жизни, то совесть есть обнаружение человечности сознания. Иными словами, совесть есть самосознание. Но если человек не есть истина, то человеческое его стремление к истине разрушительно для него, но в ином смысле, по ту сторону добра и зла, стремление может быть созидательно. Но мы не знаем об этом практически ничего, поэтому полагаемся лишь на свои чувства и догадки, которые могут быть жестоким обманом. Если истина требует от человека слишком много, то эта истина – ложь, потому что истина – любовь, проявляющаяся как сострадание, человеколюбие. Религиозным учениям

⁴⁴ Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002. С. 489

свойственно рассматривать сверхчеловека в качестве идеала для человека, но религия, которая строится не на понятии гуманизма, свободы, равенства, любви и сострадания не есть истинная религия, потому что противоречит человечности. Бесчеловечная истина может быть метафизикой, умозрением, оставаясь при этом холодной, далёкой, мерцающей звездой для человека, что с одной стороны дарует надежду, а с другой причиняет боль. Человек имеет право на самоопределение в этом отношении. Это право фиксируется свободой его совести и есть в принципе моральная истина – то знание человека, которое ему дано постичь. Относительность, подчиненность времени в этом смысле не есть истина. Совесть, не закон, а свобода, является ориентиром для человека, что испокон веков находится в поисках истины. Поэтому мы необходимо будем должны согласиться со множественностью истины – что истина для одного для другого может быть не истина, поэтому возникают разногласия. Но именно в спорах и в разногласиях каждый новый раз истина является себя, и поэтому необходимо защищать существование различных, пусть и кажущихся одна другой неприемлемыми, точек зрения. Истина не предполагает насилия, но, наоборот, она предполагает ненасилие. Зачастую страх хаоса, который якобы может возникнуть, если допустить множественность всего, заставляет придерживаться строгости и тем самым обуславливает фанатизм и нетерпимость, что, парадоксальным образом, в свою очередь, лишь усиливает хаос и страх.

Мы не можем познать истину как таковую, поскольку она за пределами человеческого разума, но можем познать себя в истине. Знать истину себя значит познать пределы, что предполагает преодоление. Если человек есть истина, то совесть есть то, посредством человек познается в истине. Совесть есть средство познания себя в истине, или средство выражения собственной точки зрения, как об этом и писал Дробницкий: «Если принять, что совесть, чувство долга или любой иной мотив выражает только чью-то личную точку зрения (убеждение или установку), то, что сам для себя индивид считает правильным, становится непонятным (и этот вопрос как-то молчаливо

обходится стороной), каким же образом мораль может выполнять свои функции регулирования поведения множества людей в обществе».⁴⁵ Общественная мораль не должна противоречить тому, что сам для себя индивид считает правильным, если только то, что он считает, не является ущемлением свободы другого. Общественная мораль, как и мораль личная, должна быть построена на свободе другого, то есть человек имеет право на самовыражение в рамках закона. Та, подпитываемая легитимностью, мораль, которая пытается насильственно регулировать отношения людей, создаёт провокацию на моральное сопротивление, поэтому мораль должна быть свободной. Вопросами регулирования поведения множества людей в обществе должен заниматься закон, а не мораль, которая в этом смысле лишь благое пожелание. Отсюда известный конфликт между моралью и совестью, обществом и личностью. Совесть, что есть «внутренняя самодостоверность сознания», или, собственно, самосознание, регулирует поведение каждого отдельного человека по отношению к себе и другому. В этом смысле мораль не может быть принуждением, потому что становится формой подавления свободы другого. Внутренняя самодостоверность сознания, совесть, будучи моральным авторитетом, обладает независимостью от внешних авторитетов. В этой независимости и состоит чувство собственного достоинства. Совесть, которая есть внутренняя самодостоверность сознания, может и заблуждаться, но, тем не менее, есть высший авторитет, гарантирующий свободу личности. Личность есть наивысшая ценность западноевропейской цивилизации.

Дробницкий рассматривал совесть в социальном ключе как принцип ответственности. Он писал: «совесть, как и чувство долга, не может быть не чем иным, как осознанием своих обязанностей перед обществом и другими людьми, обязанностей, которые действительно возлагаются на человека, а не просто им признаются»⁴⁶. Неисполнение общественных ожиданий порождает укоры совести, которые возникают в том случае, если ожидания разделяются

⁴⁵ Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002 С. 493

⁴⁶ Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002 С. 493

самими же индивидом. Однако общественные ожидания, возложенные на совесть индивида, должны соответствовать ожиданиям индивида, которые он в свою очередь возлагает на общество. Ожидания оправданы только в случае взаимности. Но на «нет», как говорится и суда нет, то есть совесть не должна попирается обществом, если возложенное на личность дело со стороны общества оказывается не ей по силам и должны быть предусмотрены компенсации, ведь не человек для общества, но общество для человека. В противном случае – социальный детерминизм и опасность подавления личности. Индивидуальная совесть, подкреплённая чувством общественной солидарности, может обернуться бунтом против такого общественного порядка, который зиждется на бессовестности и страхе. Такой бунт является критикой того общественного порядка, который порядком не является. Совесть близка солидарности, что, в случае бунта, является конструктивной критикой лицемерной системы. Те, кто распознает внутренний голос себя и другого, как и те, что способны слышать и, если возникает необходимость, выступить против Системы, которая, будучи глуха и неподконтрольна со стороны общественности, пресловутого гражданского общества, способна пожирать людей, являются людьми совести. По Ницше, интеллектуальная совесть не оставляет иного выбора, кроме как быть честным с самим собой и с другими.

С позиций диалектического материализма разрешение конфликта дает скачок на новый качественный уровень развития. Дробницкий писал: «Быть человеком совести, значит, поступать по чувству долга»⁴⁷. Поступать по совести, в соответствии с чувством долга, не значит обязательно отвечать ожиданиям общественности, которые, как правило, сфабрикованы. Быть человеком совести, значит, быть способным различать ложные позы общества от истинных, различать философию и пропаганду, и, согласно этой способности, иметь смелость развенчать требования как ложные, если,

⁴⁷ Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002 С. 495

конечно, оные таковыми являются. Жить по совести, значит, быть честным с собой и с другими. Не секрет, что общественные ожидания программируются в интересах власти, которая зачастую преследует интересы собственного сохранения и продолжения. Поскольку власть не обладает сакральностью сегодня, необходимо уметь развенчивать всевозможные постмодернистские мифы, на которых зиждется власть, паразитирующая на жизнях простого населения, для которого должны бы восторжествовать идеалы всех революций, что делались «снизу». Поскольку индивидуальная совесть не совпадает с совестью социальной, чрезвычайно важным представляется согласование индивидуальной и социальной совести (иначе теряется всякий смысл, кроме, возможно, бессмысленного личного спасения на небесах).

«Поскольку человек знает, что его представление о долге есть лишь собственное убеждение, в подлинности которого он сам может и усомниться, постольку он никогда не может быть уверен в своей совести, погружается в бесконечные «за» и «против».⁴⁸ В этой связи возникает опасность погрязнуть: «Иначе говоря, если принять аналитический анализ совести, то моральный субъект оказывается перед безысходной альтернативой – то ли ему пребывать в состоянии некритической самоубежденности, то ли предаться парализующему сомнению в своей правоте».⁴⁹ Поэтому совесть должны быть открытой, а не закрытой книгой для того, чьи убеждения она, так или иначе, выражает. Только в открытом, честном диалоге с собой, как и с другим, можно избежать одного из двух сценариев развития, которые обозначил здесь Дробницкий, и прийти к некоторому компромиссу, как к единственному конструктивному в данной ситуации варианту.

По Дробницкому быть человеком совести значит не «быть рабом своей совести», а быть «господином над своими чувствами и убеждениями». Это положение достаточно противоречиво и может пониматься, как возможность поступаться совестью, быть может, ради личного спокойствия или выгоды,

⁴⁸ Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002. С. 496

⁴⁹ Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002. С. 496

что не есть благо. Далее Дробницкий даёт несколько определений совести. В-первых, совесть постулируется как открытость, искренность: «Совесть, по своему реальному содержанию (даже если сам человек почти этого не осознает) есть «открытость» индивидуального сознания по отношению к окружающему миру, его проблемам, требованиям времени, перспективам человеческого общества».⁵⁰ Отсюда человек совести не может быть закрытым, замкнутым эгоистом. Человек совести стремится сочувствовать и сопереживать, пусть даже и всему миру, потому лишь так чувствует себя живым. Совестьливый человек говорит своё «да» миру. Открытость эта подразумевает понимание, возможность и желание слышать зов мира. Согласно Дробницкому, совесть «это такое отношение, в котором человек берёт на себя ответственность не только за свое нравственное состояние, но и за то, что каждодневно происходит вокруг него».⁵¹ Совесть, связывающая личность и общество, человека и мир, свободна по определению. Однако далее Дробницкий пишет: «Совесть вменяется человеку, а не предполагается за ним с самого начала. Иначе говоря, верно не то, что у каждого своя совесть, а то, что человек должен обладать совестью, даже если для этого ему понадобится изменить себя».⁵² Это убеждение Дробницкого согласно его же положению «не быть рабом совести», а «быть господином над своими чувствами и убеждениями». Отсюда совесть должна вменяться в соответствии с требованиями, нормами, кодами, ожиданиями, что есть чисто вертикальная властная стратегия совести, когда, будучи по определению свободной, совесть есть скорее горизонтальная, гражданско-общественная структура, прямая демократия есть одна из наиболее адекватных форм выражения которой.

Совестный человек может измениться только через совесть, которая есть множественность. Измена здесь соответствует тому, что древние греки называли «метанойя», «перемена ума», что сопоставимо с понятием раскаяния

⁵⁰ Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002 С. 499

⁵¹ Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002 С. 499

⁵² Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002 С. 499

в христианстве, а также с понятием «тшува» в иудаизме. Перемена ума, как некоторое внутреннее перерождение, предполагает мистический опыт, который сопоставим с тем, что Хайдеггер называл «волей иметь совесть». Совесть есть божественный дар, который надлежит человеку. В этом смысле опыт совести есть опыт трансгрессивный, поэтому абсолютно прав Дробницкий, когда утверждал, что приобретение совести предполагает перемену себя. Несмотря на то, что совесть есть дар небес, человеку приходится немало потрудиться, чтобы актуализовать этот дар, привести его в действие. Речь идёт о том мистическом опыте, который призван для того, чтобы соединить небо и землю, призван самим вопрошающим возможно для того, чтобы решительным образом построить Царствие Божие на земле, которое может называться как-нибудь ещё, в принципе не о названиях речь, воплотив тем самым космический архетип.

Дробницкий писал: «в конечном итоге проблема заключается в том, чтобы, во-первых, в самом обществе устранить такие условия, которые делают для «общественных авторитетов» необходимым ограждать себя от совести, сохранять существующее общество ценой отступления от требований морали; во-вторых, проблема заключается в том, чтобы воспитывать в людях, у каждого такую совесть, чтобы общество могло доверять ей без повседневного внешнего контроля».⁵³ Иными словами люди должны стать обществом, а общество людьми, власть должна быть в руках народа, а не наоборот. Поэтому, как следует из приведённой выше цитаты, люди, или народ, должны подняться до уровня власти, тем самым упразднив эту власть. Но что это за уровень – это метафизический уровень, или некоторое знание, сила, обладание которой делает людей подобными богам? Ясно лишь, что «публичные авторитеты», которые не являются реальными представителями интересов сторон, должны быть упразднены. Гражданское общество способно преодолеть это препятствие, что, согласно Дробницкому, ограждает от совести

⁵³ Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002, С. 500

власть имущих. Это препятствие, что затемняет общественное сознание, с одной стороны, есть пороки элит, а с другой - грехи народа. Речь примерно о той ситуации, когда «верхи не могут, низы не хотят».

Р. Г. Апресян пишет: «если взять проблему совести, то философским этикам, собственно, и привлекать не к чему. Если не считать небольшой статьи про совесть в энциклопедическом словаре «Этика» и републикации статьи о совести О. Г. Дробницкого в сборнике его избранных работ у нас за последние четверть века, если я не ошибаюсь, не было ни одной серьезной исследовательской работы, посвященной переосмыслению совести на основе современных данных. Ни монография Бербешкиной, ни статья Дробницкого (совершенно разные по своему теоретическому статусу работы), ни работы классиков моральной философии, ни работы современных мировых авторитетов, при всей нашей приверженности к историко-философским рефлексиям, не стали поводом для критики, переосмысления, теоретического продвижения в этой теме».⁵⁴ Приведенная здесь цитата подтверждает, что сегодня проблемами совести занимаются мало в академических кругах. Вопросы, связанные с данной проблематикой, формулируют следующим образом: «Не только в обыденном сознании, но и в рассуждениях специалистов, – полагает Апресян, – совесть выступает как полноценный коррелят моральности индивида [Гусейнов]. Совесть – это мораль-внутри-человека. Есть ли смысл специфицировать совесть в качестве внутриморального феномена, или феномена индивидуального морального сознания, и недостаточно ли для философской этики (не для обыденного сознания) понятий «моральное самосознание», «самоконтроль», «самооценка», «ценностная ориентация», «самодостоверность моральной личности?»⁵⁵ Если для обыденного сознания понятие «совесть» незыблемо, то не является ли оно рудиментом философского и научного сознания? – вот

⁵⁴ Апресян Р. Г. Проблемы совести в современных отечественных психологических исследованиях и задачи этики URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/06_02_2018/ruben-apressyan06-02.pdf

⁵⁵ Апресян Р. Г. Проблемы совести в современных отечественных психологических исследованиях и задачи этики URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/06_02_2018/ruben-apressyan06-02.pdf

вопрос, который ставится в приведённой цитате. Иными словами, для обыденного сознания таких определений было бы вполне достаточно, но философский пытливый ум оказывается куда взыскательнее обыденного. Для него требуется ещё одно определение.

Вопрос совести в философской этике один из наиважнейших. Совесть предполагает исповедь, уникальный индивидуальный опыт, который может и должен быть выражен во всей своей неповторимости. Если мы не будем учитывать всей сложности и противоречивости совестного феномена, то получим очередную мораль в духе: «поступай так, как» или иначе – «ты должен» ... Но послание, которое доносит до нас господин Апресян, состоит в том, что автономная совесть есть нечто большее, чем мораль, и при этом - источник морали. Совесть в принципе свободна и как таковая она должна выражаться индивидуально, поэтически. Рубен Грантович Апресян отмечает: «внутри феноменологии морального сознания наиболее критичны отношения между совестью и долгом. Долг может трактоваться как форма предъявления (внешнего) морального закона. Но если он трактуется как форма осознания личностью *предъявленности* морального закона, более того, искреннего признания и принятия его, насколько различными в этой функции оказывается долг и совесть?». ⁵⁶ Отсюда долг как внешняя *предъявленность*, а совесть как внутренняя осознанность. Этот закон, данный Адамом и Евой, в конкретно-прикладном значении предписывается к исполнению уголовным и административным кодексом, и преступление влечет за собой наказание. Преступление внутреннего закона, который совесть, уже влечет наказание в виде лишения жизни смысла, либо безумие. Таким образом, жить по совести, значит, не искушать Бога, значит страх Господень, что для верующего есть некоторая внутренняя самоочевидность. Это - то, что касается внутреннего, или сакрального, но на внешнем, или светском уровне, всё это не столь очевидно. В этом и состоит различие между внешним и внутренним законом.

⁵⁶ Апресян Р. Г. Проблемы совести в современных отечественных психологических исследованиях и задачи этики URL: https://iphrras.ru/uplfile/ethics/seminar/06_02_2018/ruben-apressyan06-02.pdf

Внешний и внутренний планы могут совпадать, и тогда – всё правильно. Это совпадение есть знак, что свидетельствует о верности избранному пути. Внешний закон, исполнение которого вменяется как обязательное, находится в подчинении у внутреннего закона, который предполагает такое *знание*, что сродни чувствованию. Внешний закон апеллирует к разуму, к гражданской вменяемости, и в этом смысле к совести имеет такое же отношение, как и к духу. Но, как сказано в Писании: «если вы духом водитесь, то вы не под законом».⁵⁷ Когда находишься не под законом, поступаешь ли ты правильно, или нет, по закону или не по закону, не имеет значения, потому что закон это не склонен учитывать, но учитывает дух, который стоит над законом. Дух, понятное дело, выше закона, потому что дух активен и обладает творческим потенциалом, а закон пассивен и совершенствуется духом. Всегда полезно научиться отличать внутреннюю мораль от морали внешней. Совесть, как отголосок мира совершенного, стяжаемого человеком, откликнувшегося на зов, занимает критическую позицию по отношению к несовершенству мира.

«Схема морального развития Лоуренса Кольберга, – сообщает Апресян, – обычно трактуется таким образом, что совесть, как способность морального самоконтроля и автономного самоопределения, предстает в качестве атрибута высшей стадии морального развития, которая, судя по данным многочисленных эмпирических исследований, столь редко и неопределенно фиксируется у реальных индивидов, что может считаться лишь гипотезой. Вместе с тем, заслуживает внимания тот факт, что на схему морального развития Кольберга оказала существенное влияние (и это подтверждалось самим Кольбергом) схема морального развития, предложенная в качестве абстрактной концепции Джоном Ролзом (мораль авторитета – мораль объединения – мораль принципов). Согласно Ролзу, на каждой стадии индивид способен испытывать чувство вины, которая не только по-разному переживается, но и содержательно по-разному структурируется. Не дает ли эта

⁵⁷ Галл 5:18

концепция Ролза основание говорить о том, что и совесть, как в функциональном, так и в содержательном планах находится в динамике, и на разных стадиях морального развития (или развитости: процесс морального развития не непременно полноценен) совесть проявляется по-разному, так что наряду с «автономной» совестью можно представить и «авторитарную» совесть, и «коллективистскую» совесть?»⁵⁸ В смысле коллективной и личной идентичности действительна множественность совестей, которые едва ли можно свести к некоему единому знаменателю. Поскольку меняется человек, меняется и само представление о природе человеческого. Поскольку совесть свободна, поскольку есть хотя бы один, способный произнести заветное: «Ты Еси», концепция Ролза верна. Свобода значит, аллегорически выражаясь, что неистощима сокровищница человеческих возможностей, потому что *с Богом нет ничего невозможного*.⁵⁹

Коллективистская совесть, предложенная Ролзом, есть аспект Совести, что дополняет индивидуальная совесть. Индивидуальная совесть в чистом виде может выглядеть как мечтание, которое, чтобы быть делом, должно подкрепляться словом. Отсюда принцип совести есть религиозный принцип, смысл которого в восстановлении единства разрозненных частей заветного целого – будь то страны, народы, времена... Какой бы ни была, авторитарной или коллективной, совесть всегда говорит о некотором единстве, которое утрачено снаружи, но сохранено внутри, задача в том, чтобы воссоединиться с Единым, искупить вину. Но ввиду интересов частных отдельных лиц или групп лиц, мы имеем дело с извращенной оболганной совестью. Сильные мира сего пытаются скрыть совесть, но она есть внутренний закон, что не подвластен власти. Совесть выходит за пределы рационального осмысления. В процессе *познания* человек познаётся как личность, что включает в себя и ограниченность собственного «эго» и безграничность божественного «Ты

⁵⁸ Апресян Р. Г. Проблемы совести в современных отечественных психологических исследованиях и задачи этики URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/06_02_2018/ruben-apressyan06-02.pdf

⁵⁹ Евангелие от Луки 1:37

еси». Совесть может трактоваться как интуиция или мистическое чувство. Согласно Рубену Грантовичу Апресяну, «разбор вопросов такого рода ведет к необходимости переосмысления утвердившихся моделей соотношения совести, стыда и страха, совести и долга, совести и достоинства».⁶⁰ Действительно поскольку нравственность эволюционирует, необходимо пересматривать утвердившиеся отношения понятий.

Очень интересно следующее замечание, которое сделал Р. Г. Апресян: «Совесть обычно рассматривается как внутренний судия и, в этом смысле, как способность самооценки. С совестью, судя по литературе (и это, кстати говоря, отмечалось Воловиковой и Мустафиной по итогам исследования) ассоциируется и функция «опережающего отражения», предостережения. В этом смысле совесть выступает не в функции самооценки, а в функции самоопределения (предписания или удержания). Этот возможный ракурс совести возвращает нас к первому из поставленных здесь вопросов и сильнее актуализирует сомнение в том, что совесть есть особенная, наряду с другими, моральная способность, а не иное – на языке самой морали – обозначение морального сознания».⁶¹ Загадочная природа совести не может не вызывать чрезвычайного интереса, коль скоро она, как было тут справедливо замечено, может являться как «опережающее отражение». В принципе отражение — это может оцениваться по-разному, и от того как оно оценивается зависит то, чем оно в тот или иной момент будет, поэтому природа её в принципе неуловима, скрыта, загадочна и так далее. Поэтому, можно предположить даже, что любая попытка приблизиться к научному пониманию самой сути совести обречена на провал, но возможно лишь субъективное *знание* совести, которое по мере своей объективации теряет и силу магической убедительности и пресловутую внутреннюю *самодостоверность*. Более того совесть как ничто ставит под вопрос и самого познающего и самого спрашивающего. В этой связи ставится

⁶⁰ Апресян Р. Г. Проблемы совести в современных отечественных психологических исследованиях и задачи этики URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/06_02_2018/ruben-apressyan06-02.pdf

⁶¹ Там же

вопрос о возможности познания совести в принципе. Статус же субъекта совести призрачен и непостоянен. Она может быть, как безумной и непереводимой на язык внешнего, всего, что не я, мира, так и внутренне достоверной при условии тайны. Познающийся познается как вещь в себе.

Глава II. Героическая топика чистой совести

Вторая глава посвящена разработке практических решений совестной проблематики. Совесть, как принцип соприсутствия-сосуществования, является некоторым принципом связи человеческого и сверхчеловеческого, божественного. Поскольку бытие сопряжено с совестью, человек обладает колоссальным потенциалом. Наша задача в том, чтобы раскрыть смысл и значение совести для человеческой жизни. Человеческая природа не должна обособляться от природы в принципе, потому что это приводит к конфликту души и тела, и духа. Поскольку дух и тело - начала противоположные, душа, или душевность как принцип совести, предполагает компромисс, нахождение гармонии между ненавистными началами. Что ж, нам предстоит выяснить характер этой заботы, что есть совесть.

Будучи обеспокоенной, душа проявляет мятежность, и, осознанно или неосознанно, нуждается в спокойствии, ищет единения не только с Богом, что есть высшее духовное начало (теоцентризм), но и с миром окружающим его, с той самой таинственной природой, которая, понятая пантеистически, также есть Бог (космоцентризм). Душа человека, божественная и животная, представляется чем-то сакральным, и непосредственность её движений, что выражается в её порывах, истинных и неистинных желаниях, подлежат внимательному рассмотрению. Если, согласно теории креационизма, человек осознаётся как тварь, или раб, то, парадоксальным образом, он стремится обрести в своём служении Творцу спасение. Если же человек осознаётся как творец, то, будучи некоей крамолрой в отношении «создателя», он познаётся в стремлении максимального уподобления своей мистической природе. Этот принцип может быть обозначен как принцип люциферианской антропологии. Е. П. Блаватская в свойственной манере религиозного синкретизма сообщает: «Люцифер – Дух Носитель Озарения и Свободы Мысли – метафорически является ведущим маяком, который помогает человеку находить свой путь

через рифы и отмели Жизни, ибо Люцифер есть Логос в своем высшем аспекте и «Противник» в своем низшем – оба эти аспекта отображены в нашем *Ego*».⁶² Отсюда понятна взаимная обусловленность конструктивного и деструктивного в природе и, в частности, в человеческой психике. Знание самой этой универсальной обусловленности есть то знание-сила – та химера, с которой трудно совладать неподготовленному человеку. Но беда, или же, наоборот, победа, заключается в том, что человек в этом отношении никогда не подготовлен. Для работы с этой силой необходимо умело отделять «землю от огня» и «тонкое от грубого», согласно правилу герметической философии.

В журнале «Русская мысль» в январском номере 1917 года Вячеслав Иванов писал следующее: «Люцифер (Денница) и Ариман, - дух возмущения и дух растрепанности, - вот два богоборствующие в мире начала, разнородные, хотя и связанные между собою таинственными соотношениями, два разных лица единой силы, действующих в «сынах противления»; ей же и имя одно: Сатана. <...> Эти два лица являют себя в разделении и взаимном отрицании, глядят в разные стороны и противоречат одно другому, а самобытно определиться порознь не могут и принуждены искать своей сущности и с ужасом находить её – каждое в своём противоположном, повторяя в себе бездну другого, как два наведённых одно на другое пустых зеркала».⁶³ Поскольку озарения и помрачения между собою связаны, они составляют попеременные состояния в диалектическом развитии человеческой личности. Согласно известной формуле, сказанной в известном романе В. Гюго священником-алхимиком Клодом Фроло «Это убьёт То», можно сказать, что, действительно, *Это* (рационализм, современность, дух коммерции), убило *То* (время сакральное, время сна, мифопоэзис), что Вячеслав Иванович Иванов назвал «героической порой непосредственного индивидуализма». Для того, чтобы лучше понять, что есть *это*, надо понять, что есть *то*. Жан Бодрийяр в эссе «Совершенное

⁶² Блаватская Е. П. Тайная доктрина Т. 2 С. 7 https://ru.teopedia.org/lib/Блаватская_Е.П._-Тайная_Доктрина_т.2_ст.7

⁶³ Иванов В. И. Родное и вселенское, М.: Республика, 1994, С.312

преступление» писал: «зачем мы расшифровываем мир, вместо того, чтобы позволить иллюзии сиять во всём её блеске? – это тоже загадка; как загадочно и то, почему мы не выносим загадочности. Согласие с миром – вот та причина, по которой мы не можем вынести ни иллюзии, ни чистого проявления».⁶⁴ По логике Бодрийяра, чтобы «позволить иллюзии сиять во всём её блеске», при этом иллюзия здесь не *архэ*, но *анархэ*, выражает тотальное отсутствие власти первоначала, необходимо перестать расшифровывать, рационализировать, мир. Чем же вызвана наша привычка рационализации, страхом, необходимостью?.. Именно это наше согласие или несогласие с миром есть причина того, почему мы не можем вернуться к «героической поре непосредственного индивидуализма». В своей статье «Идея неприятия мира» Вячеслав Иванов следующим образом характеризует данную мировоззренческую парадигму: «Христос раскрыл идею неприятия мира во всей антиномичной полноте её глубочайшего содержания. Он велит «не любить мир, не всего, что в мире», - и сам любит мир в его конкретности, мир «ближних», мир окружающий и непосредственно близкий. <...> Он говорит, что Царство Его не от мира сего, - и вместе с тем благовествует, что оно «здесь, среди нас». Он тоскует в мире, потому что «мир лежит во зле», но каждое мгновение сам принимает зло и восстанавливает мир истинный».⁶⁵ Мы не можем определиться принять нам мир или же его отвергнуть ради духа, но каждый раз, когда мы мечемся перед выбором, данное «или» должно быть заменено на «и», что, по сей логике, должно помочь решить дилемму. Е. П. Блаватская писала: «Осторожные намеки Павла все имели эзотерическое значение, и потребовались столетия схоластической казуистики, чтобы придать им лживую окраску в их настоящих толкованиях. Глагол и Люцифер едины в их двояком аспекте; и «Князь Воздуха» (*princeps aeris huius*) не есть «Бог того периода», но вечно сущий принцип. Когда было сказано, что последний вечно *вращается* вокруг мира (*qui circumambulat terram*), то

⁶⁴ Бодрийяр Ж. Совершенное преступление, <https://www.chaosss.info/sovprestup/>

⁶⁵ Иванов В. И. Родное и вселенское, М.: Республика, 1994, С. 53

великий Апостол просто имел в виду никогда не прекращающиеся циклы человеческих воплощений, в которых зло всегда будет преобладающим, до тех пор, пока человечество не будет искуплено истинным божественным Озарением, которое одно дает правильное познание вещей».⁶⁶ В этом смысле дело совести есть дело религиозного преображения человека и человечества.

Для того чтобы испытывать совесть человеку необходимо принять себя во всех проявлениях и не бояться противоречий, которые неизбежно возникают при этом приятии. Необходимо также не бояться грязи, что есть как бы инобытие чистоты (моральный план). Возникающие противоречия должны быть принесены в жертву высшей цели познания. Самоутверждение внешнего человека подразумевает всяческое поощрение множественности, выражающейся в половой дифференциации, в идее линейного времени. Внутренний мир находит совершенное выражение в андрогинности, подлинной гармонии, знании, душе, а также в отрицающей линейность времени идее вечного возвращения. Задача совести состоит в том, чтобы восстановить расколотый на миры некогда единый мир. Прибегая к библейской метафорике можно сказать, что через познание добра и зла, символом чего является древо познания добра и зла, человек и человечество приобщаются к жизни вечной, символом которой выступает древо жизни. Но переживание мистической совести предполагает разрешение того печального противоречия внешнего и внутреннего, что порождает насилие, при котором и сохраняется власть множественности, а внутренний мир и мир внешний не могут воссоединиться. Поэтому прав был Вячеслав Иванов, когда писал, что «мистическое обобществление совести – это постановление соборности как некой новой воли, энергии и ценности, не присущей ни одному человеку в отдельности, на ступень высшую, чем вся прекрасная «человечность» в каждом».⁶⁷

⁶⁶ Блаватская Е. П. Тайная доктрина Т.2 Ч. 2. Отд. 5 [https://ru.teopedia.org/lib/Блаватская_Е.П._-Тайная_Доктрина_\(пер._ЕИР\)_т.2_ч.2_отд.5](https://ru.teopedia.org/lib/Блаватская_Е.П._-Тайная_Доктрина_(пер._ЕИР)_т.2_ч.2_отд.5)

⁶⁷ Иванов В. И. Родное и вселенское, М.: Республика, 1994, С. 112

1. Совесть как форма формирующая и форма информирующая

Совесть, как мистическое чувство Единого во множестве, способствует пробуждению индивидуальной души, соединяет человека с макрокосмом, который в свою очередь есть раскрытие его микрокосма. Если вера, по слову апостола Павла, есть *осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом*, то совесть – это мистическое соединение, соборность. Совесть, как некоторое ощущение *со-присутствия, со-существования*, есть мистерия, которая выявляется по мере приближения человека к идеалу. Как зов заботы, она обращает человека к вселенскому Адаму, мировому древу (*Arbor Mundi*), что с одной стороны - древо жизни, а с другой стороны - дерево познания добра и зла. По мнению В. Н. Топорова, через образ мирового древа (корни которого соотносятся с преисподней, ствол с земным миром, а ветви с небом) «воедино сводятся общие бинарные смысловые противопоставления, служащие для описания основных параметров мира».⁶⁸ *Внутренний голос* может исходить и от божественного первоисточника в человека, и от его противника, сатаны, что, как свидетельствует апостол Павел, «принимает вид Ангела света».⁶⁹ Это обстоятельство актуализирует совесть, т. е. ставит под вопрос. Однако, возможно, лишь постольку, поскольку человек, как *мера всех вещей*, способен ставиться под вопрос, он остаётся человеком. В этом состоит его сила и слабость. Основной же метод философа - не вера, но сомнение. Поэтому, будучи свободной, совесть не столь однозначна в своих обращениях: призывая к предельной честности, она находится между верой и безверием, знанием и незнанием. Люди, чтобы сохранить себя часто поступаются честностью, как того требуют бытовые обстоятельства, и это их, безусловное, право. Но совесть беспощадна: она требует быть честным с собой и с другими до конца. Поэтому человек-совести рискует: выходя за пределы человеческого разума, он может лишиться рассудка. Но и это не должно пугать друзей

⁶⁸ Топоров В. Н. Мифы народов мира, 1987

⁶⁹ 2 Кор. 11:14

истины.

В современной культуре популярна концепция, провозглашающая моральный релятивизм, относительность добра и зла. Наиболее наглядно этический релятивизм выражается в мировоззренческой позиции одного из главных героев романа Достоевского «Братья Карамазовы»: «Если Бога нет, всё позволено». Эта формула в полной мере выражает идею человекобожия. В современной культуре на место героя, борца за справедливость, становится антигерой-трикстер, совесть которого неизменно чиста. Трикстерство убило героизм. Как правило, трикстер двулик, эгоистичен и непорочен, потому что наивен в своей чистоте и непосредственности словно ребёнок. Смерть героя констатирует дух времени. В иное время героем, отдав жизнь за идею, быть похвально, но сегодня популярность трикстера-антигероя свидетельствует о совершенной переоценке ценностей, с проповедью которой выступал пророк Ницше. Фигура трикстера нашла воплощение в образе канатного плясуна, цель которого – игра, преодоление духа тяжести. Отсюда трикстер есть герой наоборот. Иными словами, трикстер есть вариация на героическую тематику, которая остаётся неизменно востребованной в контексте жизни цивилизации. *Героическая топка чистой совести* выражается как философско-поэтический стиль героя-трикстера, который, словно безумец идёт по канату с шестом, не боясь упасть в бездну, навстречу горнему миру. Смелости придаёт ему уверенность в невидимом и осуществление ожидаемого, ведь, если он вдруг сорвётся, будет тотчас же подхвачен ангелами. Героическая топка чистой совести представляется нам «бессмертной душой эллинства», которая, по выражению Вячеслава Иванова, «так недавно явилась нам в сновидении отделенною от своей благолепной, но тленной формы: Дионисом приснилась она вдохновенному Ницше, этому последнему и трагическому гуманисту, преодолевшему в себе гуманизм хитрым безумием и самоубийственным исступлением».⁷⁰

⁷⁰ Иванов В. И. Родное и вселенское, М.: Республика, 1994, С. 109

В иудео-христианской традиции, оказавшей сильнейшее воздействие на всю историю западноевропейской цивилизации, вопрос о метафизике пола имеет большее значение. До сих пор не вполне понятно, где был Адам, когда змей, который отождествляется с Сатаной, искушал Еву. Возможно ли, чтобы, искусившись сама, Ева не смогла бы искусить Адама, или нет? Мог бы Адам не дать искусить себя и не дать искустись Еве? Если бы Ева искусилась одна, значило бы это, что женское начало, Ева, независимо от мужского. Если – да, то мы могли бы говорить о двух человечествах – о мужском и женском. Однако падение Адама, познание добра и зла, вот символ развития современной цивилизации. Дьявол торжествует. Но для чего был Иисус? Сын Божий воплотился, дав людям веру в искупление. Он изрёк: «Я есмь путь, истина и жизнь; никто не приходит к Отцу как только через Меня».⁷¹ Фигура Христа подразумевает возможность восстановления повреждённой природы через веру. Иисус есть второй Адам, потому что он исправил поврежденную природу первых людей – Адама и Евы. Эзотерическая фигура Христа андрогинна. Христианский мистик Якоб Бёме писал: «Адам был мужчиной, равно как и женщиной, но и не тем, и не другим, а девою, исполненною целомудрия, чистоты и непорочности, как образ Божий; он имел в себе и тинктуру огня и тинктуру света, в слиянии которых покоилась любовь к себе как некий девственный центр; чему мы и уподобимся по воскресении из мёртвых, ибо, по слову Христа, там не женятся и не выходят замуж, а живут подобно ангелам Божиим».⁷² Внимание голосу мистической совести есть слушание ангельского пения, что возвещает о жизни вечной и о геенне огненной. Жизнь в Боге сверхиндивидуальная и подразумевает участие в земной жизни, исходя из стояния перед Богом. Чистая совесть есть совесть богочеловека, выражение полноты бытия. Чистая совесть, как божественное состояние сознания, предполагает большую психическую силу и великую

⁷¹ Евангелие от Иоанна 14 глава, 6 стих

⁷² Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. М.: Политиздат, 1990, С. 226

ответственность перед Богом.

Русский религиозный мыслитель С. Н. Булгаков в статье «Героизм и подвижничество» писал: «Христианское подвижничество есть непрерывный самоконтроль, борьба с низшими, греховными сторонами своего я, аскеза духа»⁷³. При этом «героизм» и «подвижничество» философ рассматривал как противоположности. «Героизм, - писал он, - как общераспространенное мироотношение, есть начало не собирающее, но разъединяющее, он создает не сотрудников, но соперников».⁷⁴ Дух соперничества есть дух сатанинский, поскольку Сатана сам есть супостат, противник Единого. Отсюда героизм, в отличие от подвижничества, есть рвение антихристианское. Христианский подвиг обычно понимается как смирение, что ставит целью преодоление семи смертных грехов, главный из которых – гордыня, которая, согласно толкованиям, искажает замысел Бога о человеке. Поэтому христианский подвиг, или подвижничество, противостоит тому подвигу, в основе которого находится гордыня, что, главным образом, выражается как бунт против Бога. Бунт и смирение есть две формы подвига. Одно предполагает возвышение я, «греховных сторон», другое, наоборот, есть форма борьбы с собой. Тем не менее, богоборчество может быть понято как богоискательство. Например, Д. С. Мережковский со ссылкой на Книгу Бытия писал о богоборчестве Иакова, который, борющийся с ангелом, посланным ему Богом во сне, желал, тем не менее, благословения. Таким образом, богоборчество есть дело богоугодное, потому что оно совершается во имя Господа. Люцифер, отождествляющийся с Сатаной, в этом смысле рассматривается как некоторая дисфункция Бога, которая мнит себя автономной силой, объявившей войну Богу. Герой чистой совести не христианский подвижник, но тот, кто бросил вызов миропорядку и мироустройству, желая его переделать. Чистая совесть в этом смысле есть, прежде всего, отрицание вины и, следовательно, отрицание власти «рабской морали». Чистая совесть в этом смысле есть принцип *знания*, под которым

⁷³ Вехи, Авалонь, Санкт-Петербург, 2011, С. 81

⁷⁴ Вехи, Авалонь, Санкт-Петербург, 2011, С. 62

надо разуместь таинственный гнозис.

Чистая совесть, по Хайдеггеру, переживается как благодность бытия в присутствии и выражается в акте становления божественного сознания, что есть форма формирующая, некоторый принцип самостояния, о котором Е. В. Головин сообщает следующее: «понятие информации, имеющее свои корни в схоластике, мало кто вообще понимает. Святой Бонавентура и за ним Фома Аквинский определяли информацию как нечто, что формирует человека извне. Николай Кузанский различал в человеке форму-форманта и форму-информанта. Форма-форманта – внутренняя форма, которую создает личность, индивид. Форма-форманта не имеет никаких знаний, это, скорее, духовный организм, который растёт сам по себе, как и почему – непонятно. Форма-форманта присуща человеку изначально, она строит человеческую композицию изнутри. Например, представьте человека очень культурного и образованного, который нигде и никогда не учился, и жил в какой-нибудь пустыне. Если он стал таким – это действие формы-форманты, т. е. того начала, которое действует из центра на периферию, достигая его души и тела. Форма-информанта – нечто иное, она действует от периферии к центру».⁷⁵ В этом смысле героическая совесть может быть понята как такая «форма-форманта», что формирует человека изнутри. Совесть в этом смысле есть голос божественного сознания внутри человека, что противостоит внешнему информированию, что связано с властью. Фуко полагал, что власть даёт знание. Отсюда вопрос даёт ли информация знание, если даёт власть? По всей вероятности, ответ должен быть утвердительным. Однако, ссылаясь на рассуждения Фуко, власть, в сущности, есть не что иное как отношения (властей), то есть система, состояние, совесть. Героическая совесть, как форма формирующая, допускает нарушение, преступление, что в этом смысле и есть власть над временем, над природой, над людьми. Эта власть составляет конкуренцию для абсолютной власти Бога.

⁷⁵ Головин Е. В. Маргиналии к проблеме «Иного» [Маргиналии к проблеме «Иного» | Евгений ГОЛОВИН \(golovinfond.ru\)](http://golovinfond.ru)

Знание себя, или знание-власть, формируется совестью на мистической глубине человеческой и божественной личности. Тематика совести связана с темами смерти и победы над смертью. В своеобразном стремлении обрести бессмертие, герой всегда бросает вызов богам, человеческому уделу (о чём свидетельствует, например, один из старейших литературных текстов «Эпос о Гильгамеше»). Поэтому героизм есть форма подвижничества наоборот. Из эпосов и сказаний мы узнаём, что для того, чтобы достичь цели герой побеждает универсального монстра, порожденного сном разума (дьявол есть одно из воплощений, выражение кошмара, с которым познающийся субъект сталкивается). *Героическая топика чистой совести* есть манифестация фантастической реальности. Социологически эстетика бунта и героический пафос, свойственные молодости, представляются несерьёзными для взрослых обывателей. Но чтобы выискать бессмертия, разорвав заколдованный круг жизни и смерти, герой должен быть юн и бодр духом, что является одним из условий.

Понятие «совесть» связано с понятием «демон», которое происходит от древнегреческого «даймоний», что есть ближайший по смыслу аналог нашей мистической совести, которая понята как со-существование или состояние человека и бога, подразумевает подвижничество, действительный героизм. Согласно А. Ф. Лосеву «гении, или демоны – низшие божества, или духи, в греческой мифологии».⁷⁶ В диалогах Платона Сократ регулярно упоминает о демоне, как о некотором внутреннем голосе. Впоследствии это явление стало предметом всеразличных толкований и утвердилось в культуре как принцип своеволия, свободомыслия, что противопоставляется общественной морали (форма-информанта). В «Послезаконии» читаем: «Даймоны – истолкователи; их надо усердно почитать молитвами за их благие вещания. <...> Мы сказали бы, что они знают все наши мысли и чудесным образом приветствуют тех из нас, кто прекрасен и благ, а очень дурных людей ненавидят как уже

⁷⁶ Платон, Собрание сочинений в 4 т.: Т.1 М.: Мысль, 1990, С. 694

причастных страданию. Между тем бог, достигший совершенства в своей божественной участи, находится за пределами удовольствия и страдания и во всем причастен разумности и познанию».⁷⁷ Отсюда - не каждый человек «божественен», но тот, кто «прекрасен и благ», что является определённой заслугой человека. Совестьливый человек - божественный человек. Условие божественности есть стремление к добродетели, что есть соответствие своей природе.

В сочинении Плутарха «О демоне Сократа» производится толкование феномена «даймоний», например, следующим образом: «Подобно тому, как Гомер представил Афины «соприсущной во всяком труде» Одиссею, так и демон Сократа явил ему некий руководящий жизненный образ, «всюду предрекший ему, подававший совет и могучесть», в делах неясных и недоступных человеческому разумению: в этих случаях демон часто вступал в собеседование с Сократом, сообщая божественное участие его намерениям».⁷⁸ Поскольку демон является тогда, когда человек сомневается или находится в затруднительных для разумения ситуациях, демон может быть понят как интуиция, что способствует взглядыванию в предмет, умению видеть. Отсюда мистическая совесть есть сосуществование, сопричастие мистический союз человека и демона, который в этом смысле есть скрытая человеческая, индивидуальная природа. Демон, как некоторый спутник, или союзник, всегда предупреждает мысли, слова и действия человека, отвращая от всего дурного. Поэтому человеку стоит довериться демону, как своей же собственной бессмертной сущности. Совесть служит человеку напоминанием о внутреннем мире. Гений, или бог, не может сам себе противоречить, потому что разумен. Платон со ссылкой на «Труды и дни» Гесиода в диалоге «Кратил» сообщает о таинственной природе демонов следующее: «они были разумны, и все было им ведомо, за что он и назвал их «ведемонами». В нашем древнем языке именно такое значение было у этого слова. Поэтому прекрасно говорит

⁷⁷ Платон, Законы. М.: Мысль, 1999, С. 629

⁷⁸ Суд над Сократом: сборник исторических свидетельств, Спб., Алетейя, 1997, С. 238

и Гесиод, да и другие поэты, что достойному человеку после смерти выпадает великая доля и честь, и он становится демоном, заслужив это имя своей разумностью. Вот и я поэтому всякого человека, если он человек достойный, и при жизни его и по смерти, приравниваю к этим божествам и считаю, что ему правильно называться демоном».⁷⁹ Отсюда разумность свойственна лишь тому, кто познал себя.

Образ демона и героя также связан между собой, поскольку герой есть тот, кто проявляет высшую разумность и следует зову своей совести. В книге «Дисциплинарный санаторий» Эдуард Лимонов даёт описание процесса героического становления. Он писал: «Не останавливаясь на местных деталях каждого мифа, можно выделить в героических эпосах мифа общее. Мужчина (обыкновенно в возрасте наступления мужественности) получает «зов» – совершить подвиг. Он или путешествует в дальнюю страну, или совершает подвиг на месте: находит монстра (зверя, гиганта, дракона), доселе безнаказанно истреблявшего население (вариант: красивых девушек, юношей, род местного царя), и вступает с ним в поединок. Победив в кровавой и тяжелой битве силы зла, он получает заслуженную награду: женщину, сокровища, землю, славу, мудрость... У мифа о супергерое всегда есть продолжение. Ближе к старости ему уготовано (богами, судьбой, случаем) еще одно испытание, еще один «зов». Он покидает место удовольствия и отправляется на последний подвиг. Обыкновенно, он гибнет в этой последней битве».⁸⁰ Отсюда смерть вполне естественная участь героя. Ну как же бессмертие? В античном смысле смерти в нашем современном её понимании нет. Если жизнь в этом смысле бесконечна как некоторая череда метаморфоз и перевоплощений, смерть в этом смысле есть переход из одного состояния в другое. По Платону достойный человек, или герой, неоднократно проявлявший смелую разумность, как при жизни, так и по смерти, достоин того, чтобы называться демоном, коим он, мистическим образом, и является.

⁷⁹ Платон, Собрание сочинений в 4 т.: Т.1 М.: Мысль, 1990, С. 632

⁸⁰ Лимонов Э., Дисциплинарный санаторий, Амфора, 2002, С. 206

В мифе о нимфе Эхо и Нарциссе, который был влюблен в собственное отражение, нимфа выступает как демон для героя. Трагедия Нарцисса в том, что он не сумел внять природе своей совести, своей «форма форманта». Но, с другой стороны, вероятно, в этом была его судьба, и в этой трагической гибели сыграл свою роль злой рок, которого нельзя было преодолеть. Герой в принципе есть фигура трагическая, потому что он бросает вызов страшной воле богов (под которыми надо разуместь действие некоторых объективных сил). В этом смысле нимфа, как некая «форма форманта», есть таинственное внутреннее содержание героя, которое стало его судьбой. Поскольку сущность нимфы есть эхо, отражение, любить её просто возможно лишь через отрицание тех смыслов, которые определяют наше земное существование, поэтому-то такого рода прекрасная любовь всегда трагична, о чём свидетельствуют античные мифы. Вообще всё подлинное, прекрасное, героическое, всегда трагично. Но даже понимание непреложности этого странного закона не мешает вновь и вновь юным сердцам жертвовать собой на алтаре космической любви. Ведь с другой стороны трагичности – победа, о чём надо помнить. Отсюда Нарцисс влюблён не в себя, но в Эхо, что очень символично. Мистический союз Эха и Нарцисса есть прообраз возвышенной любви, «голубой мечты», воспетой всеми настоящими поэтами. Поэтому-то странная, жертвенная, любовь Нарцисса есть любовь возвышенная небесная. Эзотерический смысл любви Эхо и Нарцисса таков: нимфа стала отражением мистической природы Нарцисса, в которую, следуя этой природе, он оказался влюблён: она стала формой формирующей. Это – стихия неземного происхождения, неподвластная человеческому разумению. Любовь/нелюбовь Эха и Нарцисса, ставшая для них судьбой, есть проявление божественной воли. В действительности же любовь нередко становится причиной внешнего одиночества, подлинный смысл которого скрыт от глаз посторонних. «Когда живут в одиночестве, - писал Ницше, - не говорят слишком громко, да и не пишут слишком громко: ибо боятся пустого отголоска – критики нимфы Эхо.

– И все голоса звучат иначе в одиночестве!»⁸¹ Эхо является укором тому, кто не может стать собой, не может проснуться ото сна для реальной жизни. Поэту свойственно бежать от этой так называемой «реальной жизни» в мир грёз, в котором находится спасение и утешение (если, конечно, находится). С критической точки зрения героическая совесть не есть зов или голос, но подобно эху собственного голоса, есть, в сущности, мания и бред. Выражаясь аллегорически, Ницше «воевал» с жидкой землёй (метафизическое небо), что является родиной для героев, поэтов и пророков. Эта «война с небом» стала трагедией его жизни и судьбой. Во всех отношениях Ницше сложный, крайне индивидуалистичный философ. Чтобы понять его необходимо самому стать на тот путь, на который призывает его «интеллектуальная совесть»: *стань тем, кто ты есть*.

Плутарх писал: «Сократ людей, говоривших о том, что им было явлено божественное видение, признавал обманщиками, а к тем, кто говорил об услышанном ими некоем голосе, относился с уважением и внимательно их расспрашивал. <...> Демон Сократа был не видением, а ощущением какого-то голоса или созерцанием какой-то речи, постигаемой необычным образом, подобно тому как во сне нет звука, но у человека возникают умственные представления каких-то слов, и он думает, что слышит говорящих. Но иные люди и во сне, когда тело находится в полном спокойствии, ощущают такое восприятие сильнее, чем слушая действительную речь, а иногда и наяву душа едва доступна высшему восприятию, отягченная бременем страстей и потребностей, уводящих ум от сосредоточения на явленном».⁸² Плутарх подчеркивает, что совесть есть внутренний голос, который может обращаться к «я» человека наяву и во сне. При этом самые нереальные, фантастические образы, страхи и желания приходят также из сна. Плутарх сообщает: «в сущности, мы воспринимаем мысли друг друга посредством слов, как на ощупь в темноте: а мысли демонов сияют своим светом тому, кто может

⁸¹ Ницше, Веселая Наука. Злая мудрость. Москва. Эксмо. 2007, С. 214

⁸² Суд над Сократом: сборник исторических свидетельств, Спб., Алетейя, 1997, С. 244

видеть, и не нуждается в речах и именах».⁸³ Отсюда фантастическая способность улавливать мысли другого, или телепатия, есть демонизм, который связан с наличием совести. Люди, достойные демонического звания, имеют психосоциальное значение. Необходимость совести является условием подлинного прогресса. Поэтому лишь в той мере, в которой человек знает себя, причастен к истине, он знает другого. Согласно Протагору, мерой этого знания является человек. Отсюда Протагора можно считать отцом антропоцентрического метода. Пифагор, как сообщает Диоген Лаэртский, воспринимал «демонов» следующим образом: «душами полон весь воздух, называются они демонами и героями, и от них посылаются людям сны знаменья недугов или здравия».⁸⁴ С этой точки зрения ответ на риторический вопрос «Зачем снятся сны?» вполне очевиден – сны снятся для того, чтобы дать нам знамение, подсказки. Таким образом, демоны являются проводниками-сталкерами, то есть посредниками между людьми и *нелюдьми*. Но не каждый способен воспринять воздействие демонического начала. Плутарх полагал: «речи демонов, разносясь повсюду, встречают отголосок только у людей со спокойным нравом и чистой душой; таких людей мы называем святыми и праведниками».⁸⁵ Каждый из учеников Сократа был праведником постольку, поскольку душа его стремилась к тому божественному свету, демоническому знанию, обладателем которого признавался божественный Сократ. Для того чтобы воспринимать демонов, что обитают на тонком плане, необходимо очистить мысли, успокоиться. Многие философы древности полагали, что подобной очистке способствует занятие философией.

Принято считать, что философия, как некоторая жизненная практика, начинается с удивления, сомнения в очевидности. Условием этой практики является то, что Ницше называл «интеллектуальная совесть». Мамардашвили

⁸³ Суд над Сократом: сборник исторических свидетельств, Спб., Алетейя, 1997, С. 245

⁸⁴ Диоген Лаэртский, О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, М.: Мысль, 1979, С. 340

⁸⁵ Суд над Сократом: сборник исторических свидетельств, Спб., Алетейя, 1997, С. 245

удивляло то, что есть «хоть где-то, хоть когда-то, хоть у кого-то, например, совесть. Удивляет не ее отсутствие, а то, что она есть – говорил философ».⁸⁶ Совесть, понятая в её истинно-философском значении, воспринимается нами как чудо, что, как внутренняя достоверность, противостоит достоверности. Героическая совесть свершается вопреки объективным обстоятельствам, которые всегда есть вызов для героя. Об это хорошо сказал Гюго: «Что такое совесть? Это компас среди неведомого».⁸⁷ Совесть есть такой магический компас, что помогает двигаться герою на север, куда дороги нет. «Пишущий читатель» Е. В. Головин писал: «душа, прежде всего, дает человеку знание (именно знание, а не информацию) о его собственном пространстве и собственном времени».⁸⁸ Понимание формы, формирующей, определяется как *знание*, которое даёт душа. Это *знание* есть *знание* совести. Поэтому пространство и время души не есть пространство и время социальное. Но, тем не менее, осознавший своё положение, должен преодолеть этот роковой разрыв для того, чтобы смысл обрести. Душа даёт *знание*, которое не есть информация, но *знание* собственного времени и собственного пространства.

⁸⁶Мамардашвили М., Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Изд-во Лабиринт, 1996, С. 212

⁸⁷ Большая книга афоризмов. – Ростов н/Д: Изд-во Владис, 2001, С. 413

⁸⁸ Головин Е. В. Приближение к снежной королеве, Арктогея, 2003, С. 135

2. Бунтологические основания «чистой» и «нечистой» форм совести

В эзотерической натурфилософии Возрождения душа воспринималась составной частью человеческого микрокосма. Головин писал: «несмотря на распространенное мнение микрокосм ни в коем случае не «зеркальное повторение макрокосма», а система, тотально враждебная вселенной, доступной восприятию».⁸⁹ Нельзя не отметить действительное своеобразие этой мысли. Если, согласно распространенному представлению, макрокосм, понятый как выражение некоторых объективных сил, отражается в зеркале микрокосма, то эта враждебность есть утверждение бунтующего микрокосма. В этом отношении символом бунтующего микрокосма служит перевёрнутая пентаграмма. Данный знак по сей день активно используется «Церковью Сатаны», основатель которой известный «злодей», эксцентричный философ миз-антрополог Антон ЛаВей в своей «Записной книжке Дьявола» писал следующее: «Пространственная концепция придаёт Комбинации три измерения, Четвёртое – не что иное, как время. После того, как три измерения составили правильную комбинацию, можно присовокуплять четвёртое. Все «сверхъестественные» феномены происходят в четвёртом измерении, посему в каждом случае пространственные и физические ограничения трёх измерений должны составить определённую Комбинацию, чтобы произвести вышеназванные феномены».⁹⁰ Таким образом, человек в пространстве познаётся только через ограничения, правильное понимание, или, если угодно, *чувствование* которых даёт возможность как-то влиять на реальность. Это сопоставимо с тем, что даёт человеку его «интеллектуальная совесть», в которой познаётся индивидуальное пространство и время, что в это отношении есть праздник с большой буквы. В статье «Праздник и риск:

⁸⁹ Головин Е. В. Приближение к снежной королеве, Арктогея, 2003, С. 172

⁹⁰ ЛаВей А. Ш. Записная книжка Дьявола, 1992, [Читать "Записная книжка Дьявола" - ЛаВей Антон Шандор - Страница 8 - ЛитМир \(litmir.me\)](#)

творчество жизни» аспирант П. А. Щуплов писал: «праздник является разрывом с обыденностью, её противоположностью. Обыденность обуславливает существование праздника, и наоборот - праздник обусловлен обыденностью. Противоположности обуславливают друг друга».⁹¹ Праздник предполагает прорыв в сферу сакрального, что есть знание индивидуального и божественного пространства и времени. Праздник предполагает прорыв, подвиг. Поскольку праздник и будничность есть лишь условности, которые мы принимаем как данность, сакральное и профаническое также есть некоторая условность, которая должна быть разрешена в пользу единого и настоящего. Противоречия должны быть разрешены. Время индивидуальное должно стать социальным, а время социальное - индивидуальным. Микрокосм бунтует за то, чтобы социальное, внешнее время было подчинено индивидуальному, материя была подчинена духу, а душа была свободной. С идеей индивидуального времени связана фантастическая идея путешествия во времени, что подразумевает бесконечный праздник жизни. Если «зерном» микрокосма является индивидуальная воля, то макрокосм ему противостоит как судьба, принципом которой является некоторая причинно-следственная связь. Отсюда отношения между микрокосмом, или формой формирующей, и макрокосмом, или формой информирующей, весьма противоречивы.

Микрокосм бунтует против власти необходимости и необратимости, реальной альтернативой которых может быть *обходимость* или обратимость. Микрокосм, как натурфилософское определение человека, имеет внутренним центром сердце. Через бунт человек стремится к пробуждению от вечного сна, в котором по жизни пребывает. Пробуждение, как некоторое состояние души, или сознания, есть универсальное свойство одухотворённого человека. Подвиг есть восстание во имя победы над смертью, во имя радости и счастья, а также ради социального равенства и высшей справедливости. Бунтующая совесть восстаёт против мировой лжи, против двойных стандартов, поднимая с

⁹¹ Щуплов П. А. Праздник и риск: творчество жизни: Сборник трудов. – Саратов: ИЦ Наука, 2014, С. 102

каждым разом вопрос о человеческой природе на новый уровень. Камю писал: «метафизический бунт – это восстание человека против своего удела и против всего мироздания. Этот бунт метафизичен, поскольку оспаривает конечные цели человека и вселенной. Раб протестует против участи, уготованной ему рабским его положением; метафизический бунтарь протестует против удела, уготованного ему как представителю рода человеческого. Восставший раб утверждает, что в его душе есть нечто, не мирящееся с тем, как обращается с ним господин; метафизический бунтарь заявляет, что он обделён и обманут самим мирозданием».⁹² Бунт человека направлен против себя и во имя себя – того себя, которым он на самом деле является согласно собственному проекту бытия. Человек бунтующий восстаёт против самой обусловленности бытия, ограниченности, двойственности: *человечество* противоречиво.

В работе «Человек, Государство и Бог в философии Ницше» профессор Б. В. Марков писал: «Ницше, критикуя нравственность, вслед за Гегелем, показывает, что в культуре «торжествует» – рабское или – «несчастное сознание», «нечистая совесть» тех, кто не посмел рискнуть собственной жизнью, отказавшись от свободы добровольно».⁹³ В результате традиционная многовековая культура, её чистая и нечистая совесть и благодушие ставятся под удар, а сам человек начинает пониматься как некоторая авантюра. Чистая совесть как неотъемлемое право и свойство расы господ, и нечистая совесть рабов, теоретически, есть одна совесть, условно разделённая. Традиционная культура, связанная с властью господ, а вместе с ней чистая совесть, начиная с XIX века, подвергается нападкам со стороны культуры рабского сознания, которая дала контркультуру, что выражается в идее перманентного бунта, который направлен против породившей её культуры чистой совести. Так называемая культура чистой совести есть в этом отношении культура индивидуально-демоническая, аристократическая, относящаяся к сфере сакрального. Контркультура же, будучи порождением культуры нечистой

⁹² Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990, С. 135

⁹³ Марков Б. В. Человек, Государство и Бог в философии Ницше, СПб.: Владимир-Даль, 2005, С. 213

совести, восстаёт не только против культуры рабского сознания, но восстаёт против самой себя и, в конечном итоге, против культуры чистой совести, пытаясь проникнуть в сферу сакрального с целью её десакрализации.

Сегодня аристократами духа являются герои-одиночки, или партизаны, цель которых одна – освобождение себя и таких же самых партизан. Отсюда «партизан» есть фигура аристократа духа, которого мы условно называем героем чистой совести, потому что он, будучи богоборцем, в сущности является стяжателем чистой совести, которая может быть понята также как божественное сознание в смысле как некоторое состояние, что переживается непосредственно как космическое пробуждение. В современных условиях, более-менее одинаковых везде, партизан воюет за метафизический праздник, за день победы, который настанет тогда, когда удаётся перехитрить природу, которая *любит прятаться*. Таким образом, исторические бунты, революции можно рассматривать как метафизические войны за праздники пробуждения жизни. Метафизический бунтарь восстаёт против того, что он может быть героем лишь на один день, он желает «продолжения банкета», полагая в этом своём желании и последовательном его воплощении своё естественное право, которое он намерен реализовать, даже если потребуется, *особенно* если потребуется, обмануть саму природу. Таким образом, исторический человек воюет с природой, желая подчинить её себе и не желая подчиниться ей. Эти отношения человека с природой можно рассматривать в контексте отношений раба и господина. Однако в высшем смысле это лишь условности: раб есть господин, а человеческое, частное сознание, есть сознание высшее божественное. Природа, которая выражается в категориях пространства и времени, сакральна. Между человеком и природой царит предустановленная гармония, которая нарушается, когда начинается бунт против произвола, что представляет собой власть мирская. В материальном плане первый бунт, в результате которого и возникло представление специфической человеческой природы, есть установление власти частной собственности. Отсюда официальной культуре власти противостоит революционная контркультура.

Контркультура в этом отношении выступает сама против себя, поскольку представляет опасность для власти, которая сама, как заметил Фуко, есть не что иное, как отношения, или – власть множественности, которая не есть подлинная власть.

Контркультура, как культура партизан-одиночек, является оборотной стороной официальной культуры, против навязывание лживых ценностей которой она бунтует. Бунт есть не цель, но средство достижения праздника. Высшая «божественная» власть представляет собой власть над временем. Свержение высшей власти равносильно победе над властью времени. Камю писал: «в сакрализованном мире нет проблемы бунта, как нет вообще никаких реальных проблем, поскольку все ответы даны раз и навсегда. Здесь место метафизики занимает миф. Но человек есть бунт и вопрошание – пока он не вошёл в сферу священного и тогда, когда он вышел из неё, хотя вопрошает и бунтует ради того, чтобы войти туда или выйти оттуда».⁹⁴ Сакральный мир есть мир *знания* и, следовательно, власти, что даёт *знание*. Чистая совесть обращается в режиме присутствия в сфере сакрального. Но в этой сфере обнаруживается призрачная природа человека, в этой сфере ставится под вопрос тело человека, его личность, его судьба, его душа. Поэтому попадая в сферу сакрального человек бунтует, чтобы покинуть её. Отсюда «сакрализованный» есть в сущности то, что не понятно и недоступно человеческому разумению. Природа говорит, что нет ничего невозможного, ничего необратимого. Но человек понимает, что он другой, он чужой и так далее. Посредством входа и выхода в сакральное человек познается как существо, обладающее свободой воли, но, тем не менее, не совершенное. В процессе бунта, свойственного человеческому существу, человек познаётся как процесс и стремление. Но человек неоднороден. Поистине, сакрально для него его время, что даёт объективное, или божественное сознание. Но это сознание не принадлежит ему. Напротив, это он, человек, принадлежит этому

⁹⁴ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990, С. 133

высшему сознанию. Против этого положения дел и бунтует человек. Сильное желание выйти из божественного объясняется человеческой природой, с которой он не хочет расставаться. Отношение человека к божественному продиктовано страхом и желанием одновременно. Эту одновременность, которая предполагает противоречия, он и силится постичь, следуя чувству совести. Отсюда следующий совести герой не должен бояться груза противоречий, которые неминуемо возникают. Напротив, он должен их ассимилировать внутри себя, принять ради познания.

В социальном плане совесть часто понимается как синоним стыда. Но совесть может действовать и вопреки стыду. Совесть – это высшее внутренне чувство того «как надо, как должно быть». Будучи автономным, оно противостоит внешним авторитетам. В психологическом аспекте совесть связана с сверх-я. В работе К. Г. Юнга «Совесть с психологической точки зрения» совесть характеризуется как «отклонение от укоренившегося путем долгого употребления обычая, от общезначимого правила».⁹⁵ В этом смысле совесть может понимать как дурная привычка, которая становится второй природой человека. Демонические натуры культивируют развитие второй природы, находя в этом толк, что свидетельствует об отклонении от нормы. Совесть, способная порождать вторую природу человека, либо выявлять его природу словно в зеркале, таким образом, представляет уникальный интерес для человека. Совесть восстает против обычаев, утративших изначальный смысл, ставших лишь пустой формальностью. Если, по Юнгу, «голос совести есть глас Божий, то авторитет у него должен быть непременно более высоким, чем у традиционной морали».⁹⁶ Действительно совесть есть тайный источник морали, и поэтому она выше морали. Юнг справедливо заметил, что «в зависимости от условий» совесть «называют демоном, гением, ангелом-хранителем, «лучшим Я», внутренним голосом, внутренним или высшим человеком». Обусловленная той или иной традицией, совесть понимается как

⁹⁵ Юнг К. Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее, Изд-во: Мартис, 1995, С. 209

⁹⁶ Юнг К. Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее, Изд-во: Мартис, 1995, С. 210

нечто, что находится вне человека, но, тем не менее, неизменно сопутствует ему как тень. В общем, совесть воспринимается как посредник, связующий фрагменты воедино и преобразующий части в нечто цельное – в сознание. Совесть ответственна за формирование личности. Процесс совести есть *совещание*. Совесть родственна словам «совет», «вече». Процесс совести предполагает поиск, сомнение, размышление, нахождение. Если вера – принцип религии, то совесть – принцип философии. Поступки, совершаемые по зову совести, могут осуждаться моральным кодексом, укорененным в психике человека, который лицемерно выдаёт себя за совесть, но могут и корректировать сам моральный кодекс, форматировать психику.

Совесть спонтанна – она порождается непосредственно в процессе собственного обнаружения. Спонтанность подразумевает детскость. В Новом завете сказано: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». Христианство не религия слабости, но религия силы. Эта сила, творческая по своей сути, называется «совесть». Согласно апостолу Павлу, кто слушает совесть, тот не под законом, а водится духом. В этом смысле совесть выше закона. В христианском смысле совесть подчиняет хаос желаний желанию Царствия Небесного. Поскольку Христос есть «истина и путь», он есть и совесть. Он даёт свет для заблудившихся во тьме. Но что значит уподобиться детям – не значит ли это стать безумными или наивными? Не есть ли это хитрый обман или «уловка»? Так или иначе, но виноваты взрослые, дети всегда невинны. В этом смысле детям больше свойственна та чистая совесть, которая связывала пророков с их господом и народом. В детстве совесть представляется чем-то разумеющимся, но по мере взросления она забывается и вытесняется виной. Обращение к совести помогает увидеть природу времени и безвременья. Поскольку «все мы родом из детства», детство, как некоторое состояние души, даёт шанс спасения. Таким образом, *обратимость* есть, прежде всего, временная обратимость – мы должны вспомниться детьми. Вспомниться, значит, проснуться, что есть достижение воли, веры, но не совести. Пробуждение предполагает очищение совести и, как результат,

чистую совесть. Стало быть, оно, пробуждение, есть праздник, который всегда с тобой. На психологическом уровне детство есть непосредственность в мышлении, спонтанность в поведении, непредвзятость в суждении. Детство подобно животности в своей святой чистоте, и поэтому чистая совесть может быть понята как совесть ребёнка, или животного, и именно к ней призывает нас наша нечистая совесть. Отсюда чистая совесть, как ясность, *пробужденность*, божественное сознание есть цель, средством достижения которой является совесть нечистая. В этом смысле нечистая совесть даёт человеку шанс, но не даёт никаких гарантий.

Обращение в детство предполагает победу над временем, что есть проявление *чудесного*. Совесть, на что обращал внимание Мамардашвили, также есть *чудо*. В этом смысле взрослая, сформировавшаяся личность, как правило, не воспринимает чудо, а потому подвержена старению и смерти. Но в той мере, в которой взрослая личность сохраняет верность детству, она бессмертна. В этом заключается принцип веры. Совесть в этом смысле есть чудо. Всякое обращение есть своего рода мистерия. Настоящая вера, с психологической точки зрения, может интерпретироваться как влечение к смерти – феномен, рассмотренный Фрейдом в работе «По ту сторону принципа удовольствия». Вера, что предполагает чудо, есть *обратимость*, которая работает в обход необратимости, *обходимость*, существующая помимо необходимости. Вера противостоит очевидности смерти и, тем самым, предполагает бессмертие, а также жизнь вечную для детей, но не для взрослости. Человек без Бога есть лишь труп - Бог одухотворяет и просветляет человеческое тело. Видение, *знание*, понимание этого даёт ему, согласно апостолу Павлу, уверенность в невидимом. Таким образом, совестный феномен наличествует в двух формах совести. Нечистая совесть свойственна взрослости. Нечистая совесть есть голос мечты, не убитой, но променянной на дешёвые и опасные удовольствия мира. Чистая совесть свойственна детям, обитателям Царства Небесного. Чистая совесть не знает ни стыда, ни бесстыдства, которые свойственны взрослости. Детство в этом смысле

ВДОХНОВЕННО.

Джудит Батлер в статье «Круги нечистой совести. Ницше и Фрейд» задавалась вопросом: «Почему тело, наложенное само на себя, становится фигурой того, что значит быть сознающим себя бытием?»⁹⁷ Тело, наложенное на себя, символизирует андрогинат. Андрогин есть цельное божественное существо, сочетающее мужскую и женскую ипостаси. Все фигуры *знающего себя бытия* в этом смысле андрогинны, потому что совершенный человек таинственным образом есть анима и анимус, мистическое единство противоположностей. Поскольку божественные человеческие тела бесполое, они бессмертные. Об этом много писали гностики. Однако наложение тела на себя предполагает изначальную раздвоенность тела. Под телом здесь понимается сублимное тело души. Эта раздвоенность достигается через отделение души. Этот опыт нельзя назвать очень приятным, скорее наоборот. Однако является необходимым условием постижения самого себя, своей уникальной способности быть. Это соитие, соединение разрозненных частей души даёт уникальную целостность человека, что даёт возможность *ведения себя* и представляет, согласно Юнгу, собой совесть, а также является источником преобразования человека. Таким образом, соитие души, соединение человека есть *девинация*, т. е. *обожение*, как непосредственная практика совести – *совещание*. Отсюда следует, что фигура познания понимается как единое во многом и многое в едином. Обязательным условием получения опыта совести является обратное соединение, восстановление сознания, расщепленного искусственным образом с целью познания совести. Познание здесь равносильно зарождению. Обратное включение подобно пробуждению, без которого не может быть произведено положительного опыта. В случае фатальной необратимости, когда разделенный надвое индивид не может воссоединён со своим космическим архетипом, происходит растворение в космическом сновидении. В этом случае человек пассивно приобщается к

⁹⁷Батлер Дж. Психика власти, Харьков: ЦХГИ, СПб, Алетейя, 2002, С. 60

космическому архетипу. Сам по себе принцип *обратимости* предполагает то, что в условиях земного существования называется вечным возвращением. В действительности же вечное возвращение есть реализация космического архетипа, согласно которому вселенная движется циклично. Если «тело, наложенное на себя, становится фигурой того, что значит быть сознающим себя бытием», как писала Батлер, то тело, не наложенное на себя, не становится фигурой сознающего бытия. Поэтому фигура, символизирующая сознающее бытие, есть фигура, реализовавшая свой космический архетип. Отсюда первичным является разложение, сепарация. Но условием бытия является составление себя. Если разложенное не восстанавливается, нет осознанности – тогда существование бесосновно и потому неустойчиво. Отсюда андрогин есть фигура сознающего бытия, микрокосм. Например, согласно натурфилософскому подходу человеческий микрокосм познается в единстве множества составных его частей: «тела славы, свободного звездного двойника (астрального тела), квинтэссенциального андрогина, лунария (тела сновидений), физического тела, пассивного тела (тела смерти). Эту схему дал Джамбаттиста делла Порта».⁹⁸ Таким образом, человеческое самопознание должно быть независимо от временных ограничений, связанных с обществом контроля, потому что самопознание требует жертв – даже если речь идёт о рациональности, что может служить глобальным ограничителем возможности познания в мистическом, то есть в наиболее полном, смысле слова.

Далее Дж. Батлер писала: «насилие закладывает основу субъекта». Сепарация души и тела, что даёт возможность субъекту быть, происходит, пусть и добровольно, но насильственно. Однако сакральное насилие, которое сопровождается блаженством, не является насилием в принципе, поскольку осуществляется с согласия «жертвы». Христос был реформатор, отрицавший культ человеческого жертвоприношения, что практиковалось в иных религиях, но, парадоксальным образом, сам стал жертвой. Поэтому только

⁹⁸ Головин Е. В. Приближение к снежной королеве, Арктогея, 2003, С. 170

через страдание человек, как гласит христианская истина, приобщается к царствию божьему. Однако, весь вопрос в том, что понимать под царствием божьим, не царство ли *кесаря*? Так или иначе, но жажда, страсть, например, даже жажда жизни, зов бытия влечёт за собой насилие, потому что субъектность связана с насилием в принципе. Поэтому проблема насилия решается через устранение субъектности, через *объективацию*, что есть превращение цели в средство. Чистая совесть, божественное тело сознания не знает насилия, что в этом смысле есть культ христианской изнеженности. Справедливость требует насилия, но в этом смысле «насилие» лишается своих пафосных коннотаций. Чистая совесть спонтанна, случайна, необязательна, и, поэтому, ни в коем случае не насильственна. Чистая же совесть, как осознание возможности *момента*, предполагает осознание множества возможностей, природа которых чистое ничто, небытие, виртуальность Абсолюта. Чистая совесть, как совесть есть совесть дела, а не совесть-ресентимент. Поэтому совесть предполагает обнаружение противоречий, и, следовательно, последовательное их снятие через принятие, симпатию и ассимиляцию. В этом смысле справедливо замечание П. Д. Успенского: «противоречия, видимые одно за другим, не кажутся противоречиями, их нужно увидеть одновременно».⁹⁹ Чистая совесть, существующая по ту сторону ресентимента, в каком-то смысле есть познание одновременности. Безумие есть необходимое условие познания. Но безумие должно стать опытом, иначе никакое познание невозможно, коль скоро познание есть опыт. Отсюда задача сводится к умению выйти из состояния безумия, что есть интенсивное переживание бездны, что представляет из себя человеческая *экзистенция* в принципе. Совесть, как важнейший *экзистенциал*, способствует снятию, способствует обретению опыта ровно в той же мере, что и отказу от опыта, отказу от знания, которое, будучи получено опытным путём, как нечто «завершённое», обречено на неполноту и ограниченность, а потому условность и

⁹⁹ Успенский П. Д. Совесть: поиск истины, С.40

относительность. Итак, *познание* на деле есть *опознавание* себя вне всякого контекста и разрушение мнимых противоречий.

Джудит Батлер задаётся вопросом: «в той степени, в которой нечистая совесть включает против себя обращение против себя, [включает в себя] тело, возвращенное к себе, – как такая фигура служит социальной регуляции субъекта и как мы могли бы понимать это наиболее фундаментальное подчинение, без которого не может возникнуть никакой настоящий субъект?»¹⁰⁰ В метасоциальном плане фигура сознающего бытия есть фигура *посвященного*, который, в социальном плане, может быть кем угодно, например, проводником по типу «сталкера», то есть такая фигура является тем, кого ищущие *знания* называют «учитель», коль скоро *знание*, как некоторый коллективный опыт, или традиция, может быть передан «страждущим». Отсюда «передача» есть форма традиционного посвящения. *Пробужденные* способствуют пробуждению, и, тем самым, потворствуют нравственному прогрессу, духовной эволюции, что в этом смысле также есть способ реализации космического архетипа, относящегося к сфере сакрального знания. Обращенное на самое себя тело души стремится к звездам. Эти фигуры могут быть названы демонами или гениями, то есть существами, вопрос о природе которых был затронут уже выше при разборе некоторых принципиальных для понимания того, что есть совесть моментов античной философии. Зачастую деятели *космического пробуждения* считаются маргиналами, не признаются общественными институтами, что говорит лишь о том, что есть силы, противостоящие знанию, силы дезинформации, направленной на то, чтобы скрыть от человека его реальный потенциал – потенциал обнаружения себя в абсолютном потоке информации, что в самом широком смысле есть жизнь. Общество, которое контролируется, при помощи сил дезинформации, есть, следовательно, то, что необходимо преодолеть тому, кто намерился стать фигурой сознающего бытия (если использовать такую терминологию).

¹⁰⁰ Батлер Дж. Психика власти, Харьков: ЦХГИ, СПб, Алетейя, 2002, С. 60

Человек в этом смысле есть бунтующий микрокосм. Бунтующий человек противостоит потокам дезинформации. Но противостояние есть, прежде всего, противостояние внутреннее, а война, в этом смысле сугубо обязательная, есть война духовная. Каждый в соответствии с обнаруживаемой природой своего «я», а также в соответствии со своими возможностями и талантами, устанавливает связь с ритмами вселенной, либо бунтует против собственной ограниченности, и, тем самым, способствует собственному индивидуальному спасению, которое в результате способствует и общему спасению, поскольку *всё связано*. Реализованная свободная воля предполагает саморазрушение, то есть разрушение пустой своей социальной оболочки для того, чтобы обрести связь с подлинной собственной сущностью, которая подавляется обществом контроля, моралью, «лжесовестью», которая является прошивкой «рабского сознания». Но по своей природе совесть свободна, а потому – чиста. Поступать по совести в этом смысле значит чувствовать каждого отдельного момента. Совесть есть стихия, соединяющая божественное и человеческое в процессе пробуждения-самопознания. Поэтому «общее дело» есть дело противостояния потокам дезинформации с целью выхода к потокам абсолютной информации, что есть эфир, то есть пробужденный космический архетип, что также является «достижением объективного сознания». Но если, по Батлер: «социальное порождает психическое в самом его сотворении – или, точнее, как само его сотворение и творческую силу»,¹⁰¹ то «объективное сознание» будет одновременным и органичным сознанием, что есть живое понимание взаимосвязи всех явлений, причин и следствий. Таким образом, *ведение* подразумевает *одновременность сознания, чистую совесть, объективное сознание*. Поскольку одно без другого не существует, или даже одно есть инверсия другого, и – наоборот, постольку ни то ни другое в действительности не существует, а есть нечто третье, что соединяет полюса, снимая противоречия.

¹⁰¹ Батлер Дж. Психика власти, Харьков: ЦХГИ, СПб, Алетейя, 2002, С. 60

Глава III. Экзистенциальная эсхатология совести

Как уникальная философско-антропологическая проблема, совесть представляется перекрестным феноменом, поскольку в ней встречаются различные парадигмы мировосприятия. Но можно рассуждать о различных психотехниках совести, свойственных той или иной культурной парадигме, а можно признать за совестью *то*, посредством *чего* в сознания соединяется и разъединяется, то есть формируется. В этом смысле совесть обращает нас к *чистому ничто*, понимающемуся частью бытия. Если рассматривать совесть вне связи со сферой сакрального, к коей относится *ничто*, то природа совести, которая соответствует понятию человеческой природы, не может быть раскрыта в принципе. Поэтому совесть не стыд или же бесстыдство, но нечто совсем другое, на что она и указывает. Отсюда совесть представляется связью с трансцендентным миром, представление о котором уже заложено в сознании человека априори. Собственно, нашей задачей, как философов-антропологов, является раскрытие характера связи этих отношений с *ничто*, благодаря которым осуществляется самопознание. Как индивидуально-демоническое *сверхчувство*, предшествующее опытному познанию, совесть даёт такое *знание*, посредством которого осуществляется экзистирование. *Знание* стремится быть проявленным, поскольку жизнь, как сказал Антон Лавей, есть величайшая милость, а смерть величайшая немилость. Отсюда жизнь, или бытие есть некоторое место действия, в котором реализовывается Абсолютный дух. Духовная жизнь представляется войной некоторых сил, противоположных ценностей. В этом смысле на человека возложена большая ответственность, от его выбора в ту или иную пользу зависит его проект бытия. До сих пор человек выбирал ничью. Но ситуация меняется, потому что на арену выходит новый антропологический проект – постчеловек. Таким образом, человек под вопросом. Хайдеггер, указывая на фундаментальный характер связи бытия и ничто, считал, что человеческая природа сохраняется

за счёт экзистирования человека в ничто. Поэтому, как только прекратиться рефлексия, существование, и начнётся условное «постчеловечество», человек примет печать зверя. Но пока совесть свидетельствует о присутствии, которое может быть заменено на тотальное отсутствие. Коль скоро совесть будет заменена законом или чипом, вшитым под корку головного мозга, прекратиться человечество, не будет свободы воли, а классическое «быть или не быть» потеряет смысл. В контексте христианской эсхатологии такой конец истории есть Апокалипсис, Страшный Суд. В этом смысле совесть, как функция нашего несовершенного сознания связывает нас с божественным совершенным сознанием и обращает к картинам Страшного Суда. В контексте антропологического проекта совесть есть то самое *чувство*, что, подобно интуиции, разъединяет и соединяет бытие, давая человеку понять нашу сущность. Отсюда страшная пророческая правда Ницше, сказавшего, что *человек — это то, что должно быть преодолено*. Сегодня, мы дети Ницше, движемся в этом направлении, чего одни (например, технократы) жаждут, другие (традиционалисты всех мастей) боятся. Так или иначе, от нас мало, что зависит, поэтому стратегия индивидуального спасения должна быть всё-таки более предпочтительна, ведь коллективное спасение просто является индивидуальным спасением многих. Таким образом, совесть помогает понять *бытие*. В этом состоит уникальное свойство совести, что способна ставить под вопрос самого человека через напоминание о его божественном происхождении. Но что мы подразумеваем под *человеком*?

В заключительной главе совесть, как самое сильное фундаментальное внутреннее чувство, сообщающее человеку присутствие, либо отсутствие, рассматривается как некий базисный и ключевой *экзистенциал*, помогающий человеку понять *что-то*, что размыкает повседневное, профаническое состояние, которое есть *прозябание*, причем размыкает самым радикальным образом. Будет установлен характер отношений между религиозной природой человека, которая в этом смысле устанавливает связь между частным, отдельно сознающимся бытием, и целым, под которым подразумевается мир,

Бог, Абсолют, и индивидуальным экзистенциальным бунтующим центром, «Я» человека.

1. Проблема «двойной непроницаемости» в западной эзотерической традиции

Бессмертие - заветная мечта всего человечества. Прогресс человечества имеет своей настоящей целью освобождение от диктатуры времени. Во все времена вопрос о бессмертии человека волновал умы лучших людей. Людвиг Фейербах писал: «если бы не было воспроизводства, не было бы смерти, потому что в воспроизводстве это существо истощает свою жизненную силу».¹⁰² Под «этим существом» имеется в виду человеческое существо. Воспроизводство через половое размножение не просто бессмысленно, но приводит к смерти. В приведённой цитате воспроизводится логика Адама, первого человека, вспоминающего о метафизической родине. Отсюда следует, что сознательный отказ от размножения физического предполагает возможность достижения бессмертия. Такого же подхода придерживались многие гностические секты. Фейербах пришёл к этому выводу через анализ христианского сознания. Василий Розанов, исследуя сущность христианства в своей работе «Люди лунного света», приходил к аналогичному же выводу. Подвижнику-аскету причиной смертности видится половая дифференциация. Поэтому человекам и человечествам должно некоторым образом преодолеть роковую половую разобщённость, достигнув стадии андрогина. Если жизнь предполагает смерть, то *не жизнь* подразумевает отсутствие всякой смерти. Но жизнь включает в себя смерть, которая в этом смысле противоположна не жизни вообще, но рождению, что есть естественное следствие жизни в поле. Проблема времени и смерти связана с проблемой пола, который имеет экзистенциально-религиозную напряженность. Поэтому-то вечная жизнь или бессмертие не есть жизнь и не есть смерть, а есть форма безгреховного, *безсьменного*¹⁰³, на что обращал особое своё внимание В. В. Розанов, зачатия,

¹⁰² Фейербах Л. А. Лекции о сущности религии, Харьков, Изд-во: НТУ, ХПИ, 2008, С. 468

¹⁰³ Розанов В. В. Люди лунного света: метафизика христианства. – М.: Дружба народов, 1990, С. 57

что, таинственным образом, предполагает богочеловеческое *безосновное* существование, параллельное жизни и смерти, т. е. *жизнь вечную*. Половое размножение не более чем бессмысленный расход жизненного ресурса души. Основанная на продолжении рода жизнь, если жизнь эта не обращена к внутреннему небу, выступающему по отношению к пассивному внешнему небу некоторым первоисточником, с этой позиции не есть жизнь подлинная. Христианская метафизика, как некое явление универсальной религиозной метафизики, соответствует, например, буддистской метафизике, которая в качестве подлинной жизни культивирует идею *непроявленности* и небесной чистоты, что, по этике, возможна на земле (эта возможность символизирует цветок лотоса). В большинстве традиционных религий речь идёт главным образом о бессмертии души. Но большинство религий мира были связаны с «мирской» властью – той самой властью множественности, против которой восстаёт синкретический метафизический анархизм Г. И. Чулкова и других. Религиозная метафизика, непосредственно связанная с экзистенцией совести, внешней жизни пола противопоставляет внутреннюю жизнь пола, которая, исходя на уровне души и духа, согласно Розанову, есть жизнь *бесполая*. Таким образом, в век атеизма религии и, в первую очередь, христианство подвергаются обличению как ужасная ложь. Считается, что свободный свободен выбирать, либо вовсе отказаться от выбора в ту или иную пользу. Сегодня метафизическая проблема пола в свете развития гендерных теории, рассматривается в социальном контексте с либеральных позиций. В качестве реакции на это авантюрное движение человечества мы имеем, прежде всего, политическое возрождение концепта «традиционных» ценностей, противопоставляющийся ценностям либерализма. В условиях постмодерна отмечается достаточная лицемерность подобного «возрождения». Однако, на частном уровне, как стратегия индивидуального спасения, обращение к традиционной метафизике разумно. Динамичный религиозный синкретизм, включающий в себя в определённой степени трансгуманизм, имеющий метафизические корни в основаниях бунтующей совести человека, а также

всеразличный «эзотеризм», ищет возможности спасения для всей личности, включая и плоть. При этом пресловутый внутренний человек выбрасывается на периферию, становится внешним. Отсюда наблюдается определённое лицемерие и в идеях либерализма. Когда *внутреннее* становится *внешним*, а тайное – явным, происходит подмена смыслов, утрачивается суть. Сегодня технологический прогресс вольно или невольно потворствует такого рода *становлению*, что в контексте христианской эсхатологии должно пониматься празднично, как Апокалипсис, что, с одной стороны, знаменует приход Антихриста, а с другой – второе пришествие Христа. Таким образом, складывающаяся ситуация является экзистенциально-религиозным вызовом для совести каждого «Я». Тем не менее, такая ситуация, ситуация вызова, для души христианина должна иметь и имеет перманентный характер. Иными словами, Апокалипсис есть то, что происходит – *уже, сейчас*.

Официальное христианство предполагает контркультурные перверсии, осознанные метафизически как *ничто* и противостоящие историческому «культурному» христианству. В этом смысле совесть, как самое сильное чувство, есть *чувство неба*, обращающее от внешней жизни к внутренней. Эта христианская совесть, объявляющая войну между небом и землёй, есть обращенное вовнутрь влечение к жизни, или *либидо*, и проявляется через разрушение, саморазрушение, *влечение к смерти*, место которого Фрейд сначала определил по ту сторону принципа удовольствия, но впоследствии выявил тайную связь между удовольствиями и неудовольствиями. С этим влечением связано развитие теории бессознательного, а также различные течения в оккультизме XX века. Как обратная сторона любви, разрушение – это создание возможностей для рождения новой «звезды». Здесь уместна формула главного теоретика анархизма М. А. Бакунина – «разрушение – это созидание». Отсюда чрезвычайно важен баланс между крайностями - между творением и разрушением, как естественными следствиями, причина коих одна – *желание*. Единство противоположностей, крайностей, как, например, *небо*, внутреннее и внешнее, является тайной божественной природы

человека, которую он и стремится в своём незнании постичь. В экзистенциальном аспекте бессмертие дано человеку в переживании в качестве некоторого благоухания души, что называется *пограничным состоянием сознания*. В этом состоянии возможна *победа над временем*, но, поскольку человек остаётся привязан к собственному телу, трансцендентальное переживание — это временно. Метафорически выражаясь, праздник заканчивается, и карета превращается в тыкву. Таким образом, задача человека научиться сделать *так*, чтобы праздник не заканчивался как можно дольше, либо вовсе никогда, *чтобы кайф стал вечным*. Этим метафизическим желанием, *чувством неба*, нашей мистической совестью, что, впрочем, может рассматриваться и как некоторая склонность, объясняется различное (негативное и позитивное) девиантное поведение, практикующееся практиками контркультурного действия. Само *это* состояние, само переживание *этого*, предполагает выход за пределы временных и пространственных (трансцендирование, экзистирование) ограничений, что, несомненно, стимулирует исследователя.

Метаморфозное бессмертие, как некоторое переживание, характерное мифологическому сознанию, измененному сознанию в частности, достигается различными методами обнаружения присутствия. Отсюда смерть есть определённый переход от одной формы жизни к другой, и качественно эти формы могут отличаться (человеческое существо может стать ангелом, зверем, камнем — в зависимости от собственной сущности). Достижение божественного сознания, когда обнаруживается непостоянство человеческой формы, является целью такого рода практик. Поэтому человеческое, *слишком человеческое*, желание превзойти самое себя, объективно — оно утверждается как идея перманентной революции, бунта человека против основ мироздания. Отсюда и сверхъестественное желание, метафизический голод как то, что определяет, согласно экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра, проект бытия человека. На основе подобных стремлений развивается религиозность, как стремление воздерживаться от мирского, а также возникает сомнение как

причина, порождающая следствия, которые принимают вид богоборческих проектов – революций, целью которых является постоянное обнаружение ускользающей истины. Следовательно, то, что можно назвать «логикой чистой совести», ход мышления, воспроизведенный Фейербахом следующим образом: «если бы не было воспроизводства, не было бы смерти»,¹⁰⁴ есть логика нечеловеческая, имеющая своих сторонников. Поскольку размножение в этом смысле равняется смерти, а всякое желание равняется страданию, сознающее бытие отказывается от воспроизводства подобных через половое размножение: *не желание предполагает и не страдание*. Данная логика, свойственная религии героев, в то же самое время есть парадоксальная и абсурдная логика *влечения к смерти*, поскольку раскрывает последовательность в её одновременности. Поэтому *влечение к смерти* соответствует *воле к власти*, что в пределе, как было и будет сказано, и не раз, есть *воля к власти над временем*. Данная специфическая, на первый взгляд, воля, чувство или *желание*, формирует сам бытийный проект вопрошающего философа и является кульминацией философии, главный *грех* которой, с точки зрения исторического христианства, в отказе от смирения, то есть гордыня. Поэтому *смерть* и *рождение* представляются как те части целого, как та участь, которой не избежит тот, кто желает не того, кто потому что не убил в себе зародыш чувства земного. Таким образом, то, что не было рождено, согласно этому ходу мыслей, не может умереть, а будет жить на *небесах*, героический штурм осуществляется отдельными индивидами, которых в предыдущих главах мы окрестили демоническими. Отсюда – может ли жить не рожденный? – основной вопрос экзистенциальной философии, ответ на который должен дать перед своей совестью каждый, кто посмел заглянуть в сокровенное. Жизнь может быть разной – органической, неорганической, молекулярной, духовной, потому что *она* разносторонняя и всеобъемлющая, и, следовательно, само *существование*, противоположное как жизни, так и

¹⁰⁴ Фейербах Л. А. Лекции о сущности религии, Харьков, Изд-во: НТУ, ХПИ, 2008, С. 468

смерти, возможно за пределами рождения-смерти. К этому существованию призывает совесть сомневающих.

В теории Фрейда *либидо* и *мортидо* тайно сочетаются в воле человека. Хотя понятие инстинкта смерти было введено Фрейдом позже *либидо*, оно существенно дополнило его теорию неврозов. А поскольку человек сочетает в себе творческие и разрушительные тенденции своего неопознанного «Я», он является как бы *обезьяной бога*. Это ужасающее его положение как бы обязывает его стремиться к преодолению и обуславливает разрушительно-творческие тенденции, делающие его *таковым* – стремящимся к свету во тьме. В тотально-неосознанном своём влечении, человек переживает ненужность, оставленность, безысходность, а потому ужасается своему положению. Это человекобожеское, демоническое влечение есть утверждение собственного проекта бытия перед лицом смерти, небытия, которое, согласно Хайдеггеру, по умолчанию включено в бытие как некоторая возможность самопознания. Тотальное влечение человека, побуждаемое совестью, внутренней жадой, вызвана ощущением нехватки *чего-то ещё*, тоской по метафизической родине, поиск которой предпринимается непрестанно. Граница, бездной пролегающая между метафизической родиной «Я» человека и, собственно, самим человеком, есть условие существования «этих» и «тех», «наших» и «ваших», условие, которое «партизан», как фигура адекватного самому себе человека, принимает ради достижение определенной свободы от условностей и обстоятельств конкретики небытийных обстоятельств как некоторой частности, выдаваемой нашим братом за нечто безусловное. Таким образом, жизненным кредо партизана, самопровозглашаемых кшатриев является известный лозунг «да, смерть!» В противном случае смерть для него есть бесконечный чёрный квадрат, усиливающий отчаянные скитания голодного духа. Совесть партизана есть памятование о том, кто он и что есть его свобода, которую он, разумеется, свято охраняет, ведь она напоминает ему о его божественном происхождении. Поэтому совесть есть некоторая коллективная память одиночек.

В знаменитом романе Гюго «Нотр-Дам де Пари» поэт Пьер Грингуар, говорит: «А что такое смерть, в конце концов? Неприятный момент, дорожные пошлины, переход от небытия к небытию. Кто-то спросил у Керидаса мегаполийца, хотел ли он умереть? «Почему бы и нет? - ответил он на это. «Ибо в загробной жизни я увижу великих людей: Пифагора среди философов, Гекатею среди историков, Гомера среди поэтов, Олимпию среди музыкантов».¹⁰⁵ Но совесть-христианка призывает не забывать, что после долгих ночей всегда наступает конец путешествия, и поэтому данное языческого свойства мировоззрение о метаморфозах души, бесконечном её плаваньи по разным мирам, не эсхатологично, ведь в данной сентенции бесконечное пространство, абсолютная горизонталь превалирует над абсолютным временем, которое в этом отношении выступает вечностью, вертикалью. Между двумя этими человечествами - женским горизонтальным бесконечным и безначальным пространством, с одной стороны, и мужским вертикальным конечным началом, существует определённое противоречие, происходит война, которая преодолевается идеей божественного, главным символом которого является крест, что в этом смысле есть символическое выражение снятия противоречий. В противостоянии идей сталкивается идея вечности и идея бесконечности, идея времени и идея пространства, которые не дополняющими являются, но одна другой противостоящими. Пробужденному сознанию соответствует всегда верная себе чистая совесть. Поэтому поэты, особенно *проклятые*, поскольку их благословенная воля – есть воля быть андрогинном, богочеловеком, гордым и мятежным, есть люди чистой совести. Следовательно, очистка совести предполагает преодоление роковой разобщённости бытия, источник которой – двойственность сознания, власть множественности, или, в сущности, безвластие. Таким образом, через приятие этой самой двойственности, множественности, через *непротивление*, подавляемое культурой рабского сознания, выявляется хищническая природа

¹⁰⁵ Собор Гюго В. Нотр-Дам, Государственный художественный издательский дом, Москва, 1956, С. 406

всякой власти. Поэтому преодоление демонической двойственности сознания, достижение *недвойственного сознания*, традиционно являющегося целью эзотерических практик, подразумевает обнаружение божественной природы сознания в принципе, или – объективного сознания. Процесс осознания себя как человекобога подразумевает очистку совести, выявление скрытого в «Я» объективного сознания. Данный процесс есть процесс, который мы окрестили процессом *совещательным* (*со-вещание*, как совместное вещание, как одновременность, или принцип религиозности, принцип восстановления связи с космическим архетипом, например).

Объективное божественное сознание соответствует древнегреческому «Нус», что есть «Ум», который бесконечен и вечен, един. В живом, народном и горизонтальном уме встречаются люди и *нелюди*, ведь место их обитания – единая вселенная. Существует великое множество названий для тех, кого мы называем *нелюдями* – это цыгане, вампиры, русалки, упыри, оборотни, колдуны и ведьмы... Рациональный и властный научный монотеизм, выветрившийся в атеизм, стремится отгородиться от подобного столь нежелательного, по его мнению, сосуществования, или – *совещания*. И в этом смысле он стремится отгородиться и от совести, поскольку совесть есть тотальное приятие всего. Но история осуществляется в диалектическом развёртывании Абсолютного духа, или – Яхве (в иудео-христианской традиции). А сказочные существа, *не люди*, принимают форму людей, находятся как бы у них в подчинении, что в то же время есть как бы процесс освобождения людей. Распространено мнение, что *нелюди* враждебны к людям, но через *совещание* удаётся понять, что они враждебны лишь по отношению к тем, кто враждебен к ним, и в этом смысле враждебен к себе. Поэтому переживание *соприсутствия* человека и духа, человека и демона, есть процесс совести, или *совещания*, предполагает сбрасывание грехов, снятие печати дьявола, параллельное существование, что есть познание человеческой природы. В этом смысле «учителя», фигуры сознающего бытия, маги, колдуны, шаманы и иже с ними способствуют познанию.

Поскольку *сосуществование, событие* обнаруживается через экзистирование человека, он может быть назван процессом, или практикой совести – *совещанием*, что в то же время, согласно формуле Ницше, есть преодоление человека. В философии оккультизма средой обитания *нелюдей* считается т. н. «астральный план». Например, английский теософ Лидбитер писал: «Само слово «мертвый» является нелепо ошибочным определением, поскольку большинство классифицированных существ столь же живы, как и мы, и часто определенно больше. Таким образом, этот термин следует понимать просто как означающий тех, кто временно не привязан к физическому телу».¹⁰⁶ Жизнь, понятая как *сосуществование, совещание* не обязательно предполагает рождение и смерть. Поскольку *нелюди* «временно не привязаны к физическому телу», но, тем не менее, *существуют*, их существование вне физического тела представляется безусловным. Отсюда следует, что человеческая привязанность к физическому телу, свойственная многим, ограничивает возможности существования, и соприсутствия, однако современное развитие цифровых технологий дает надежды на исправление в будущем. Таким образом, достижение *недвойственности* допускает известное соединение микрокосма и макрокосма, если не полное их отождествление.

Природа не предполагает ограничение времени, и в этом смысле жизнь безгранична. Согласно Фейербаху, природа представляет «не что иное, как реальный мир, свободный от того, что кажется ограничением или злом».¹⁰⁷ В этом ключе совесть восстанавливает гармонию между венцом природы, человеком, и, собственно, природой. Николай Федоров, философ-«космист», философ-фантаст, выступал за творческое соучастие всех людей и *нелюдей* в преображении реальности совместного проживания. Такой проект он называл «общим делом», что предусматривает соединение научно-технического прогресса с процессом нравственным, которое он мыслил, как «всеобщее воскрешение жизни», возвращение жизни когда-либо жившим и никогда не

¹⁰⁶ Ледбитер С. Астральный план, пер. с английского языка Зайцев, М.: Амрита, 2016, С. 32

¹⁰⁷ Фейербах Л. А. Сочинение в двух томах. М.: Наука 1995, Т. 1, С. 215

жившим предкам и потомкам. На первый взгляд этот проект кажется мечтательным и даже безумным, но это только на первый взгляд, ведь при более внимательном изучении вопроса становится понятной эта его озадаченность. Фёдоровский проект, таким образом, может быть понят и как проект покорения времени, что есть социальный и метафизический проект. Человеку нужно только усилие воли, чтобы пробудиться для новой жизни в мире, где ни греха, ни линейного времени нет. Фёдоров считал себя православным философом и таковым и был в подлинном смысле слова, поскольку был философом эсхатологической направленности, поскольку задавался конечными вопросами человеческого существования, смысл которого он видел в пробуждении от иллюзий, которыми окружена наша жизнь, но не от самой жизни. Фёдоров был философом апокалипсического толка, мыслил парадоксом.

Н. Ф. Фёдоров, прозванный современниками «московским Сократом», томился о воплощении Царствия Небесного на земле, как и многие другие мечтатели. Человек, ведомый Святым Духом, или пустой должен научиться управлять стихиями природы, ведь подчинение природы подразумевает окончательную победу, окончательное торжество богочеловека. В этом плане человеческое и божеское соединяются в некотором непостижимым для ума единстве. Религиозная совесть Фёдорова - это не просто склонность к добру, но практическое всеобщее воскрешение. Бердяев описывал это стремление как *русскую идею*. Здесь есть что-то от мессианства и шовинизма. Подлинной духовной материей для «всеобщего воскрешения жизни» является *память*, что, подобно подсознанию, или бессознательному, подчинена объективному сознанию как часть целому.

Идеи Федорова оказали непосредственное влияние на В.С. Соловьева и Ф. М. Достоевского. Косвенными последователями его учения являются К.Е. Циолковский и В. И. Вернадский. Благодаря последнему в научный обиход было введено понятие *ноосфера*, образованное от понятия «Нус». Справедливости ради Вернадский, будучи представителем строгого научного

мировоззрения, писал: «некоторые части даже современного научного мировоззрения были достигнуты не путём научного искания или научной мысли – они вошли в науку извне: из религиозных идей, из философии, из общественной жизни, из искусства. Но они удержались в ней только потому, что выдержали пробу научного метода».¹⁰⁸ Так и учение Николая Федорова, одновременного идеалиста и реалиста, настаивавшего на практичности философии всеобщего воскрешения, выдержало пробу, и, как ни странно, первый человек в космосе Гагарин приходился родственником «московского Сократа». Фёдоров считал, что «учёные ошибаются, когда не признают проективное в субъективном»¹⁰⁹, и был, с его точки зрения, прав. Философ не видел принципиальной разницы между учёными и неучёными, той разницы, которую всегда видят первые. С его точки зрения, ошибаются и те, и другие, если не стремятся установить *сообщение соприсутствие* между физическими и временно не привязанными к телу существами – нашими предками, наполняющими собой пространство вселенной. В этом отношении Царство Небесное предполагает сосуществование творчески преображённой единой вселенной (зеркальный микрокосм-макрокосм).

Совесть, по Фёдорову, есть «принудительное восстановление отцов и предков в памяти, которое должно быть сознательно и добровольно восстановлено и против которого, не выполняя этого, мы поэтому виноваты. Но если воспоминания не являются пытками совести, то мертвые появятся в форме миазмов».¹¹⁰ С делом восстановления отцов и предков в памяти, или в сознании, связано очищение совести и преодоление греха. Это дело сочетает *анамнезис* Платона и идеи Воскресения. Таким образом, восстановление предков в памяти и всеобщее воскрешение жизни, есть дело совести, общее дело сознающих бытийных сущностей. Мистик, философ и поэт, визионер представитель «серебряного века» русской культуры Даниил Андреев,

¹⁰⁸ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991, С. 203

¹⁰⁹ Федоров Н.Ф. Философия общего дела, М.: Эксмо, 2008, С. 42

¹¹⁰ Федоров Н.Ф. Философия общего дела, М.: Эксмо, 2008, С. 45

создавший уникальную мировоззренческую концепцию в книге «Роза мира», стал ярчайшим завершителем этого дела.

В своих устремлениях и порывах русский духовный ренессанс конца XIX - начала XX века имеет немало общего со средневековым ренессансом. Эта *общность* проявляется не только в свободолюбивой идеалистичности. На рубеже XIX-XX веков Россия взяла на себя лидерство в деле возрождения Вселенской православной Церкви: мыслилось воссоединение западной и восточной христианских церквей ради высшей цели – установления мировой теократии. Будучи одним из идейных вдохновителей русской философии конца века, Фёдоров, как панславист, допускал единение, но лишь в лоне православной церкви, символом могущества которой является Собор Святой Софии в центре Константинополя, что, значит, подразумевало отнятие-отвоевание-завоевание отуреченного в ходе очередного не крестового похода армии Османской империи в XV веке Константинополя, ныне – Стамбула. Н. Ф. Фёдоров мыслил творческое преображение через ренессанс, который, пусть и не явным образом, но подразумевал новый поход, который в ходе Первой мировой войны обернулся в итоге революцией и распадом Империи.

В. С. Соловьев полностью поддержал бессмертный проект Федорова. В своей неоднозначно принятой современниками работе «Смысл любви» он писал: «Основным свойством материального бытия является двойная непроницаемость: 1) непроницаемость во времени, благодаря которой каждый последующий момент бытия не сохраняет предыдущий, но исключает или вытесняет его из существования, так что все новое в среде материи возникает в ущерб ей, и 2) непроницаемость в пространстве, в силу которой две части вещества (два тела) не могут одновременно занимать одно и то же место, то есть одну и ту же часть пространства, но должны сместить друг друга».¹¹¹ В этом чрезвычайном положении происходит фиксация человека, считается роковая трагичность, обусловленная грехопадением на материальный план.

¹¹¹ В. Соловьев, Избранное, М.: Советская Россия, 1990, С. 206

Справедливости ради, надо сказать, что такое положение дел касается не только рода людей (падение Адама), но и ангелов (падение Люцифера). Но если для людей был явлен искупитель греха Адамова, то Люцифер, как предводитель павших ангелов, *нелюдей*, есть отрицание идеи спасения и, следовательно, Христа. В средневековом трактате «Молот ведьм» мы читаем: «иметь два тела, свое и то, на которое он надет, демон - или дьявол, сатана - не может достичь своих органов восприятия - жертв, потому что два тела не могут быть в одном и том же месте одновременно».¹¹² Если принять на веру приведённые в «Молоте» данные, то проблема *двойной непроницаемости* есть актуальная проблема не только для людей Адама, но и для павших ангелов, *нелюдей*, сожительствовавших с людьми и другими существами в единой Вселенной. Проблема *двойной непроницаемости* в этом плане универсальна. В этом аспекте наблюдается определённая похожесть их судеб, которые, тем не менее, самым роковым образом никогда не сойдутся в условиях бытия – в условиях *двойной непроницаемости* пространства и времени. В этом смысле половое совокупление людей может быть понято как попытка достичь этой полноты, которая если бы была таким образом осуществима, помогла бы находиться в одном и том же месте двум телам одновременно, которые всё-таки, как тела единого целого, как одно тело, или, как сказано в Писании, *одна плоть*. Что касается человека, то вероятно – это один из немногих возможных путей восстановления его-их единства (эзотерический смысл этого соединения дан в иллюстрации XV карты Таро Старших Арканов под названием «Дьявол»). В контексте западной эзотерической традиции этот путь называется «путём левой руки», которому свойственны крайний индивидуализм, нарушение социальных и моральных табу, но не нарушения ради, но во имя высшей цели – саморазвития. Отсюда – проблема *двойной непроницаемости* имеет ключевое значение для эзотерической традиции запада.

¹¹² Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. СПб.: Амфора, 2001, С. 131

Таким образом, ситуация, связанная с саморазвитием и самопознанием такова, что у нас есть два тела, которые будучи как бы одним, не могут стать одним, и как основа такого положения является нам наше *желание* – оно же, согласно буддийской философии, *страдание*. Следовательно, чтобы достичь *не двойственности сознания* и преодолеть *двойную непроницаемость*, нам стоит преодолеть само это фундаментальное *желание*. Для желающих двигаться в данном направлении, что в этом отношении соответствует Пути правой руки, следует обратиться к практикам христианского и буддистского толка, практикам, связанным с неделанием, непротивлением, нежеланием и так далее. Путь правой руки есть путь последовательного отрицания своего «Я», а Путь левой руки – путь самоутверждения через саморазрушение. Здесь всё *желание* сводится к единственной страсти к Ничто, переживанию бездны ради *нового рождения*. Таким образом, Путь правой руки ставит своей целью полное освобождение души, а Путь левой руки – величие, могущество. Но, несмотря на всю различность стратегий, Пути левой и правой руки, в сущности, есть лишь крайние проявления единого «срединного пути», что есть «ядро» буддизма. Суть этого пути в том, чтобы, во-первых, обнаружить его и, во-вторых, поддерживать «золотую середину» между наслаждениями и страданиями, избегать крайностей. Путь правой руки в определённом смысле соответствует «срединному пути», но радикальное проявление Пути правой руки в этом смысле включает также аскетический образ жизни. Однако, это крайность. Правому пути свойственна умеренность, срединному понимание относительности обоих в этом смысле путей. В качестве примеров «срединного пути» можно назвать формы мирских религиозных культов – христианства, стоицизма и даже какая-нибудь философия здравого смысла вполне соответствует «срединному пути». Срединный путь, предполагающий поиск золотой середины, связан с практиками заботы о себе. Поэтому, каждый следует своему пути, исходя из того, что ему советует его совесть.

2. Совесть как категория заботы

Смысл всемирной истории для Вселенской церкви состоит в ожидании Второго пришествия Христа, которое связывается с идеей Страшного Суда, что предполагает всеобщее воскрешение жизни для определения участи каждого человека в отдельности. Отсюда судьба человека, и человечества, определяется идеей Страшного Суда, земная жизнь для верующего человека есть постоянное испытание его персональной совести, поскольку он должен быть верен духу совести, которая, как некоторое нравственное чувство, определяет состояние сознания христианина. Таким образом, мечты о победе над временем не лишены основания. Согласно св. Августину блаженному, время есть экзистенциальное *растяжение* души, испытание её страстями. Совесть, как помощник, как советчик, или как ангел-хранитель, нужна для того, чтобы помогать человеку проходить это длинную в жизнь испытание. Н. А. Бердяев указывал на то, что идея Страшного Суда, будучи выражением смысла истории, предполагает в то же время выход из времени. Отсюда развертывание Абсолютного духа, как смысл истории, объясняется нашим стремлением к Апокалипсису. Однако, это стремление может быть с другой стороны лишь инерцией, вызванной изначально нашим падением. Противоположностью этого стремления будет наш отказ от идеи спасения, и утверждение свободы воли. Отсюда разрушение границ между внешним и внутренним миром, предполагает реализацию неограниченной демонической свободы. Конец истории - это победа человека над миром, его победа над собой.

В контексте религиозного сознания идея конца времени подразумевает заботу о душе, что в идеалистическом плане есть практика заботы о себе. В этом плане подлинная забота о себе - это забота о душе, в то время как забота о, скажем, здоровье и красоте – это уже, согласно рассуждениям Сократа, забота о своём. Отсюда, чтобы заботиться о себе, необходимо обнаружить

душу. Для этого необходимо иметь соответствующее *желание*, что весьма непросто. Забота предполагает бессмертие, потому что разумная душа человека бессмертна. Таким образом, совесть может рассматриваться как категория заботы. В статье «Другой Платон» Р. В. Светлов писал: «Платон властно обращает нас к тому, что позже будет называться «внутренним человеком», и показывает, насколько забота о внутреннем человеке важнее тех забот, которые одолевают нас в повседневной жизни. «Обращение» к себе, то есть к душе, по Платону, является подлинной заботой о себе. Эта забота даже не имеет вкуса эгоизма, поскольку наше «я» получает особый статус в платонизме. Самопознание становится поиском божественного в нас, увеличением общения с богами».¹¹³ Отсюда совесть как бы является тем, что способствует этому самому *обращению* к себе. *Обращение* способствует обнаружению души. Это *обращение*, как практика совести, *совещание*, есть определённая мистерия, таинство. В диалогах Платона фигурой такого посвящения выступал Сократ, а точнее *даймоний* Сократа, его внутренний человек. Таким образом, совесть обращает человека на путь самопознания. Забота о себе означает познание себя и всех своих возможных состояний. Это *знание* даёт способность управлять собой, переключаться с одного состояния на другое.

Пробужденность, как состояние сознания, есть *недвойственность*, или слияние внутреннего и внешнего человека через *отождествление*. Пробуждение – это осознание, что, по своему значению, аналогично «снятию» в гегелевской философии. Помогая «вскрывать» противоречия, совесть стремится к разрешению противоречий, что происходит через гармоническое сосуществование множеств «Я». Поскольку физическое тело смертно, дух, обнаруживающий душу, - нет. Тело человека, будучи *машиной желаний*, работающей в режиме сиюминутности, инертно – оно есть *тело смерти* – то, что, в свете вечной мудрости, обречено. Но при этом идеальный образ тела

¹¹³ Платон, Диалоги, пер. с древнегреческого В.Н. Карпов, - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017, С. 16

бессмертен. Забота о своём «теле смерти» в идеалистической философии противопоставляется заботе о себе, что есть высшая форма заботы, или – совесть. Забота в этом смысле не означает отказ от земного, но подразумевает развитие гармонии, достижение «золотой середины». Человек, который проявляет истинную заботу о душе, в христианском смысле, *не от мира сего*. В этом плане человеческая природа обособлена от себя самой, но не полностью. В социальном плане общество заботы противостоит всякому проявлению насилия. Такое общество исторически имеет свои воплощения в раннем христианстве. Поскольку, по апостолу Павлу, *буква убивает, а дух животворит*, строгая приверженность к логичности может потворствовать нечувствительности, что не способствует саморазвитию. Поэтому забота о себе связана, прежде всего, с тем, чтобы быть внимательным к поступкам, словам и запахам. Стремящийся к *пробуждению* стремится стать свободным от материально-материального мира, а пробужденный уже свободен. Пробужденные проживают среди спящих и их животворящее *присутствие* – способствовать пробуждению других, вызывая этим стремление к жизни.

В своём исследовании совести историк философии О. Е. Душин писал: «Совесть не идентична правильному уму, потому что она способна совершать ошибки, она может совпадать с ошибочным сознанием (*ratio falsa*)».¹¹⁴ В этом свете представляет интерес феномен ошибающегося сознания, что допускает существование иной рациональности, не согласной с генеральной линией. Отсюда совесть также может быть разной, как может быть разной и забота. Таким образом, правильное или ошибочное сознание есть оценка того или иного состояния ума, но совесть иной рациональности предполагает иной способ оценивания, отличный от морального «правильно» и «неправильно». Признание ошибочности предполагает возможность прощения, снисходительности. Но тот, кто человеком не является, не заслуживает этого и, по его мнению, не нуждается в этом. Когда обретён и осознан как таковой

¹¹⁴ Душин О. Е. Исповедь и совесть в западноевропейской культуре XIII - XVI веков. Издательство С. Петербургского Университета 2005, С. 134

опыт сознания происходит *осознание*, что может давать свободу от вины через понимание относительности самого опыта. Но по природе ума, что включает противостоящее ей ошибающееся сознания нечистой совести, коллективное сознание противостоит личному, и, поэтому, соответствует ошибочному сознанию человека. Поэтому если даже, чисто гипотетически, какой-либо человек утратит свою природу ошибаться, он утратит себя как человека, но не вообще. Настаивание на правильности ошибочного сознания есть специфическое утверждение человечности, свойственное христианской морали в том виде, в котором она критиковалась Ницше. Стремление к безупречности, согласно чувству совести, содействует *расчеловечиванию* в этом плане, что есть форма заботы. Таким образом, очистка совести есть утверждение жизни *здесь и сейчас*. По Плотину, переживание выхода за пределы человеческого и приобщения к божественному, трансцендентному, есть экстаз.

Переживание божественного экстаза сопровождается духом лёгкости, что есть переживание свободы от земного притяжения, от причинно-следственной обусловленности собственной личности. Таким образом, в экстазе происходит стирание личности. Где дышит Дух, там легко. Следовать этому чувству, чувству совести после и до экстаза тоже должно быть легко. Только свободный, бесстрашный, отважившийся, взглянувший на солнце, получает допуск в рай, что есть сознание перманентного экстаза. Ангелы и демоны являются помощниками, советниками, во сне и наяву. Но они всего лишь образы, эйдолоны, за которыми надо уметь разглядеть то, что скрыто в тебе. В Священном Писании говорится: «Не забывайте о странности, потому что через нее некоторые, не зная, оказали гостеприимство ангелам».¹¹⁵ В этом смысле *странность* допускает не только «странствие», но причудливость, ненормальность, что может быть выражено как несоответствие кодам и нормам общества, нарушение табу. В этом смысле *странность* в поведении,

¹¹⁵ Евр. 13:2

мышлении способствует установлению связи с потусторонними существами, коими и являются пресловутые демоны и ангелы. Такой подход расширяет пространство жизни. Поэтому ошибочность сознания или индивидуальная совесть могут послужить гостеприимству в этом смысле. По Ницше, индивидуальная или интеллектуальная совесть призывает «стать тем, кто вы есть», и это есть высшая форма заботы о себе.

Путь познания пролегает через пропасть небытия, через приобретение осознанности. Познающийся должен стать сознающим бытием, однако между этими двумя фигурами лежит пропасть, хаос, пустота. В этом видится основная сложность этого пути, который чреват множеством опасностей для человека. Поэтому прав Хайдеггер, когда говорит, что совесть подразумевает решительную смелость, которая заключается в том, чтобы «хотеть совесть». Это желание есть зов заботы или зов бытия. Для того, чтобы по-настоящему обрести себя, став *тем*, кем *ты* являешься, необходимо начать существовать. Отсюда обнаружение себя теснейшим образом с потерей себя. Задача учителя, или наставника в том, чтобы помочь пройти этот индивидуальный путь. В некотором смысле учитель несёт ответственность за сохранность ученика. Утверждение Хайдеггера подразумевает определенную готовность потерять себя. Потеря себя означает потерю сознания. Вне сознания человек погружается в бессознательную жизнь, когда граница между явью и сном размывается, когда реальность теряет привычные устойчивые очертания. Погружение в бессознательное не обязательно предполагает выход и обретение самосознания, но целью может быть сам процесс, который, в общем, может быть охарактеризован, словами Хайдеггера, как переживание бездны. Важным условием такого опыта является возвращение к исходной точке. Справедливо, что такой опыт возможен благодаря наличию совести, которая в этом плане является некоторым предохранителем, позволяющим погрузиться в бессознательное и не лишиться рассудка в итоге. В противном случае, если испытующий сходит с ума, он не возвращается, то и никакой опыт, разумеется, не возможен. Напротив, схождение с ума и не возвращение

есть в сущности отрицание возможности опыта в принципе, что, как осознанная стратегия, даёт определённые преимущества в плане пути. Опыт же совести допускает прохождение ада с целью очищения. По Бердяеву, цель человека – выбраться из ада. Таким образом, опыт совести есть опыт ада, а чистая совесть – априорное существование.

Такие исследователи, как Юнг и Плеснер, в своих трудах признавали, что ментальные проекции, порожденные сном сознания, как бы приобретают относительно автономное существование, что сама по себе вызывает ужас экспериментатора, который, будучи раздвоен и фатально одинок в этом своём отчаянном положении, становится уже как бы подопытным в этом отношении. В этом положении совесть его призвана позаботиться о нём, в ней он находит единственное упование. Совесть видится испытуемому экспериментатору некоторым маяком. При этом Бог не является просто абстрактным понятием, но реальная сила, служащая источником совести в человеке, которая не даёт сгинуть в сатанинских безднах бессознательного разложения материи. Бог понимается как нечто, что, следовательно, должно быть. Совесть сообщает человеку образ и подобие Божие, либо сатанинскую свободу ему дарует. Эта свобода подразумевает отказ от божественного образа и подобия ради собственного. Так или иначе, совесть подразумевает выбор, и в этом её забота. Совесть проявляется двумя способами. С одной стороны, она говорит об изменениях и информирует, а с другой – она обращает нас к переменам. Отсюда совесть по своей иудео-христианской основе двойственна. Эта двойственность есть норма земного существования. Информирование подразумевает разрушение старых, движение времени, процесс, формирование в этом смысле допускает любые формы, в которых воплощается извечная таинственная форма форм – идея единого Бога. Таким образом, двойственность может быть понята как единство, что, тем не менее, лишь усиливает зияние разверзающейся к вящему ужасу человека бездны. Высшая истина - это человек, а сверхчеловек - это одно из проявлений человека.

Занятие философией, или даже философия как стиль жизни, есть всегда некоторая забота о себе. В этом смысле тот, кто по-настоящему, бескорыстно посвящает себя философии, является человеком совести. Философу открывается вечное во времени, что есть его высшая награда. Таким образом, вечность есть наиважнейшая категория философии, что служит также критерием оценивания времени (проблема соотношений времени и вечности в их конкретно-абстрактном преломлении есть проблема совести философа). Вечность и время должны быть поняты вместе. Вечность проявляется во времени. В фигуре философа вечность переживается во времени, при этом вечность выявляется как основа категорического императива. Взор философа из временного сна обращён к вечности. Следуя Сократу, сознательность, внимание внутреннему голосу, наделяет философа даром ясновидения.

Посредством *совещания* как некоего совестного процесса происходит формирование души и информирование её о последовательно поступающих изменениях в *сущем*. Будучи многоплановым процессом, совесть является связующим звеном в жизни человека и средством самопознания. Явление совести связано с внутренней жизнью человека, в контексте которой мы можем говорить о духах, ангелах и демонах: «ангелы, обладая ограниченной властью, могут лучше раскрыть будущее тем, кто имеет особую предрасположенность к таким сообщениям. Предрасположенность сильнее всего ночью»¹¹⁶ - говорится в известной книге инквизиторов Sprenger и Institoris. Это положение согласуется с тем, что сообщал Сократ на страницах диалогов Платона о своём даймонии. В этом смысле ангелы, как и демоны, являются своего рода работниками совести. Таким образом, пропасть между воображаемым миром и реальным находится в нашем воображении (надо сказать, способность воображения человека феномен сам по себе достаточно загадочный и представляющий большой интерес для специального изучения). Современное слово «ангел» имеет древнегреческое происхождение и

¹¹⁶ Sprenger J. Institoris G. Молот ведьм, СПб.: Амфора, 2001, С. 173

означает, буквально, «посланник».¹¹⁷ С точки зрения аналитической психологии *ангел* и *демон* являются важнейшими архетипами внутренней жизни человека. В «Послезаконии» Платона сказано: «Даймоны - переводчики; за их добрые передачи следует усердно чтить их молитвами <...> Мы бы сказали, что они знают все наши мысли и чудесным образом приветствуют тех из нас, кто красив и добр, и ненавидят очень плохих людей, которые уже вовлечены в страдания».¹¹⁸ То есть ангелы и демоны - спутники людей в их внутренней жизни. Представляется существенным то, будучи ограниченными, эти существа, весьма схожие в своём отношении к «Я» человека, располагают информацией насчёт судьбы. Отсюда феномен вещих снов и астрального видения, которые, поскольку «Я» человека многосложно и неоднородно по составу, должны быть рассмотрены в категориях заботы. Согласно П. Д. Успенскому «человек разделён на четыре части: тело, душа, сущность и личность».¹¹⁹ Поэтому забота предполагает заботу о всех составных человека. В работе «Астральный план» Ч. Ледбитера говорится: «хотя на физическом плане мы видим стороны стеклянного куба в перспективе, а дальняя сторона кажется меньшей, чем соседняя, что является иллюзией, на астральном плане они будут выглядеть так же, как на самом деле. Из-за этой особенности астрального видения некоторые авторы описывают его как видение четвертого измерения».¹²⁰ Поскольку физический план не объективен, иллюзорен, он должен дополняться астральным. Таким образом, *забота о себе* предполагает одновременное видение в четвёртом измерении, что, согласно П. Д. Успенскому, предполагает осознание каждого момента времени. Альфонс-Луи Констан полагал, что «четвертое измерение» является «книгой совести», которая «открывает и раскрывает всё, что записано в ней в

¹¹⁷ Щуплов П. А. Совесть как форма спонтанности. Общественные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. XIV, выпуск. 3, С. 72

¹¹⁸ Платон. Законы. М.: Мысль, 1999., С. 432

¹¹⁹ Успенский П. Д. Совесть: поиск истины, Лондон, 1979. <https://www.litmir.me/br/?b=100191>

¹²⁰ Ледбитер Ч. Астральный план, Москва, Амрита-Русь, 2016, С. 16

последний день»¹²¹, сводя, таким образом, *пробужденность*, осознанность к тому самому последнему дню, который, будучи в этом плане кульминацией всего – днём совести, есть в то же время день Страшного Суда. Такое видение свойственно эзотерическому христианству, цель которого – приближение дня Страшного Суда – через сны, через духовные практики, а, главное, *силой любви*, что есть главное оружие христианского воина. Таким образом, совесть есть зов заботы, исходящий из глубин предвечного последнего дня нашего неопознанного сознания. Согласно данному подходу вся жизнь человека в основных её параметрах подчинена этому дню, является ожиданием, подготовкой к нему, и совесть служит ему напоминанием об этом.

¹²¹ Леви Э. Магический ритуал Sanctum Regnum. М.: Энигма, 2017, С. 151

3. Совесть как «прекрасное ничто» в контексте экзистенциальной философии Хайдеггера и Сартра

В статье Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм - гуманизм» постулированы программные для экзистенциальной философии тезисы: «человек станет тем, чем является его проект бытия», «если существование предшествует сущности, то человек отвечает за то, что он есть». Отсюда ответственность подразумевает пристальное внимание к настоящему. Сартр абсолютизировал ответственность. Абсолютная ответственность подразумевает сострадание ко всем. Абсолютная ответственность есть ответственность человека, который осознаёт свою положение во вселенной, свою фатальную одинокость.

Согласно Сартру «ад - это другие», участие в общественной жизни позволяет *быть*. Одиночество - это *небытие*. Быть значит взаимодействовать с другими, то есть с *адам*. Выбор человека – это выбор между *небытием* и *адам*. По Сартру ад предпочтительнее небытия, является как бы меньшим злом. Однако небытие остаётся и должно оставаться фундаментальным правом человека, конституирующим сущность. В отличие от небытия, бытие подразумевает взаимодействие социальное взаимодействие. Выбор, как некоторая возможность, сопровождает человека по жизни, которая и есть постоянный, осознанный или нет, выбор, который человек волен совершать или не совершать. Отказ от выбора – тоже выбор, и это выбор в пользу сущности, небытия, которое не существует. Отсюда выбор *быть или не быть* есть то, что определяет бытие человека, которое находится в постоянном становлении. Бытие является также определяющей категорией философии М. Хайдеггера (особенно это касается ранних его работ). Если, по Сартру, *существование предшествует сущности*, то, по Хайдеггеру, «человек принадлежит своей собственной сущности лишь постольку, поскольку он слышит требование Бытия».¹²² Такое *слушание* в принципе соответствует

¹²² Хайдеггер М. Письмо о гуманизме, пер. с немецкого В. В. Бибихин http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme

существованию, поэтому существование в этом смысле есть стремление к бытию. Существование - это принадлежность собственному существу, собственной природе, что является способностью воспринимать зов совести, который от Бытия доходит до сокровенной глубины человеческого небытия. Пробуждение начинается с обнаружения собственной фундаментальной потерянности, сопровождающегося переживанием ужаса. Потерянность запускает механизмы поиска, непрерывного обнаружения себя. Гейдар Джемаль в своём логико-эзотерическом философском трактате «Ориентация Север» писал: «Потерянность есть универсальная ситуация субъективного духа».¹²³

В труде «Бытие и время» Хайдеггер писал: «совесть дает понять «что-то», она размыкает».¹²⁴ Это *что-то* есть ужасающее человека положение *богооставленности* (Gott ist tot). Совесть размыкает безликое повседневное существование человека в толпе и в результате возникает представление о бытии как о должном. Это *размыкание* есть размыкание сознания, которое, ужасаясь собственной разрозненности, стремится восстановиться в бытии. В этом положении человеку открывается перспектива бытия, которая определяет его стремления. Бытие подразумевает достижение целостности, потому что небытие, как разрозненность, ужасает. Но ужас имеет полезные свойства, так как пробуждает волю. Таким образом, совесть пробуждает ужас и, как следствие, зов заботы. В эзотерическом смысле раскол предполагает переживание смерти, сепарацию – когда душа отделяется от тела, что весьма тягостный, но сладостный процесс. Очнувшееся от сна обнаруживается двойственное существо человека – реальное и идеальное. В результате такого «пробуждения» человек переживает кризис идентичности, одновременно сопровождающийся невероятной праздничностью, вызванной осознанием новых возможностей. Такое осознание даёт понимание виновности небытия (вина здесь имеет значения *причинения*). Однако, *размыкание*, вызванное

¹²³ Джемаль Г. Ориентация Север. [25. СЕВЕР "Ориентация Север" \(metakultura.ru\)](http://25.СЕВЕР)

¹²⁴ Хайдеггер М. Бытие и время, пер. с немецкого В. В. Бибихин – Харьков: Фолио, 2003, С. 330

спонтанной совестью, предполагает не восстановление, но размышление и выбор. Если бытие есть нечто единое, то совесть раскалывает это единое на две части. В этом смысле мы можем говорить и о деструктивном аспекте совести. Но подобная потеря центра дает понять *что-то*, что, подобно чуду, высшему вмешательству, изменяет жизнь человека, обращает его от формы к содержанию, от *внешнего* к *внутреннему*, причём делает это радикально. Сам момент этот часто обыгрывается в художественных произведениях и в кинематографе. *Размыкание* сопровождается безумием и потерей жизненных ориентиров. После *размыкания* человек становится реактивным, становится в оппозицию по отношению к себе.

Присутствие – одна из ключевых категорий философии Хайдеггера. Присутствие переживается как осознание каждого момента в отдельности, что осознаётся как множественность «Я» в присутствии. Происходит переживание субъективного времени, бесконечная длительность которого воспринимается экзистирующим как растяжение собственной души. С одной стороны, такое растяжение является пыткой, а с другой – оно есть условие самопознания в сущем. Отсюда самопознание предполагает саморазвитие. Человек перед лицом собственной конечности, смерти, обнаруживается в перспективе бесконечности, что открывается *познающемуся* в сновидениях, в углублённом переживании момента, в эстетизации момента. Совесть обнаруживается, как некоторое чудо, в момент присутствия, что и сообщает человеку стремление к Бытию как к абсолютному присутствию. В условиях человеческого существования, согласно Хайдеггеру, бытие есть *бытие-к-смерти*. В этом плане совесть есть обнаружение воли *бытия-к-смерти*. При этом она является отголоском совершенного бытия, рая, что находится по ту сторону существования, поскольку *существование* обусловлено нехваткой, то есть бытие не *существует*, а *есть*. Рай есть чистое бытие, состояние ума. Таким образом, миф сопряжен с самопознанием и является в этом смысле своим уникальным способом быть. В бытии смерть и рождение – лишь части неизменно большего, что есть *жизнь*, взятая во всей непосредственности.

В философии Хайдеггера – совесть ключевой экзистенциал: как зов абсолютного бытия, она есть зов *ничто*, поскольку *ничто* в этом отношении предполагает возможность движения. Как совесть размыкает бытие, даёт *что-то* понять, так и *небытие* является некоторой возможностью бытия. Бытие включает в себя небытие. Ничто в философии Мартина Хайдеггера имеет фундаментальный онтологический статус. В статье «Что такое метафизика?» он писал: «Ничто – источник отрицания, не наоборот. Если таким образом могущество рассудка надламывается в области вопросов о Ничто и о бытии, то решается и судьба господства «логики» внутри философии. Сама идея «логики» расплывается в водовороте более изначального вопрошания».¹²⁵ Апеллируя к Ничто, Хайдеггер, обосновывает свой экзистенциальный метод. Итак, следуя мистическому зову своей души человек обнаруживает себя в присутствии духа, и первое чувство, которое он испытывает – это ужас. Человек ужасается не тому, что он существует, а тому, что основа этого существования – ничто, небытие. Человек ужасается колоссальной ответственности, которая возлагается на него через осознание собственного существования. Случай предоставляет шанс избежать ответственности. Тот, кто уповает на жребий, тот уповает на скрытый в ничто потенциал, на неисчерпаемую возможность бытия. Тот, кто уповает на жребий, тот выражает активное недовольство выпавшей долей, тот ищет иного пути для своей судьбы, которая всегда даёт шанс. В этой ситуации разложение и неопределённости, ситуации эксцентричности человек должен сам найти себя – сам найти свою точку опоры – точку концентрации. Но поскольку опыт совести становится возможен лишь путем сделки с совестью, постольку небытие чистой совести предполагает отказ от всякого опыта, который бы фиксировал и различал единое целое небытия бытия. Таким образом, существование несёт на себе дух тяжести, потому что чистое небытие, как и чистое бытие, предполагает не существование, которое возможно, как

¹²⁵ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления, М.: Республика, 1993, С. 24

одинокость, что полагал Сартр в работе «Экзистенциализм – это гуманизм». Это одиночество таинственным образом прекрасно, потому что, как небытие, предполагает благоухание и расцвет жизни. Отсюда выбор человека между бытием и небытием есть фундаментальный выбор, который совершается в глубинах его души раз и навсегда и становится совестью. Для того, чтобы быть вне опыта, быть *a priori*, человек должен преодолеть свой самый главный страх – страх одиночества. Совесть, как *экзистенциал*, даёт *что-то* понять о двойственной природе человека. Совесть даёт возможность обратиться к спасению и принять вину, собственную причинность, либо не принять. Чистая совесть есть выбор, точка неопределенности, бесконечное становление, если угодно. Второй вариант есть альтернативный вариант совести, который не поощряется в человеческом обществе. В работе «Бытие и время» Хайдеггер писал: «Зов совести имеет характер призыва присутствия к его наиболее своей способности быть собой, причем в модусе взывания к его наиболее своему бытию-виновным»¹²⁶, при этом «наиболее своей способ бытия-виновным» должен быть исправлен в дальнейшем на «наиболее свой способ небытие-невиновным», что можно прочесть у более «позднего» Хайдеггера. Как *экзистенциал*, совесть есть ключ к *индивидуации* – она пробуждает сознание абсолютной ответственности. Таким образом, в отличие от бытия-виновным небытие беспричинно, оно просто *есть* как форма чистой совести.

В «Бытии и времени» сообщается: «зовом задет тот, кого хотят вернуть назад»,¹²⁷ что неплохо согласуется с положением Плеснера: «кто водится духом, тот не возвращается». Ведомый духом в этом смысле есть тот, кто задет зовом. Но если, с одной стороны, по Хайдеггеру, его хотят вернуть назад, то с другой стороны, по Плеснеру, он не возвращается. Получается интересная вещь: его хотят вернуть, но он не возвращается. Почему? По всей видимости, этого не хочет он сам, или его отколовшаяся самость, которая, как *тень* Юнга или *двойник* Плеснера, приобретает

¹²⁶ Хайдеггер М. Бытие и время, пер. с немецкого В. В. Бибихин – Харьков: Фолио, 2003, С. 335

¹²⁷ Хайдеггер М. Бытие и время, пер. с немецкого В. В. Бибихин – Харьков: Фолио, 2003, С. 331

некоторую автономность. С другой стороны, какие силы хотят возвратить его назад – не его ли отколовшаяся самость желает обратного воссоединения с любимым «Я»? Но «Я» человека, крайне своевольное, чрезвычайно упрямое, не желает или не может возвращаться в изначальное, доопытное своё состояние, предпочитая, таким образом, ад небытию. Лишь в случае полной победы над «Я» возможно обратное, что тем, кто привыкли считать себя здравомыслящими, кажется немислимым. Это состояние бытия равносильно небытию и является «божественным» и «животным» одновременно. Чтобы приближаться к горизонту безвременья, следует преодолевать необратимость и необходимость, сковывающие безусловное бытие, и по мере преодоления время обращается в собственную же противоположность – в обратимость.

В эзотерическом плане *зовущий* и *позванный* совпадают и составляют фигуру человека-совести. Распад или раскол этой фундаментальной фигуры связан с исконным желанием познания. Время в этом смысле лишь следствие такой причины. *Размыкая* бытие, совесть обманывает человека, даруя ему, таким образом, существование, что подразумевает максимальную честность и искренность с собой и с другими. Через совесть потерянный человек *das man* становится человеком *das sein*, слепой – зрячим, поскольку «присутствие само зовет как совесть из основы этого бытия. <...>. Совесть обнаруживает себя как зов заботы: зовущий это присутствие, которое ужасается в *брошенности* за свою способность быть».¹²⁸ Поэтому всякое наличное бытие может и должно рассматриваться как испытание совести. Для того, чтобы услышать зов бытия, необходимо одиночество, необходима тишина, в которой, как полагал в «Весёлой науке» Ницше, все слова звучат *по-другому*. По Хайдеггеру – «совесть вещает в режиме тишины».¹²⁹ Поэтому совесть как *a still small voice* есть внутренний, настоящий, свой голос, услышав который вновь как в первый раз, человек теряет покой, что свидетельствует об иллюзорности настоящего. Поскольку «эзотерический», в переводе с древнегреческого, значит,

¹²⁸Хайдеггер М. Бытие и время, пер. с немецкого В. В. Бибихин – Харьков: Фолио, 2003, С. 337

¹²⁹Хайдеггер М. Бытие и время, пер. с немецкого В. В. Бибихин – Харьков: Фолио, 2003, С. 337

«внутренний», то совесть в этом смысле есть эзотерический голос человека, и, как таковой, он обращает нас к эзотерическому поиску знаний. Сообщающая о поступательных изменениях в сущем, совесть, в сущности, остаётся неизменной, а также непостижимой.

С точки зрения т. н. «здравого смысла», совесть не понятна, либо вовсе не существует. По Хайдеггеру: «понимать призыв, значит: хотеть – иметь – совесть».¹³⁰ С точки зрения чистой совести странным представляется *желание*, поскольку оно свидетельствует о нехватке чего-то или кого-то ещё. Хотеть-иметь-совесть, значит, хотеть иметь памятование о чём-то важном и даже сакральном. Это фундаментальное человеческое желание предшествует зарождению души, что снимает противоречия человека, гармонизируя их. Совесть амбивалентна – она включает в себя собственное же отрицание. Совесть есть пятно в идеальной чистоте. К. Г. Юнг писал: «совесть – это требование, которое либо вообще направлено против субъекта, либо, по меньшей мере, готовит ему немалые трудности».¹³¹ Надо сказать, что в той же мере, что это требование направлено против субъекта, оно направлено и против объекта. Совесть вопиюще безосновна по своей природе, но может выступать как требование невозможного. Но поскольку, как сказано в Библии, *для Бога нет ничего невозможного*¹³², требования совести, подчас кажущиеся абсурдными, в высшем смысле оправданы.

¹³⁰ Хайдеггер М. Бытие и время, пер. с немецкого В. В. Бибихин – Харьков: Фолио, 2003, С. 338

¹³¹ Юнг К. Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее, Изд-во: Мартис, 1995, С. 87

¹³² От Луки 1: 37

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеизложенная работа представляет собой изложение авторского исследования совести как философско-антропологического феномена. В результате проделанной работы был выявлен позитивный потенциал совести, содействующий философскому познанию, которое понимается, прежде всего, как самопознание. Для выполнения поставленной задачи было произведено обращение к различным источникам, где затрагивается совесть. В процессе исследования произведена археологическая работа по реконструкции совести и выявлению первоначальных смыслов и значений данного феномена, для чего мы прибегли к использованию различных методов, среди которых – экзистенциальный, традиционный, герметический, герменевтический метод. Один из важнейших источников исследования есть Библия, книги Нового и Ветхого заветов.

Нам удалось установить роль и значение совести для так называемого «человеческого капитала», а также выявить автономный характер совести в контексте отношений человека и общества в условиях современности. Нам удалось показать, что без здорового чувства совести, справедливое общество невозможно, как и невозможно нравственное совершенствование. В работе рассмотрены различные формы («чистая» и «нечистая») совести, отслежено наличие *ресентимента* в данном явлении. На основе анализа философской, религиозной и эзотерической литературы выявлены этика и эстетика совести, деструктивный и конструктивный аспекты совести в их отдельности и в их единстве. Произведено аналитическое описание совестного процесса как *совещания*, сопутствующего экстериоризации движений души.

В современной философии совесть под подозрением, она понимается как внутренний цензор, форма «психической власти» (М. Фуко, Дж. Батлер). Через *признание* совесть способствует развитию осознанности и способна служить социальной регуляции индивида. Таким образом, установлено

определяющее значение совести для индивидуального развития, исследованы стратегии индивидуальной и коллективной совестей, а также предпринята попытка синтеза двух стратегий. Согласно коллективной стратегии, совесть предполагает признание норм и ценностей, что обеспечивает индивиду возможность коммуникации и приобщения к символическому пространству культурной и исторической памяти. Данный подход описывает коммуникативные возможности совести в пассивном режиме с точки зрения усвоения значений, смыслов и ценностей, и традиций. Другая стратегия исходит из самостоятельного, активного статуса субъекта совести. Её отражают те теории и концепции, где акцент делается на экзистенцию человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники на русском языке

1. *Августин А.*, Исповедь. – М. Даръ, 2007. – 576 с.
2. Аналитическая психология: прошлое и настоящее / К. Г. Юнг, Э. Мэмюэлс, В. Одайник, Дж. Хэббэк, Сост. В. В. Зеленский, А. М. Руткевич – М.: Мартис, 1995 – 320 с.
3. *Аристотель*. Метафизика. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 608 с.
4. *Батлер Ю.* Психика власти: теории субъекции, пер. Завена Баблояна – Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейя, 2002 – 168 с.
5. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 120 с.
6. *Бердяев Н. А.* О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
7. *Бердяев Н. А.* Религия воскрешения («Философия общего дела» Н. Ф. Федорова) // Грёзы о Земле и небе. — СПб.: 1995.
8. *Бёме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении. Репринтное изд. 1914 г. М.: Политиздат, 1990, 405 с.
9. *Бенуа А.* По ту сторону прав человека. В защиту свобод, пер. с фр. Сергей Денисов, Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2015 – 144 с.
10. Библия. Книги священного писания Нового и Ветхого завета. Trinitarian Bible Society, Tyndale House, Dorset Road, London, SW19 3NN, England
11. *Бодлер Ш.* Цветы зла: Стихотворения. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 201. – 448 с.
12. Большая книга афоризмов. – Ростов н/Д: Изд-во Владис, 2001. – 608 с.
13. *Бубер М.* Два образа веры. – М.: ООО Фирма Издательство АСТ, 1999. – 592 с.

14. *Бэкон Ф.* Новая Атлантида. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. – 320 с.
15. *Введенский А.* Кругом возможно Бог: Стихотворения, пьесы. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 256 с.
16. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. – 271 с.
17. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь, Санкт-Петербург, 2011. – 320 с.
18. *Головин Е. В.* Приближение к снежной королеве, М., Арктогея-Центр, 2003 – 418 с.
19. *Гомер.* Илиада. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 576 с.
20. *Грицанов А. А.* Якоб Бёме, Тайны Посвящённых – Книжный дом, 2011. – 256 с.
21. *Грушко Е. А., Медведев Ю. М.,* Русские легенды и предания, М.: Эксмо, 2008 – 208 с.
22. *Гурин С. П.* Метафизика праздника, Праздник и риск: творчество жизни: Сборник трудов. – Саратов: ИЦ Наука, 2014. – 122 с.
23. *Гусейнов А. А., Апресян Р. Г.* Этика: учебника. – М.: Гардарики, 2000. – 472 с.
24. *Гюго В.* Собор парижской богородицы, Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1953
25. *Данте А.* Божественная комедия, пер. с ит. Минаева Д., М. Эксмо, 2013. – 684 с.
26. *Диоген Л.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.
27. *Дробницкий О. Г.* Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. -М.: Гардарики, 2002. – 523 с.
28. *Душин О. Э.* Исповедь и совесть в западноевропейской культуре XIII - XVI вв. - СПб.: Изд-во С. – Петерб. Ун-та, 2005. – 156 с.

29. *Жорина М. М.* Проблема счастья у Л. Фейербаха//Философия XX века: школы и концепции. /Научная конференция к 60-летию философского факультета СПбГУ, 21 ноября 2000 г. Материалы работы секции молодых учёных «Философия и жизнь» Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001, 174 с.
30. *Замалеев А. Ф.* Лекции по истории русской философии (XIX–XXвв.). – СПб.: Издательско-торговый дом Летний сад, 2001. – 398 с.
31. *Иванов В. И.* Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
32. *Иванов В. И.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия, СПб.: Академический проект, 1995. – 480 с.
33. *Кампанелла Т.* Город Солнца, СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. – 320 с.
34. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
35. *Канке В. А.* История философии. Мыслители, концепции, открытия: учебное пособие. – М.: Университетская книга; Логос, 2007. – 432 с.
36. *Кант И.* Критика чистого разума. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 736 с.
37. *Киркегор С.* Наслаждение и долг, Airland, Киев – 1994
38. Книга Орфея. – М.: Издательство Духовной Литературы Сфера, 2001 – 240 с.
39. *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 480 с.
40. *Кундера М.* Невыносимая легкость бытия: Роман. - СПб.: Азбука-классика, 2008. – 384 с.
41. *Лабрюйер Ж.* Характеры, или Нравы нынешнего века. – М.: ООО Издательство АСТ; Харьков: Издательство Фолио, 2001. – 607 с.
42. *Лебедев А. В.* Новая философская энциклопедия, Ин-т философии РАН, М.: Мысль, 2010

43. *Левкиевская Е. Е.* Славянские древности: Этнолингвистический словарь, М.: Международные отношения, 2009
44. *Леви Э.* Магический ритуал Sanctum Regnum, истолкованный посредством Старших арканов Таро. М.: Энигма, 2017. – 168 с.
45. *Леви Э.* Наука о духах. – Н. Новгород: А. Г. Москвичев, 2013. – 364 с.
46. *Ледбитер Ч.* Астральный план, пер. с англ. К Зайцев, М.: Амрита, 2016. – 128 с.
47. *Летов Е.* Я не верю в анархию/сборник публикаций. – М.: Выргород, 2020. – 280 с.
48. *Леманн А.* Ілюстрована історія забобонів і чаклунства: вид давнини до наших днів. – 2-е изд./Упоряд. д-р. А. Леманн. – К.: Україна, 1993. – 399 с. Іл. – Рос. мовою
49. *Лейбниц Г. В.* Монадология, - М.: Рипол классик, 2018. – 200 с.
50. *Мамардашвили М.* Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Изд-во Лабиринт, 1996 – 432 с.
51. *Марков Б. В.* Человек, Государство и Бог в философии Ницше, СПб.: Владимир-Даль, 2005. – 788 с.
52. *Мережковский Д. С.* Больная Россия. Л.: Издательство ленинградского университета, 1991. – 297 с.
53. *Мережковский Д. С.* Тайна трех: Египет и Вавилон. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 170 с.
54. *Мильнер-Иринин Я. А.* Этика, или Принципы истинной человечности. М.: Наука, 1999. 520 с.
55. *Мисима Ю.* Исповедь маски: роман. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2009. – 256 с.
56. *Мор Т.* Утопия. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. – 320 с.

57. *Нерсисянц В. С.* Сократ, М.: Наука, 1977. – 151 с.
58. *Ницше Ф.* Веселая наука. Злая мудрость, М.: Эксмо, 2007. – 528 с.
59. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Соч. В 2 тт. Т. 2. Ленинград.: Сирин, 1990. – 416 с.
60. *Ницше: pro et contra.* – СПб.: РХГИ, 2001. – 1076 с.
61. *Новалис.* Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе, Изд-во: Евразия, 1995 – 240 с.
62. *Парацельс.* Магический Архидокс, М.: Сфера, 2002 – 400 с.
63. *Парацельс.* О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах, М.: Эксмо, 2005 – 400 с.
64. *Платон.* Диалоги, пер. с др. греч. В. Н. Карпов, - Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 448 с.
65. *Платон.* Законы. М.: Мысль, 1999. – 832 с.
66. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 368 с.
67. *Розанов В.* Люди лунного света: Метафизика христианства. – М.: Дружба народов, 1990. – 304 с.
68. *Сартр Ж. П.* Экзистенциализм – это гуманизм, Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. – 514 с.
69. *Семёнова С. Г.* Философия воскрешения Н. Ф. Фёдорова //Федоров Н. Ф. Сочинения, Общ. Ред.: Гулыга, Вступ. Статья, примеч. И сост. С. Г. Семеновой. – М.: Мысль, 1982. – 711 с.
70. *Сенека, Аврелий М.* Наедине с собой. – Симферополь: Реноме, 2003. – 384 с.
71. *Соловьев В. С.* Избранное, М.: Советская Россия, 1990. – 496 с.

72. *Софроний (Сахаров)*. Схиархимандрит Преподобный Силуан Афонский. – СТСЛ, 2010. – 528 с.
73. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Волны гасят ветер: Повести. – Л.: Сов. Писатель, 1990. – 656 с.
74. Суд над Сократом. Сборник исторических свидетельств / Составитель А. В. Кургатников. — СПб.: Алетейя, 2000. — 272 с.
75. *Сухов А. Д.* Введение христианства на Руси – М.: Мысль, 1987. – 302 с.
76. *Топоров В. Н.* Мифы народов мира, 1987
77. *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. – М.: Республика, 1994. – 432 с.
78. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Пер. с нем. – 2-е изд., Стереотип. – М.: Прогресс, 1986 – 1987
79. *Федоров Н. Ф.* Философия Общего дела, М.: Эксмо, 2008 – 752 с.
80. *Фейербах Л. А.* Сочинение в двух томах. М.: Наука 1995, Т. 1 – 502 с.
81. *Фейербах Л. А.* Лекции о сущности религии, Харьков, Изд-во: НТУ, ХПИ, 2008 – 180 с.
82. *Фихте И.* Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. М.: АСТ, 2000. – 784 с.
83. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия, Фолио, Харьков, 2009, 284 с.
84. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху М.: Аст.: Москва, 2010 – 698 с.
85. *Хайдеггер М.* Бытие и время, пер. с немецкого В. В. Биbihин – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
86. *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

87. *Чулков Г. И.* О мистическом анархизме, Мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2015
88. *Шелер М.* Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. Москва: Изд-во Прогресс, 1988. – 552 с.
89. *Шеллинг Ф. В. Й.* Сочинения в 2 т. – Мысль, 1989. – 636, [2] с.
90. *Шопенгауэр А.* Афоризмы и максимы. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. – 288 с.
91. *Шпренгер Я. Институторис Г.* Молот ведьм, Пер. слат. Н. Цветкова, СПб.: Амфора, 2001 – 525 с.
92. *Штирнер М.* Единственный и его собственность. – СПб.: Азбука, 2001. – 448 с.
93. *Щеглов Г. В., Арчер В.* Словарь Античности, М.: Астрель, 2006. – 416 с.
94. *Щуплов П. А.* Коррупция и терроризм: политика страха//Конфликтология. СПб: Фонд развития конфликтологии. 2016. №4
95. *Щуплов П. А.* Поиски истины: Люциферианская антропология//Поиски истины: сборник научных статей/под ред. О. Д. Маслобоевой. – СПб, Изд-во: СПбГЭУ. 2018
96. *Щуплов П. А.* Праздник и риск: творчество жизни: Сборник трудов. – Саратов: ИЦ Наука, 2014. – 122 с.
97. *Щуплов П. А.* Совесть как точка конфликта//Конфликтология. СПб.: Фонд развития конфликтологии. 2016 №4
98. *Щуплов П. А.* Совесть как форма спонтанности. Общественные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. XIV, выпуск. 3.
99. *Щуплов П. А.* Социальная философия анархизма, дипломная работа, Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. – 72 с.
100. *Юнг К. Г.* Аналитическая психология: прошлое и настоящее, Изд-во: Мартис

Литература на иностранном языке

101. *Donald L. Carveth*, The still small voice: psychoanalytic reflections on guilt and conscience, London, Carnac, 2013, 324 pp.
102. *Butler J.* The Psychic Life of Power: Theories in Subjection, Stanford University Press, 1997 – 168 p.
103. *Gauding*. The Signs and Symbols Bible: The Definitive Guide to Mysterious Markings. – Sterling Publishing Company, Inc., 2009.
104. *Mead G. R. S.* Thrice-Greatest Hermes, Studies in Hellenistic Theosophy and Gnosis. – London and Benares, The Theosophical Publishing Society, 1906

Интернет источники

105. *Апресян Р. Г.* Проблемы совести в современных отечественных психологических исследованиях и задачи этики URL:
https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/06_02_2018/ruben-apressyan06-02.pdf (дата обращения 05. 09. 18)
106. *Белова И. А.* Совесть как семантическая константа внутреннего мира человека и средства её актуализации в современном английском языке / Вестник Бурятского Государственного Университета 2010\2011 URL:
<https://cyberleninka.ru/article/v/sovest-kak-semanticheskaya-konstanta-vnutrennego-mira-cheloveka-i-sredstva-eyo-aktualizatsii-v-sovremennom-angliyskom-yazyke>
107. *Блаватская Е. П.* Тайная доктрина Т. 2
https://ru.teopedia.org/lib/Блаватская_Е.П._-Тайная_Доктрина_т.2_ст.7
108. *Блейк У.* Бракосочетание рая и ада.
http://www.blake.sacrum.ru/poem_marriage.htm
109. *Бодрийяр Ж.* Совершенное преступление
<https://www.chaosss.info/sovprestup/>

110. Головин Е. В. Веселая наука (протоколы совещаний), Подсматривание и наблюдение. Созерцание. <http://golovinfond.ru/content/veselaya-nauka-protokoly-soveshchaniy/podsmatrivanie-i-nablyudenie-sozercanie-0>
111. Головин Е. В. Маргиналии к проблеме «Иного» [Маргиналии к проблеме «Иного» | Евгений ГОЛОВИН \(golovinfond.ru\)](#)
112. Джемаль Г. Ориентация Север. [25. СЕВЕР "Ориентация Север" \(metakultura.ru\)](#)
113. Лавей А. III. Записная книжка Дьявола = The Devil's Notebook. — М.: Unholy Words, Inc. (РЦС), 1996. [Читать "Записная книжка Дьявола" - Лавей Антон Шандор - Страница 1 - ЛитМир \(litmir.me\)](#)
114. Лимонов Э. Дисциплинарный санаторий, 1993
http://www.pseudology.org/chtivo/Limonov_Disciplinarny_Sanatory2.pdf
115. Сафина Г. М. Поступок в структуре нравственного выбора (анализ проблемы в контексте народной мудрости), Чебоксары, 2010
<https://core.ac.uk/download/pdf/197420924.pdf>
116. Ткачёв А. Совесть <https://pravoslavie.ru/47598.html>
117. Фуко М. Власть, великолепный зверь
<http://www.chaosss.info/xaoc/beast.html>
118. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме, пер. с немецкого В. В. Бибихин
http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (дата обращения 04. 07. 2018)
119. Кроули А. Лунное дитя https://librebook.me/lunnoe_ditia
120. Успенский П. Д. Совесть: поиск истины, Лондон, 1979.
<https://www.litmir.me/br/?b=100191>
121. Hobbes T. De Cive
<http://www.unilibrary.com/ebooks/Hobbes,%20Thomas%20-%20De%20Cive.pdf>(accessed 14. 08. 2018)

122. *Shakespeare W.* The Complete Works of William Shakespeare [Electronic resource]/ W. Shakespeare. – URL: <http://shakespeare.mit.edu> (accessed: 07.02.201

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

As a manuscript

PAVEL ALEKSEEVICH SCHUPLOV

**CONSCIENCE AS A RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL PROBLEM:
EXISTENTIAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS**

09.00.13 - Philosophical anthropology, Philosophy of Culture

Dissertation

for the degree of Candidate of Philosophical Sciences

Translation from Russian

Scientific supervisor:

Doctor of Philos. sciences

Markov Boris Vasilyevich

Saint-Petersburg

2021

CONTENT

INTRODUCTION	133
Chapter I. Anthropological crisis of conscience	142
1. The problem of duality and eccentric positionality.....	147
2. Truth with a human face: the problem of conscience in Russian philosophy of the Soviet and post-Soviet periods.....	160
Chapter II. The Heroic Topic of a Clear Conscience.....	181
1. Conscience as a form forming and an informative form	185
2. Rebellious foundations of "clean" and "unclean" forms of conscience.....	196
Chapter III. The Existential Eschatology of Conscience	207
1. The problem of "double tightness" in the Western Esoteric Tradition.....	209
2. Conscience as the category of care.....	222
3. The "beautiful nothing" of conscience in the existential philosophy of Heidegger and Sartre.....	230
CONCLUSION	237
REFERENCES.....	239

INTRODUCTION

Relevance of the topic of the study. In the treatise «Astronomia Magna or the complete rational philosophy of the great and small worlds» Paracelsus said that there are "two kinds of wisdom in this world - one of them is eternal, and the other is transient. Eternal wisdom - thought the alchemist - arises directly from the light of the Holy Spirit, the other directly from the light of nature. The one that comes from the Holy Spirit is of one kind only - namely, righteous and impeccable wisdom. The same that comes from the light of Nature comes of two kinds - good and evil. Good wisdom is of eternity, evil wisdom is of damnation".¹³³ Since human nature remains unchanged by necessary changes in being, conscience, which, as will be shown, is related to "Eternal Wisdom," also has enduring relevance in this sense. Belonging to the wizard Prospero, one of the main characters in one of Shakespeare's last plays, The Tempest, the following words can be considered the background or leitmotif of this study: "We are such stuff as dreams are made on, and our little life is rounded with a sleep".¹³⁴ This can be translated as, "We are made up of the same stuff as dreams, and our little life is rounded by a dream. Therefore, we will also speak of the possibility of awakening as a fundamental possibility of objective consciousness.

Today, this is the case with contemporary philosophical research. What at first glance seemed impractical or useless is bearing interesting fruit. Since in academic circles "esoteric" philosophy is not perceived as a traditional form of knowledge, which is highly unfair, our present task is to correct this situation and prove that conscience, which has probably the key importance for philosophy, which implies self-knowledge and self-development. Thus, the "esoteric" or educational aspect of conscience is of theoretical and practical interest, which is true at least in relation to philosophical anthropology, within the framework of which the study was

¹³³ Paracelsus. On Nymphs, Sylphs, Pygmies, Salamanders and Other Spirits, Moscow: Eksmo, 2005, P. 59.

¹³⁴ Shakespeare W. The Tempest. - <http://shakespeare.mit.edu>

conducted.

Individual exploration involves the existential method; to which we have resorted by necessity. Conscience is seen as an individual, a supra-individual capacity for knowing oneself. On the basis of cognition, one becomes a person. Nikolai Berdyaev wrote: "Your conscience should never be determined by sociality, by social groupings, by the opinion of society, it should be determined from the depths of the spirit, i.e., to be free, to be standing before God, you should be a social being, i.e., from spiritual freedom determine your attitude to society and to social issues".¹³⁵ Thus, conscience is a form that contributes to the development of the autonomous personality of man.

According to Nietzsche, whatever the work of conscience is, it is always unremarkable. This is its distinguishing characteristic. To describe the individual conscience, Nietzsche introduced the concept of the intellectual conscience. In this sense we will speak of a different conscience--an intellectual conscience and a conscience of the heart. Nietzsche wrote, "What does your conscience say? You must become what you are".¹³⁶ In existential terms, conscience is a universal technique for knowing oneself, a form of caring for oneself. But, in conscience, knowing oneself is not possible without knowing the other. In this sense, "it", our subconscious, is a mystery that, like nature, as Heraclitus correctly remarked, likes to hide. Thus, the business of conscience is self-discovery, which, as will be shown, contributes to the social regulation of the individual.

If, according to Berdyaev, "your conscience should never be determined by sociality", then "sociality", coming from the knowledge of the individual time of the soul, should be determined by conscience. Since, as a rule, it is the other way around, conscience is little explored in the social sciences, mostly in ethics. The individual conscience presupposes in this sense the absolute responsibility of the individual for his being. Therefore, the problem of conscience affects all aspects of the individual. However, the awakening of conscience is the destiny of solitary individuals, who,

¹³⁵ Berdyaev N.A. On the Purpose of Man. - Moscow: Respublika, 1993, P. 151

¹³⁶ Nietzsche F. Merry Science. Wicked Wisdom, M.: Eksmo, 2007, P. 234

nevertheless, are "more dangerous to society than the whole movement"¹³⁷. Thus, our task is to connect individual and social strategies of conscience.

Although conscience is, first of all, a philosophical and ideological problem, the degree of scientific development of this problem is not in constant growth, and, despite the research interest of individual conscience in theoretical ethics, it is not practically studied, which is connected with social taboos and the politics of political correctness. Developing strategies of conscience requires full commitment, complicity in it. In this sense, it is unfair to consider conscience a relic of the past, for without the development of a sense of conscience, not just society is possible.

Conscience was almost never studied in Soviet philosophy. But it is worth noting the titanic work done by Ya. A. Milner-Irinin, who in his work *Ethics, or Principles of True Humanity*, gave a coherent exposition of the ethico-metaphysical system, with the principle of conscience as its foundation. It postulates conscience as the moral sense responsible for the moral character of the individual and society. Milner-Irinin's work was severely criticized in the USSR.

Among the known modern researches of conscience the historical-philosophical work "Confession and Conscience in the Western European culture of XIII-XVI centuries" by O. E. Dushin and also works of R. G. Apresyan are of no small interest. As a result of consideration of modern sources on the given problem the key importance of conscience in cognition is established. We referred to the following studies on this issue: Gergilov R. E. "Phenomenon of shame: philosophical and anthropological perspective", Masterov D. V. "Metasocial foundations of conscience", Safina G. M. "Deed in the structure of moral choice (analysis of the problem in the context of folk wisdom)", Arefieva L. V. "Freedom of conscience as an anthropological phenomenon", Akopyan G. A. "Freedom of conscience: the philosophical and anthropological dimension", Rukavishnikova M. B. "Conscience in the spiritual and moral system of "Dobrotolubiya", Komarov V. V. "Conscience as a factor of moral self-regulation of a personality", Mustafina L.

¹³⁷ Letov E. I do not believe in anarchy/collection of publications. - Moscow: Vyrgorod, 2020. - p. 5

Sh. "Structure of social representations of students about conscience", Zaika T. V. "Phraseological means of representation of the concept "Conscience" in modern English language".

Object of research: conscience as a supersensible experience of consciousness, unlocking being in presence.

Subject of research: conscience as a psycho-ethical phenomenon, subject to philosophical reflection and theoretical reconstruction.

Purpose of research: revealing conscience archetypes in the context of diverse cultural human activity

Objectives of the work: 1. To clarify what conscience is and can be; to show the individual nature of conscience; to consider conscience as a form of mental power that requires conformity of an individual's thoughts, desires, and actions to cultural norms and codes; 2. To reveal the possibility of the practical application of the ethics of conscience in the context of self-care techniques; 3. To make a philosophical distinction between the concepts of conscience, shame, guilt, and duty; 4. Through an appeal to Plato's description of daimonium (δαίμων), show the esoteric background of conscience; 5. To reveal destructive and constructive aspects of conscience; to reveal protest, "Rebellious" potential of conscience.

Methodological and theoretical basis of the dissertation. This work summarizes the works of Nietzsche, Jung, Plesner, Scheler, Foucault and others, including domestic thinkers, in order to connect comparisons and draw analogies, on the basis of which certain conclusions will be drawn about the relativity of conscience and its role in human life.

The study itself is conducted using hermeneutic, existential, comparative historical and traditional logical methods. References to the Old and New Testaments are used to support one or another claim related to issues of conscience.

Scientific novelty of the study. The work undertakes a reassessment of values established in the modern era through an appeal to the traditions of the Enlightenment and Modernity. In this work we undertook consideration of conscience as an archetype with reference to the works of C. G. Jung. On the basis

of the considered classical subjects, we managed to describe the possibilities of conscience. As a rule, this question has been considered almost exclusively within the framework of the science of ethics. In this work we have resorted to the methods of comparative anthropology and analytical psychology, as well as to the transpersonal method, the rationale of which is given by the philosopher-traditionalist Baron Julius Evola in his work "The Grail Mystery".

As a result of the conducted research, a possible way out of the situation of "endless deadlock" of the culture of "slave consciousness" is presented, which we have designated as "anthropological crisis". The work presents independent original judgments about conscience as a phenomenon of human mental and spiritual life, which allowed us to look at the problem of social relations from unexpected sides. On the basis of philosophical and anthropological analysis the meaning of conscience was established in connection with the usual connotations linking it with the concepts of guilt and shame. But special attention was paid to "pure conscience", an inversion of which is "unclean conscience", mistakenly perceived as conscience in general.

In the dissertation work conscience is considered as a universal principle of self-knowledge; as an instance of recognition and affirmation of human personality; as a way of cultural integration into the space of meanings and meanings; as an opportunity to join sacred values.

Provisions made for the defense:

1. As an eccentric being, man undergoes a certain crisis (identity crisis), which, in our understanding, is conditioned by the duality of human nature itself (man is a "political animal"). Conscience is the inner pivot, the discovery of which in a situation of crisis is a priority. Individual conscience, as standing before the Lord God, determines the nature of the relationship between man and the world. As an individual-divine mediator, conscience seeks to establish the principle of conformity (sympathy). The power of conscience presupposes the possibility of simultaneous feeling of all that is perceived sequentially and alternately. In the language of theosophy, conscience implies seeing in the fourth dimension, in the "astral" plane,

and this poses a new set of questions for man, as well as putting man himself under question (anthropological crisis). Thus, conscience presupposes knowledge of wisdom, which at the archetype level is symbolized in the image of a serpent or a dragon (Typhon, Python, Ladon). In the 1960s and 1970s the theory of the "main myth" put forward by the linguists V. N. Toporov and V. V. Ivanov. The duality of consciousness can be expressed through the reference to the universal plot of confrontation between anthropomorphic god-thunderer and chthonic serpent-like creature (the victory of Apollo over Python, George's Miracle of the serpent, Siegfried's victory over the dragon). Demon Veles, or the cattle god, second to Perun in Old Russian paganism, god of wisdom, patron of storytellers and poets¹³⁸, is also interpreted as a serpent. The serpent or dragon, usually associated with the underground kingdom of the dead, despite its position (defeated but not subdued), on a subconscious level is associated with the secret wisdom, in whose metaphorical clutches is a certain key to the subconscious, whose cognition involves comprehension of wisdom. Therefore, conscience, as a principle of duality, can be seen as a certain instrument, a "magic compass" of wisdom.

2. In the context of the Judeo-Christian paradigm, the problem of duality finds expression in the duality of the world tree-the tree of knowledge, which grows in the center of paradise, on the one hand, and the tree of knowledge of good and evil, which is on the periphery of paradise, on the other. From this we can speak of two forms of conscience, with one corresponding to the voice of God, the light side, and the other to the voice of the devil, the dark side. The cognitive peripheral conscience standing in opposition to the center, as an archetype, appeals to the depths of the collective unconscious, which in turn allows for a real multitude of consciences, the careful consideration of which leads to an understanding of different strategies of conscience. Coincident and non-coincident with the *ratio falsa*, the Christian conscience is radically consistent with "human nature," since, as a famous Latin proverb says, it is inherent to man to err.

¹³⁸ Grushko E. A., Medvedev Y. M., *Russian Legends and Tales*, Moscow: Eksmo, 2008 p. 7

3. Archpriest Andrei Tkachev states, "The Jews had no word for conscience. All shades of moral states were traditionally expressed by variations on the theme of the "fear of God. The Gentiles, who had no such succinct phrases associated with the One, sought their own adequate terms"¹³⁹. In this sense, the two forms of conscience, pure and impure, are different aspects of the same One and, therefore, one conscience. The distinction is conditional, but it helps us to discover the meaning of the gradual changes that occur in the structure of being. Thus, according to the apostle Paul's second letter to the Corinthians, "He has given us the ability to be servants of the New Covenant, not of the letter, but of the spirit, because the letter kills, but the spirit gives life"¹⁴⁰, which suggests the metaphysical penetration of spirit into history, eternity into time.

4. The question of conscience is metaphysical. It is related to the question of power, which manifests itself as the power of multiplicity ("divide and conquer"), which allows for the changes taking place in the system. The ultimate will to power is in the power of time and space, so absolute, forbidden power, or the power of conscience, implies power over time. Thus, the spiritual guidance of conscience implies victory over the objectifying, subject-subordinating objective power of time and matter. However, time, the fourth dimension, as a certain possibility, allows for another version of victory, the metaphysical feast, which is "an attempt to see the essence of things, to find the source of existence, to discover in the immanent the transcendent, to open heaven"¹⁴¹. The metaphysical celebration presupposes power over time.

5. The specificity of conscience is that the subject and object of research coincide in the personality of the researcher, which, therefore, is of direct interest in itself. Conscience, as a process, implies interiorization of soul movements. The experience of conscience is the experience of co-presence, co-existence, co-messaging.

¹³⁹ Tkachev A. Conscience <https://pravoslavie.ru/47598.html>

¹⁴⁰ Paul ap., 2 Corinthians 3 verse 6

¹⁴¹ Gurin S. P. Metaphysics of the Holiday, Holiday and Risk: Creativity of Life: Collected Works - Saratov: IC Nauka, 2014, p. 31

6. The process of conscience, which activates doubt and denial, is ambiguous: it can promote both the becoming and the dehumanization of man, which is an irreversible process. Therefore, from the objective point of view, the "feast-goer" risks, because a feast always presupposes risk. However, the metaphysical holiday, given in the experience of conscience, as experience, or as the possibility of victory, presupposes reversibility, circumvention, which, as fundamental categories of the subjective spirit, opposes the forces of objectification that do not allow for the possibility of a miracle, which is the possibility of conscience.

Theoretical and practical significance of the work. As a result of the conducted research the diversity of conscience was revealed and investigated, which provides the possibility of communication and accession to the symbolic space of cultural and historical memory. Our attempt to connect social and individual strategies of conscience has direct practical significance for further developments in the field of applied ethics, pedagogy, conflictology, and also for social work.

Approbation of the work. The results and individual materials of the research were presented at the following all-Russian and international scientific conferences: Scientific Conference "Reformation and Protestantism in World History" (St. Petersburg, October 31, 2017); Eleventh annual theoretical seminar "Search for truth and truth of life in the space of modern culture". (St. Petersburg, November 13-14, 2018); All-Russian Scientific Conference "Philosophical and Religious Problems of Biotechnological Improvement of Man" (St. Petersburg, December 5, 2018). On the topic of the dissertation research 5 articles were published, including those included in the VAK list - 4 articles. The main provisions and conclusions of the thesis research are presented in the following articles published in peer-reviewed scientific journals recommended by VAK:

1. Conscience as a Conflict Point // Conflictology. St. Petersburg: Foundation for the Development of Conflictology. 2016. №4. P. 417 - 434.

2. Corruption and terrorism: the politics of fear // Conflictology. St. Petersburg: Foundation for the Development of Conflictology. 2017. №2. P. 285 - 300.

3. Conscience as a form of spontaneity // Social and Human Sciences in the Far East. 2017. Vol. XIV, vol. 3. pp. 69 - 75.

4. The Quest for Truth: Luciferian Anthropology // The Quest for Truth: a collection of scientific articles / edited by O. D. Masloboeva. - St. Petersburg, Publishing house: St. Petersburg State Economic University. 2018. P. 204 - 312.

Scope and Structure of the Work. The thesis consists of an introduction, three chapters (containing two, two and three parts, respectively), as well as a conclusion and a list of references, which includes 122 sources, of which 6 are in a foreign language.

Chapter I. Anthropological crisis of conscience

The first chapter outlines the theoretical background of the study. The progress associated with the development of technology constantly challenges traditional culture (agrarian, Christian). The end of the modern era was the transition of social life from an agrarian to an industrial form. To a large extent, this transition was facilitated by the First World War, which became the culmination of the entire New Age, which can be considered a kind of preparation for this global war. The Second World War is a logical continuation of the first. Wars, revolutions, social upheavals are a catalyst for changes, which, in essence, are natural and inevitable, as long as time is not exhausted and history continues. Time, history, changes, impermanence are metaphysically and inevitably presented as wandering, seeking, suffering, marked by the striving for the highest perfection, for the fulfillment of times. The source of this aspiration is the soul, which, according to Christian anthropology, is not of this world. In the perspective of victory over time, an eschatological perspective of the end of time and the end of history opens up, respectively. This victory presupposes the triumph of the Spirit over matter, over time, and therefore over death, which, as Tradition says, has already taken place, in eternity, but for a time. A human being is completely determined by his position - the choice between freedom and slavery, love or fear, peace and war, as well as the spiritual world, which suggests the possibility of a different nature, some way out of this closed circular responsibility.

In the period of transition from one form of organization of social life to another, the human race sinks into the abyss, which, being meta-stable, is experienced as an anti-world. If stability corresponds to a peaceful state, instability to a non-peaceful one, which is war, revolution, any collapse (symbolically, this state is depicted on the card XVI of the Major Arcana in the occult system of Tarot cards). Meta-stability, this abyss, this gap, gives a person the opportunity to realize himself, to become a hero who challenged the inexorable passage of time. The historical

process can be understood in the spirit of dialectical materialism as a process of changing social formations, but the meaning of history is given only in the eschatological perspective of the manifestation of the spirit, which is the beginning and end ($A\Omega$). Through eschatology, the philosophy of history becomes possible. Conscience metaphysically converts a temporary person, a creature, to his eternal source, the Creator, and thereby raises a person to His level. Falling from this height is mortally dangerous, but only through conscience, through this mystical feeling, does a person become a person.

Today, there is a transition from an industrial model of organizing public life to a post-industrial, information-digital one. According to gender theory, progress implies liberation from the power of sex, which, according to Christian anthropology, is a direct consequence of the Fall. Today, when the dreams of a post human come true, technocrats, transnational companies hidden behind the facades of the states of the liberal-conservative club are developing information and digital technologies, space (with the hope of the possibility of colonization), as well as technologies for the technical and biological improvement of human nature. These trends are received with enthusiasm by the foremost representatives of humanity. But class inequality against this background is becoming more and more blatant, and the abyss gapes more and more, which is certainly a joy for someone. Progress, the liberation of a person from the power of the primary causes that belittle his dignity, can also be the destruction of a person. This state of affairs, on the one hand, is explained through biblical metaphors about the fall of Egypt and Babylon, who were puffed up and therefore disliked by God, and, on the other hand, by the existence of powerful clubs that consider the main population of the planet as a kind of white trash. Hence the identity crisis can be interpreted as a kind of anthropological crisis. Our task is to investigate the nature of the crisis and identify the possibilities of overcoming it.

Critics of liberalism believe that the main value (and vice in combination) of the liberal system is the satisfaction of individual needs, that is, individualism. The individual, his rights and freedoms, is the main value orientation of the philosophy

of liberalism. This approach is criticized by adherents of conservative views for its characteristic consumerist morality, but the morality of liberalism is hardly based on the cult of consumption. In the article “Liberal-ontology and liberal-anthropology” Vardan Baghdasaryan wrote: “A person in liberalism is what he has never been for religious anthropology - an individual. “Individual” is the Latin equivalent of the Greek word “atom” and translated into Russian means “indivisible”.¹⁴² The indivisibility of "atomic man", as suggested by the gender theory, according to which a person must free himself from sex, which, metaphysically, is a consequence or the very cause of original sin, is the original duality of man, a fatal half-heartedness. Overcoming this duality is overcoming the person about whom Nietzsche wrote. Faced with the challenges of our time, humanity must take care of this transition. Knowledge presupposes duality. Non-duality is achieved through the renunciation of knowledge. The unevenness of this process of restoring the pleroma is fraught with new fascism, which may well be in the interests of transnational clubs. The liberation of a person must be thorough, otherwise we will face new forms of social inequality, slavery, enslavement and oppression. Therefore, today it is extremely important that the consolidation of thinking people takes place according to the principle of the struggle against common evil. Under this pretext, the division into right and left forces can be considered outdated and ineffective, and overcome.

The emergence of mass culture or kitsch is a consequence of progress, a timely transition to an industrial society at the beginning of the last century. Today "digital man" or "post-man" is coming to the fore. But since there is no forward movement without backward movement, since the word "victory" is derived along the defeat, we cannot fail to note some tendencies that, depending on moral preferences, can be interpreted as positive or negative. Despite the fact that the notorious “digitalization” liberates a person to a certain extent, makes information more accessible, one cannot fail to notice that humanity, sincerity, and the possibility of a mistake are put at risk. Human fundamentality is exposed to new tests. In this regard, such traditional

¹⁴² Baghdasaryan V. Liberal-ontology and liberal-anthropology, https://zavtra.ru/blogs/liberal-ontologiya_i_liberal-antropologiya

figures of world culture as Socrates or Christ, and the Buddha, who guarded the human soul, preserving humanity itself, are now under attack. These great teachers killed the state in themselves, preached the truth, radiated inner light, and today, despite the crises, challenges of the time, they serve as a source of tranquility, which the human soul needs so much. Those who are protected will be saved, but those who are not protected are at great risk. However, what is the price of the issue? What is man in the perspective of super humanity? At this point of questioning, ethics merges with ontology.

The emergence of mass culture or kitsch is a consequence of progress, a timely transition to an industrial society at the beginning of the last century. Today "digital man" or "post-man" is coming to the fore. But since there is no forward movement without backward movement, since the word "victory" is derived along the defeat, we cannot fail to note some tendencies that, depending on moral preferences, can be interpreted as positive or negative. Despite the fact that the notorious "digitalization" liberates a person to a certain extent, makes information more accessible, one cannot fail to notice that humanity, sincerity, and the possibility of a mistake are put at risk. Human fundamentality is exposed to new tests. In this regard, such traditional figures of world culture as Socrates or Christ, and the Buddha, who guarded the human soul, preserving humanity itself, are now under attack. These great teachers killed the state in themselves, preached the truth, radiated inner light, and today, despite the crises, challenges of the time, they serve as a source of tranquility, which the human soul needs so much. Those who are protected will be saved, but those who are not protected are at great risk. However, what is the price of the issue? What is man in the perspective of super humanity? At this point of questioning, ethics merges with ontology.

Today, when the influence of postmodern myths has increased markedly, this serves as a prerequisite for the transition to new social formations. The anthropological crisis is the crisis of individualism, which Vyacheslav Ivanovich Ivanov wrote about at the beginning of the 20th century, in an era of turbulent changes, which Jose Ortega-y-Gasset described as an uprising of the masses.

Vyacheslav Ivanov assumed a possible solution to the problem of individualism through super-individualism. In his essay "Premonitions and Foreshadows" published in the Golden Fleece magazine, he wrote: the beginning of councilor unity".¹⁴³ Super individualism, the principle of collegiality, is the principle of the mystical unity of man and God, anarchy is the external expression of this principle, the metaphysical basis of which is chaos.

In his fundamental work on philosophical anthropology, *The Steps of the Organic and Man*, Helmut Plesner considers the human being as eccentric in nature, devoid of an inner core, a being, which could be, for example, one of the aforementioned esoteric figures (Christ, Socrates, Buddha). Plesner's eccentric man corresponds to Heidegger's "das Man", which denotes a crowd man, irresponsible and deeply asleep. Plesner, following Nietzsche, who stated "Gott ist tot", spoke of the death of a person - at least of an internal one, which, from an esoteric point of view, is death in principle. Man becomes a thing among things, ceases to be. Conscience, as a condition of conciliarity, which was dreamed of by the leaders of the Silver Age V. S. Soloviev, V. I. Ivanov, D. M. Merezhkovsky, N. O. Lossky, N. A. Berdyaev and others, gives hope for the revival of religious consciousness.

¹⁴³ Ivanov V.I. *Native and universal*, M.: Respublika, 1994, P. 40

1. The problem of duality and eccentric positionality

Man is characterized by eccentricity, and since he is prone to error ("errare humanum est"), he is conscientious. The possibility of error distinguishes humans from artificial intelligence. According to Plesner, eccentric positionality is associated with a dual nature, because on the one hand he is an animal, and on the other hand, a person is associated with a higher mind. In this situation, a split in life is inevitable, as a result of which an unclear conscience arises. But if the conscience is clear, then this is probably a form of inveterate deceit. Conscience is the reaction of the consciousness of a human being in captivity of animal instincts. Consciousness itself is concentric. People who are focused on something outside this world are said to be "not from this world". Such people belong not only to the world of people, the middle world, but also to the world of demons or the world of angels. Their spiritual gaze is turned to the world, which is probably their ancestral home. In this sense, the fate of a person seems to be very, very problematic.

The concept of "eccentricity" comes from geometry, where it is understood as asymmetry about the center. In philosophical anthropology, the eccentricity inherent in humans implies duality and manifests itself in sexual differentiation, for example, or in the work of consciousness. The eccentric positionality of a person means that, being deconstructed by the era, a person is not in the center of the universe of meanings and meanings, but somewhere on its periphery. Thus, a person, as a peripheral being, is in opposition to the center. But if a person is eccentric, what in a given situation can act as a center, that is, as that universal axis of the universe that permeates the sacred middle of the world? The answer to this question will help us with the answer to the fundamental question of what a person is. Man is the cognizing principle of a constantly changing world. Faith helps a person to concentrate in the ocean of impermanence. Conscience in this respect corresponds to intuition, a mystical feeling that connects a person with a higher reason, or with the mind (other - Greek νοῦς). For religious consciousness, conscience has an

important functional and instrumental meaning, since it binds a person, subdues him, integrates him into social religion, the symbol of which is the figure of Jesus Christ for Christians, Buddha for Buddhists, and Prophet Muhammad for Mohammedans. In this sense, an anthropological crisis is a crisis of religious consciousness that is overcome through an appeal to conscience. Thus, conscience, as a principle of individual self-reliance, is opposed to the power of the plurality, the motto of which is "divide et impera" ("divide and rule"), but represents the desire for reunification, restoration.

The Latin word "eccentricus" is translated "off-center." The anthropological crisis, when a person finds himself in a state of *das man*, and not *dasein*, is a consequence of the loss of the inner center. A way out of the crisis is the main task of humanity. Eliphas Levi (Abbot Alphonse-Louis Constant) wrote: "A man (and I do not count fools and profane as people here) is worthy of what he considers himself worthy; he is able to do everything that he believes he is capable of, and does what he really wants to do; and in the end he can become whatever he wants to be. " An interesting definition, isn't it? To be a human being you have to learn the art of desire. In this sense, the one who lives by conscience is undoubtedly a human being, because conscience, as a link between the worlds, is a human measure. The required art of desire involves the ability to work with fear. But human fear is one thing, the fear of God, the fear of the creature before the Creator, the sacred awe, which, in essence, is horror, and not fear, is another. Following his call, inevitably meets with fears personified in the form of shadows, and also experiences a sacred awe that awakens awareness. The knower learns his own fears in order to free himself by conquering.

Fears, essence, shadows that, in a state between reality and sleep, to which C. G. Jung drew attention, acquire some independence. In relation to shadows, mysteriously materialized fears, a person who is in a state of half-life is questioned, existentially. Reflection, meditation, as practices associated with conscience; contribute to the exteriorization of internal thought forms and sensory images, which, in general, is regarded as a mental disorder. But in order to understand his

position, a person must turn into his own opposite. Eccentricity, when the shadow acquires autonomy, is a split that can be used for self-knowledge. The shadow becomes a guide to the conditional kingdom of shadows for a person who is lost in search of truth. But in the kingdom of shadows, as in the looking glass or in the wonderland, there is a different logic, and this must be dealt with, because darkness is concentrated here. Those who dare to do this, involving unknown risks, adventure, willingly or unwillingly, falls into the sphere of influence of Satan, which, being the enemy of God, initiates a person into his mysteries. Therefore, the shadow formed in the process of personality disintegration desires, has the right, to be. The shadow wants to become a real person, but what are the prospects in this? What risks is it fraught with for a person as for a being, first of all, a social one? A shadow (eidolon) is an image, or a form, devoid of content, therefore the effect of the shadow presupposes the disintegration of an integral personality, which is conditioned and not free, but only half. Interaction of this kind can be interpreted as the practice of freeing the subconscious, which plays a significant role in knowing oneself. Such destructive things can be constructive when they are carried out with the proper care and attention, as well as with an understanding of the higher values for which they are accomplished. In this case, the disintegration of a whole can contribute to rebirth. In the test, man becomes man. Since, as Bakunin's formula says, "the passion for destruction is a creative passion", a rebellion fostered by an intellectual conscience can be constructive.

Contrary to the prevailing stereotype, conscience, as a philosophical concept, is not of Christian origin. Priest Andrei Tkachev wrote: "The very appearance of the term is associated with the philosophical school of the Stoics. And the term turned out to be so successful; it so masterfully revealed one of the burning secrets of inner life that it firmly entered the Holy Scriptures where it was necessary to address not the Jews, but the representatives of the Hellenistic world".¹⁴⁴ And further: "in Greek, and in Russian, and in English, and also, probably in many languages, the word

¹⁴⁴ Tkachev A. Conscience <https://pravoslavie.ru/47598.html>

“conscience” is constructed in the same way. It contains the idea of co-presence, co-existence. Former pagans who knew God began to call him "the voice of God". And even ex-Christians who had renounced God called him an internal commissar”. In English, there is such a curious definition for conscience as *a still small voice*. Conscience, as co-existence, co-presence, implies such a consciousness in which a person is able to perceive the divine and demonic in himself, which is often characterized from the outside as insanity. Conscience is an irrational call.

Human being is, by definition, indefinite and contradictory. Satan, a rebellious spirit, the fiery angel Lucifer who fell away from the divine pleroma, according to heretical views, patronizes those who are not afraid to follow the path of knowledge. Levy believed that: “The Devil is a Blind Force. If you help a blind man, he can do you a favor in return; but if you allow the blind to behave, you are lost”.¹⁴⁵ Conditional demons and monsters are those very strange shadows that feed on fear, which, as you know, is the other being of our desires.

The cognized subject works with imagination, which is a force not subject to his human "I". That is why the path of self-knowledge is difficult and thorny. We repeat once again: the one who is cognizing is at risk of being lost. There is no turning back, but fear and desire are comprehended in dialectical unity. Laws, morals, political positions, as signs of a particular time, do not constitute the whole of reality and undergo changes, therefore, a person's conscience, his internal connection with his demon, is the principle of socialization that serves as an objective assessment of the current situation. In the work "On mystical anarchism" G. I. Chulkov says the following: "Our life passes in a ceaseless touch of power, the source of which lies in the initial falling away of this multiple world from eternal love and freedom. Not in the name of a moral duty, a beginning that is outside of us, but in the name of our personality, striving to find the fullness of our “I” in union with love and freedom, we must turn our life into a relentless struggle with power. Our irreconcilability is due to the consciousness of our unity with Wisdom: any

¹⁴⁵ Levi E. Magic ritual SanctumRegnum, interpreted through the Major Arcana Tarot. M.: Enigma, 2017 P. 110

mechanical principle in history and in space is equally hateful to us, whether it will manifest itself as a "state" - or, as a "social order", or as "laws of nature". Conscience, which unites a person with the principle of love and freedom, is in this sense opposite to any power that exists due to falling away from this love and freedom. Conscience calls on a person to heroically fight for the freedom of the individual, which is placed above all else. Power can be understood broader than, in fact, political power - as cosmic conditioning, the power of inertia, and the power of matter. Our connection with Sophia, with the Wisdom of God, acts as a conscience, which does not allow us to come to terms with the situation in which the dignity of a person is violated, whose inalienable right is the right to eternal freedom and love. And as the main principle of personality, conscience remains a very mysterious and unique phenomenon of psychosocial life. Conscience turns the external person towards the internal, the demon, God, through whom, as through the expression of freedom and love, a person should be determined in the social plane. This principle is close to the principles of Christian socialism. Here it is appropriate to recall a passage from Heidegger: "The saying of Heraclitus says: "His own special character is for each person his daimon". The word "ethos" refers to an open area in which a person lives. The open space of his abode allows that which touches the human being to appear and, capturing him, stays in his proximity. The dwelling place of a person contains and preserves the manifestation of what a person belongs to in his being. This, according to Heraclitus, is his "daimon", god. The saying says: man dwells, because he is a man, close to God. One story reported by Aristotle agrees with this dictum of Heraclitus. It reads: "They tell about the word of Heraclitus, which he said to strangers who wanted to meet him. Arriving, they saw him warming himself by the oven. They stopped in confusion, and above all because he encouraged them, who were hesitant, telling them to come in with the words: "There are gods here too!"¹⁴⁶

Plesner describes the eccentric positionality of man as "a self-behind-the-counter self" and as a "non-objectifiable pole of the subject". Eccentric positionality

¹⁴⁶ Heidegger M. Articles and speeches M.: Respublika, 1993, P. 26

implies concentricity as some opposite pole, towards which human genius strives. Opposites mutually condition the existence of each other, so they are, in principle, conditional. God conditions the existence of the devil, Christ conditions the antichrist. Through the dialectic of opposing principles, "removal" takes place. Christian anthropology presupposes scenarios of fighting against God as a way of transforming the human principle. Therefore, if the object of concentration is God, then the devil is an agent of dispersal of attention, eccentricity, if you like, and vice versa. The nature of God, which in a certain sense is a super-nature, is no less mysterious and enigmatic than the nature of the devil, which in this sense is the principle of materialism. But the mysterious human nature, which includes both diabolical and divine nature, corresponds to the principle of anthropocentrism.

Among natural numbers, odd numbers are numbers that have a middle that reconciles contradictions. Parity, or "duality", is associated with decentralization, eccentricity, because there is no such harmonizing middle in this number series. The Pythagoreans paid attention to the laws of divisibility of numbers, while even numbers were considered masculine, and odd numbers were considered feminine. Among single-digit numbers, "six" is of particular interest. According to the teachings of the Pythagoreans, the hexad (six) represented the creation of the world. The number "six" in Pythagorean was considered perfect. The mystical six is divided into "two" and "three" and symbolizes harmony, balance, the union of two opposite principles - matter and spirit, feminine and masculine. In sacred geometry, the six is symbolized by a six-pointed star, or hexagram, which in European medieval natural philosophy and occultism is a symbol of the macrocosm, the external world or the universe, God. In Pythagoreanism, "numbers were understood not only as an expression of only the quantitative determination of something, but rather as metaphysical qualities related to a special, "divine reality". For example, a unit is not just the first of the numbers, but also a measure, the beginning of a number as such, an expression of its nature. Two ("dyad", "two") is an exponent of the nature

of separation, contradiction, plurality, etc.”¹⁴⁷ Odd numbers contain an indivisible unit, which is the principle of the Creator, the One and plays the role of that axis, middle, center, which removes the internal contradictions of the dyad. In the context of religious anthropology, one corresponds to God, and two to the devil. But, neither God nor the devils are independent values, but on the whole they constitute the truth, the truth about oneself, which is given to man to comprehend (according to the principle of microcosm-macrocosm). God is the principle of concentration; the devil is the principle of decentralization, peripherally. God is eternal and the devil is infinite. One necessarily complements and balances the other. Odd as a kind of metaphysical principle is more consistent with the male archetype, although in different traditions it is perceived differently. The number "six", combining two opposite principles - even and odd, as a doubling of a trinity (triangles), as a union of opposite principles or principles, personifies harmony, beauty. The sixth Sephira Tifferet contains the letter Aleph, which corresponds to Air, which, in turn, as an element, corresponds to the Sephira Tifferet. According to Kabbalistic teachings, air plays the role of some kind of mediator between the Earth and Heaven. Therefore, the six, corresponding to the sephirah Tiphareth on the Kabbalistic Tree of Life, also corresponds to the concept of conscience in the mystical aspect, since, as we have been able to establish, conscience is what connects the human, too human, with the divine world of eternal freedom and love.

Max Scheler in his work *The Position of Man in Space*, the classic of philosophical anthropology proved that, unlike plants and animals, man is a conscious being and, as such, falls out of the natural landscape. This loss can be considered his tragedy associated with the loss of harmony. The function of conscience, as a kind of magic key in a person's consciousness, is to bring a person into a state of harmony with nature and in general. Natural philosophy formed the principle on the basis of the hermetic "as above, so below." According to the natural philosophical vision, man is a microcosm, which is part of the whole macrocosm,

¹⁴⁷ Lebedev A.V. *New Philosophical Encyclopedia*, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow: Mysl, 2010

which in turn is fully reflected in each individual microcosm. The renowned magician and occultist of the 20th century Aleister Crowley wrote in his esoteric novel "Moon Child" that: "every man and every woman is a star" and that "Collisions occur when they leave their orbits."¹⁴⁸ Each individual person, man or woman, is a star of the microcosm, which, being in its orbit, is in the harmony of the universe, leaving its orbit, it collides with boundless, non-existent, unmanifest, primordial chaos. It is clear that for a person as for a star there is nothing good, except for self-destruction and then final dissolution in the black acid abyss of nothingness, let's say, this enterprise does not promise, but, nevertheless, there are always enthusiasts who are ready to leave their orbit for the sake of love and freedom ... Therefore, on the one hand, a person belongs to eternal freedom and love, and on the other hand, he belongs to fear, which legally prevents him from overcoming the forces of gravity.

Man is an aspiring being, and this is manifested in the struggle against the restraining space-time and other forms of power. Man cannot put up with the loss of the divine center, just as he cannot put up with his own mortality. This rebellion lays the foundations for social and technical progress (Camus drew his attention to this in his book "The Rebellious Man"). N. Berdyaev believed that the historical purpose of man is to creatively transform the worlds of living. The peak of the creative-heroic rebellion against the spirit of heaviness and lack of freedom can be considered the proud human idea of power over time, which is the highest power that affirms the highest life values of freedom and love. The one who controls himself, knows himself, can control time. The one who controls time can be considered nothing less than a god.

Helmut Plesner stated: "Evidence of inner evidence does not eliminate doubts about the reliability of one's own being. It is unable to overcome the split that nests in the identity of a person, permeating him due to his eccentricity, and therefore no one knows about himself, whether he who cries or laughs thinks and makes

¹⁴⁸ Crowley A. Moonchild https://librebook.me/lunnoe_ditia

decisions, or this is done by the self that has already broken away from him, - his other in him, his understudy, and perhaps the antipode".¹⁴⁹ This state of affairs, firstly, suggests that the forces of chaos in one way or another have their part in the world, in the universe, since they exist, as it were, parallel to space and order, and secondly, this indicates a split in the personality, which can be overcome through concentration on what is desired and achievable - through the force of reverse eccentricity. Concentration here implies an awareness of the highest values, for the sake of which a person is ready to sacrifice and sacrifice himself. Alphonse-Louis Constant has justly expressed himself in this regard: "A man is worthy of what he considers himself worthy". A person's conscience determines the measure of his dignity.

Among the infinite number of definitions of what a person is, none is exhaustive. Pontius Pilate, pointing to Jesus Christ, said: "Behold a man". Can this be considered a definition of Christ or man? From a sociological point of view, Christ was a man who was engaged in social activities, moreover, of an extremely revolutionary nature. Christ brought not peace, but a sword, proclaiming the highest dignity of man before God and, consequently, the equality of all people among themselves. From now on, human dignity was given to all those who, according to the laws of the ancient Roman Empire, were not particularly considered a person: publicans, slaves, drunkards, prostitutes. In Ph. D. thesis by G. M. Safina "Action in the structure of moral choice" states that: "Any moral attitude implies a certain sacralization of the other, placing him not just as an equal to me, but as a kind of absolute, in the face of which I can find my human existence". Therefore, the principle of recognizing the other, who may not share your values and threaten them, as well as the principle of non-resistance to evil by violence, is the highest Christian principle, which presupposes not humility before evil, but also not resisting evil.

According to the famous dictum of the non-Christian character "man is a wolf to man" (*homo homini lupus est*), for his own good a man is always ready to gnaw

¹⁴⁹ Plesner H. The Stages of the Organic and Man. Introduction to Philosophical Anthropology. Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004, P. 63

his neighbor's throat. The feeling of self-preservation and selfishness are the main properties of human nature. Seneca believed that "a person is something sacred to a person".¹⁵⁰ In a sense, both statements are true. A person who has cognized himself, who cares about himself, as well as about another, does this because he believes that each person is a living soul, which is, in principle, divine. But the one who does not feel a sense of inner dignity, is deprived of a sense of gratitude, he will be blind and angry towards the other as towards himself. A person who is accustomed to ignoring the voice of conscience that sounds desperately inside him will be deaf and unfair in relation to another. I must say that in ancient Roman culture the wolf has a special place: the wolf, or - the she-wolf, as you know, has cult significance for the civilization of the eternal city. Therefore, despite the apparent contradiction between the statements "man to man is God" and "man to man is a wolf", they agree. So Thomas Hobbes put it this way: "Speaking impartially, both statements are correct; man to man is a kind of God, and it is true that man is a wolf to man, if we compare people with each other."¹⁵¹ Since pagan beliefs are more or less inherent in animalism and anthropomorphism, this seems more or less understandable. Legend has it that the founders of the eternal city, Romulus and Remus, were fed by a she-wolf. In addition to its literal meaning, this legend can be interpreted in the sense that she-wolves were called harlots, and brothels were wolf places - lupinaria. As a vestal, a servant of a religious cult, the mother of heroes, according to her duty, she had to remain innocent. However, despite her piety, she gave birth to two, which, according to legend, were excommunicated, fed by a she-wolf and subsequently founded Rome. But if read correctly, this legend contains the story of the Immaculate Conception, which took place with divine participation. In this sense, the vestal duly fulfilled her holy duty. Hence we have the myth of the holy harlot, or the holy she-wolf, who conceived the heroes immaculately.

On the one hand, today we live in a very rational time, when information Internet technologies are rapidly developing and being introduced into life, which

¹⁵⁰ Seneca, Letters to Lucillus XCV, 33.

¹⁵¹ Hobbes T. De Cive <http://www.unilibriary.com/ebooks/Hobbes,%20Thomas%20-%20De%20Cive.pdf>

have a truly revolutionary potential in relation to individuals and society. On the other hand, the myth, as a form of worldview, has a place to be today. Since the past, history, as some theorists argue, are not verifiable, there is no single criterion for assessing what is real and what is not. Hence the substitution of concepts, values, facts that is taking place in the interests of one or another power party. Modern myth-making, the creativity of "postmodern myths", conditioned by the total digitalization of humanity, is a powerful project, in a sense, the creativity of reality itself. The duality of human consciousness for philosophical anthropology is expressed as the eccentric positionality of man, which determines human freedom, which is expressed as freedom of choice. Reducing the duality of human consciousness (subject-object) to non-duality can turn out to be catastrophic for the fate of a person in principle. Therefore, complete freedom implies freedom of information and disinformation, control of consciousness, religious propaganda, the imposition of "traditional values", fraught with fascism and tyranny. The ultimate expression of freedom presupposes a voluntary renunciation of freedom, but the ultimate is alien to the human being. It is inherent in a human being to search for some "golden mean", harmony, and therefore he avoids extremes, which are often destructive for him.

In the dialogue of Aristotle "On Philosophy" it is said that the impetus for the pursuit of philosophy to Socrates was the inscription on the walls of the Delphic temple "know thyself", which, as a kind of call, as a message from the gods to man, can be interpreted as "be recognized", or - "wake up". The well-known dictum of Socrates "I know that I know nothing" is a certain result of such knowledge. Hence knowledge, as a result of the will to know, agrees with the well-known words of Ecclesiastes: "in much wisdom there is much sorrow; and whoever multiplies knowledge multiplies sorrow". Ancient sources claim that the knowledge that there is some truth of a person about himself, which he is given to comprehend, in the words of Foucault, brings sorrow to a person. Due to the bifurcation of the "I" into subject and object, which is not yet knowledge in itself, a person is deprived of peace, as well as the immediate vitality that he needs. Therefore, knowledge does

not bring happiness. For happiness, a person needs to learn to be wise, to forget the knowledge that caused great sorrow. If the will to knowledge, which, according to the teachings of Socrates, is knowledge of ignorance, dooms a person to suffering, then wisdom, comprehended through love and compassion, is capable of consoling.

However, what is happiness? This rhetorical question, relevant to man today, has occupied philosophers since ancient times. Eudemonism is the main direction of ancient ethics, which was looking for an answer to this question. Ancient Greek "eudemonia" is usually translated as happiness and is its closest equivalent. It consists of two words "good" and "demon". In the article "The Problem of Happiness in L. Feuerbach" M. M. Zhorina says: "Democritus called happiness" *euthymia*", that is, a good disposition of the soul, when a person was in his place, and, therefore, at rest. Ancient eudemonism is a moderate satisfaction of people with their needs based on knowledge of the Logos and their own nature. Thanks to wisdom, a person copes with his passions and untrue desires, which cannot lead him to happiness. Happiness is achieved on the basis of a virtuous life."¹⁵² Therefore, in order to understand what happiness is, in the ancient sense, you must first understand what virtue is. According to the founder of the Stoic school Zeno, "virtue is the consistency of disposition (with nature). She deserves to strive on her own, and not out of fear, hope, or other external reasons. It contains happiness, for it arranges the soul so that the whole life is harmonized. A rational being sometimes strays from this path, carried away by external concerns or falling under the influence of loved ones; but nature itself never gives him reasons to go astray."¹⁵³ It must be said that for pre-Christian philosophy, human nature did not differ from nature in general, and therefore the principle of correspondence was most preferable. The ability to be happy was understood as the art of matching the nature of one's true desires. The motto of the Thelem monastery "do what you want" or, say, the pantheistic formula

¹⁵² Zhorina M. M. The problem of happiness in L. Feuerbach // Philosophy of the XX century: schools and concepts. / Scientific conference for the 60th anniversary of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University, November 21, 2000. Proceedings of the section of young scientists "Philosophy and Life" St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2001, P. 83-84

¹⁵³ Diogenes L. On the life, teachings and sayings of famous philosophers, Mysl Publishing House, Moscow, 1979, P. 296

“right is what suits you”¹⁵⁴, expressed in the novel by François Rabelais Gargantua and Pantagruel, is quite consistent with the understanding of the happiness of the early Stoics. Hence the understanding of true desires that are in accordance with nature is wisdom. There is no human nature whose conformity would contradict the plan of nature in general. To come into conflict with nature means to go astray, and this position is expressed in the phrase of the Greek Stoic Cleanthes: "ducunt volentem fata, nolentem trahunt", which can be translated as "destiny leads the willing, the unwilling drags." From this it follows that the solution to the problem of duality is achieved through the ability of each individual person to correctly desire or correspond to nature. Happiness presupposes the satisfaction of one's root desire, and also, according to the nature of the revealed desire, finding one's place in the world.

¹⁵⁴ Golovin E.V. Approaching the Snow Queen <http://golovinfond.ru/content/priblizhenie-k-snezhnoy-koroleve>

2. Truth with a human face: the problem of conscience in Russian philosophy of the Soviet and post-Soviet periods

In the latest Russian philosophy, the problem of conscience has not been studied sufficiently. Basically, conscience is seen as an ethical phenomenon, expressed in the direct experience of responsibility, a sense of duty and justice. Conscience is understood as the strongest feeling, as well as some inner voice.

Yakov Abramovich Milner-Irinin (1911 - 1989) in 1943 defended his thesis "Benedict Spinoza" in the USSR. In 1963, the manuscript "Ethics, or Principles of True Humanity" was published, which became available to a wider audience in the post-perestroika period. The work was severely criticized at home, and in 1986 it was published in Germany. Only in 1999, Ethics was published in Russia by the Nauka publishing house. The work of Milner-Irinin, who was declared a "rootless cosmopolitan" and was deprived of the opportunity to teach, was not published in the USSR. As a heretic, Yakov Abramovich did not abandon his views, which did not correspond to the ideological charter of Marxism-Leninism. Functionaries, ideologists from science criticized the views of Yakov Abramovich as overly idealistic. As a result, Milner-Irinin became an outcast, and his works were banned from publishing.

Milner-Irinin is undoubtedly a conscientious, sacrificial and heroic figure. Conscientious heroism is the foundation of the Russian intelligentsia. For Milner-Irinin, as for a true philosopher, love of truth was the primary source of searches. Although the formation of a philosopher took place under the pressure of socio-political and other conditions and conditioning, he dreamed of universal human values and ideals. The Milner-Irinin tragedy is an example of a conflict that arises between those who are ready to fight for their faith without fear of reprimand from the outside, and those who always fulfill a social order. Milner-Irinin lived and worked not for fear, but for conscience, which is given special attention in the creative heritage left by him.

Ethics, or Principles of True Humanity, consists of ten chapters. Each is given the principle of "true humanity." Together they represent a formalized system of interrelated postulates: "The Principles themselves, the principles of true humanity, the brainchild of human logic <...> violation of one of the Principles is an inevitable violation of all. Moreover, it seems impossible to determine which of the Principles is violated in this or that case, they are so organically merged in the mind itself, in the very conscience of man, in his social and moral, labor and creative-revolutionary nature - in humanity."¹⁵⁵ Already here we see that the word "conscience" is used in the sense of "humanity", which incorporates revolutionary spirit, morality, consciousness and society. So, conscience, or humanity, is a generalizing, according to the principle of matryoshka, the principles of true humanity, a moment. Ten principles are involuntarily associated with the biblical Ten Commandments: violation of one entails violation of the other and, as a result, all the others. The Milner-Irinin concept assumes that one contains the other - the third. Here the principle of matryoshka is realized - one contains everything. Conscience is what helps to see / reveal these principles, to see this matryoshka disassembled. The model of society is given as personal emanations of the Spirit, which in turn determine the character of the personality.

In chapter one "The principle of conscience. About conscience and honor and the high dignity of a person" conscience is postulated as a kind of metaphysical principle that constitutes the person himself, as a divine being, although this is not said directly, and social, but society is not deified. The conscience speaks of the ideal as a kind of due, which is not represented in the time of residence. Conscience is problematized at the junction of personal and social principles, and acts as a principle of solidarity between One and All.

Further, the "principle of self-improvement" is proclaimed: "Create a person out of yourself. A person is not born ready, but forms himself during his whole life".¹⁵⁶ Self-improvement is an incessant overcoming of oneself, incessant striving,

¹⁵⁵ Milner-Irinin Ya. A. Ethics, or Principles of True Humanity. Moscow: Nauka, 1999, P. 36

¹⁵⁶ Milner-Irinin Ya. A. Ethics, or Principles of True Humanity. Moscow: Nauka, 1999, P. 47

experience, and sympathy for others, both in joy and in distress. A person is understood here primarily as a citizen, or as a person. Human ethics correspond to the ethics of the Creator. Man's creativity from himself is true creativity similar to creativity from nothing.

The third principle is the principle of good. It speaks about the transformation of man: "Do good, that is, such a world, social and natural, in which truth is the principle of theoretical activity, truth is the principle of practical activity and beauty - the principle of artistic creation of a socially historical Man would merge in a higher, ideal synthesis."¹⁵⁷ Good in this sense presupposes belief in a miracle, that there is a synthesis and a combination of things that simply do not fit together. Just like that, in the sense without certain concessions and compromises. This synthesis, without belittling one or the other principle, presupposes a fantastic overcoming of limits or the transformation of one's own personality, which includes both its own "advantages" and its "disadvantages". This fantastic overcoming, however, does not seem so incredible, since it is consistent with the dialectical-materialist model, according to which quantitative contradictions are resolved into a new qualitative unity.

In the fourth chapter of Ethics, Milner-Irinin reflects on conscience in a socio-philosophical way: "Public property is the real fundamental principle of good, - a life built on the principles of true humanity, the basis of the well-being of peoples and real freedom of the human person."¹⁵⁸ Public property, the opposite of private property, that is, property, in principle, is not property. Hence, the social conscience also denies private property, as the original sin of society, and, we dare to assume individuals. In this sense, we do not see anything in this statement that would be in clear contradiction with the ideals of communism, which was understood only as the kingdom of God on earth. Speaking against the consequences in themselves, the conscience of M.-I. does not see the cause, or the root of evil, which is by no means in private property as such.

¹⁵⁷ Milner-Irinin Ya. A. Ethics, or Principles of True Humanity. Moscow: Nauka, 1999, P. 83

¹⁵⁸ Milner-Irinin Ya. A. Ethics, or Principles of True Humanity. Moscow: Nauka, 1999, P. 137

The next principle is the principle of labor: "Work. Only socially useful and productive labor makes a person, a full-fledged and full-fledged participant in the socio-historical process, joins him to the great whole, called working mankind."¹⁵⁹ Man here is a derivative of humanity - not the other way around. Not being a "full-fledged participant in the socio-historical process" in this sense, it must be understood, is not quite a person. There is a bias and social determinism. It is surprising that the Soviet censors found such a thing in this teaching that caused persecution by the author of this work, executed quite in the spirit of the times and, most importantly, if not in full, then in sufficient accordance with the doctrine of diamat. However, the principle of sufficiency is not completely defined, and may have the character of spontaneity or misunderstanding. *Arbeit macht frei* - "labor liberates." This phrase, used in Nazi concentration camps, expresses the principle of public utility, only more radically, but, it must be admitted, consistently. According to the Bible, God sent man to earth to work - to improve. This is the traditional vertical teaching. According to the dialectic of a slave and a master, which is also quite traditional, Man is a master, not a slave. In this sense, a person is obliged to work as a punishment for sin, and only by labor approaching the coveted paradise is not a person, because he is a slave. Naturally, this is only traditional. But the person who woke up, followed the call of being, he is no longer a slave, but this does not mean that he wants to be a master. Not. He desires liberation for higher purposes.

The sixth principle, or principle of freedom, reads: "Be free. There is no more heinous crime against human conscience than spiritual (moral) slavery ..." ¹⁶⁰, and also: "Only and exclusively man is free - as a social and independent being - and only when he follows the dictates of his conscience in everything." But conscience can also cause asocial consequences, since it is free. Social determinism and freedom of conscience do not go well together. Rather, we are talking about a compromise of the so-called "bad conscience", when a person is known exclusively as a political animal, and society as God. But this God needs our participation, just as imperfection

¹⁵⁹ Milner-Irinin Ya. A. Ethics, or Principles of True Humanity. M.: Nauka, 1999, P. 172

¹⁶⁰ Milner-Irinin Ya. A. Ethics, or Principles of True Humanity. Moscow: Nauka, 1999, P. 215

needs improvement. Man is called to finish what the Lord did not finish. This, one might say, is his creative mission. Here there is what the thinkers of the Silver Age called man-godhood, which they opposed to God-manhood. If the first is the deification and transformation of man, then the second is a moment opposite to the first, that is, the assimilation of God to man, which is quite in the spirit of secularism. Here, positive, not complete freedom "for" prevails, and not negative freedom "from" (from the ego or even from the conscience itself). Milner-Irinin did not consider the metaphysical aspect of complete freedom associated with self-destruction and deification of a person, because society needs the usefulness of labor, because a person is for society, and not vice versa. Freedom is equally destructive and constructive. For example, N. Berdyaev understood freedom dialectically - as the interaction of the divine and human principles in man.

The seventh principle is nobility: "Be noble. Pursue only worthy goals in life and use only worthy means to achieve them. No goal, no matter how lofty and noble in itself, is capable of justifying the base means to its realization: a lofty goal and base means of struggle are incompatible things. The nobility of character is a truly human trait, necessary inherent in a person who has realized his high historical purpose, a free and reasonable reformer and creator, a character trait that testifies to a person's sublime understanding of his nature and his responsibility to his own conscience."¹⁶¹ Nobility is characteristic of heroes. The problem here is that the "high historical purpose of man" is often achieved by not at all humane means, great historical deeds are accomplished through violence against people by a race of masters who think of themselves as supermen, therefore, a "high historical purpose", consistent with conscience, presupposes a heroic beginning, which means a challenge to the race of masters and, more broadly, to the world itself, time and space: "Do not think that I have come to bring peace to earth; I did not come to bring peace, but a sword."¹⁶²

The principle of gratitude is the eighth. Milner-Irinin formulates it as follows:

¹⁶¹ Milner-Irinin Ya. A. *Ethics, or Principles of True Humanity*. Moscow: Nauka, 1999, P. 283

¹⁶² Milner-Irinin Ya. A. *Ethics, or Principles of True Humanity*. Moscow: Nauka, 1999, P. 349

“The feeling of gratitude makes each individual representative of humanity the embodiment of the whole, for completely, like all moral virtues, rests on conscience. In a feeling of gratitude, a person, as it were, enters into another person, emerges from the closed shell of his individuality into the spiritual world of another, lets him into his own spiritual world, in it a person unites with humanity, ... merges with it into a single whole, feels his solid, indissoluble ... connection with his own kind and not only with the generation of his day, to which he himself belongs, but also with all generations of people ... ”.¹⁶³ Gratitude is both compassion, and altruism, and the union of emotional impulses. Only through gratitude does individualism pass into the stage of super-individualism, which, in essence, presupposes the transformation of social life, the individual awakens to participate in it. Here you can even guess the features of the project "common cause" of our "cosmic" philosopher Nikolai Fedorovich Fedorov, who zealously defended the gospel truth, according to which sons should bring their fathers back to life - not only mentally, but also socially, psychosocially. Indeed, this eighth postulate is a logical development of the previous postulate, which speaks of the role of the Creator's conscience, striving in the name of the freedom of all mankind to overcome time-space, conditioning, but without losing personality, humanity. Genuine human progress is seen as a synthesis of the spiritual and the material, as a result of which there is a transformation of matter and, if you like, the materialization of spirit (and both processes at the same time). By "humanity" is meant not only the living, but the dead, and all past and all future generations. Fatal disunity is overcome only through super-individual creativity. In reality, everything is possible, be it the will of God, because for God nothing is impossible. The ninth principle - wisdom - says: “Be wise: believe in a person and his high historical purpose - in the invincible power of his mind, the inexhaustible treasury of his conscience ... hope for the ultimate triumph of good - truth, truth and beauty; love life in all its inexhaustible charm.”¹⁶⁴ Perfectly. The author of "true humanity" in his work tried to build an ethics in which the idealistic, traditional, and

¹⁶³ Milner-Irinin Ya. A. Ethics, or Principles of True Humanity. Moscow: Nauka, 1999, P. 349

¹⁶⁴ Milner-Irinin Ya.A. Ethics, or Principles of True Humanity. Moscow: Nauka, 1999, P. 377

materialistic paradigms of philosophy would be synthesized. Thus, conscience includes wisdom: he who hears his conscience is wise. According to M.-I. wisdom implies faith in the triumph of good.

The concept of "true humanity" is completed by the principle of action: "One must act according to conscience. Each of your new actions should be a new confirmation of the acquired moral level, as well as a new contribution to the common treasury of conscience. To stop in moral development means to go backwards."¹⁶⁵ The expression "common treasury of conscience" is interesting here, which is presented as a noosphere, or a kind of zone in which a person's subconscious manifests itself, which makes up his thoughts and desires. Therefore, moral progress, movement forward, equal development of social life and personality is possible only as a growth of consciousness, which would be consistent with good, which presupposes faith in God-society and in God-man. Since it is human nature to make mistakes, the human factor, this mistake can be atoned for. This is the key to understanding "humanity." The all-human striving should be limited by the consciousness of one's own incompleteness, what is wisdom, what is conscience, but the so-called. "Humanity", historical progress is moving in a different way. However, the belief in the final victory of the God-man has not yet been canceled, because, despite the existing crisis, it only grows stronger in the hearts of believers in anticipation of the Last Judgment and the Second Coming of Jesus Christ. But we must remember that every action generates opposition. As for, in fact, the act, it is important to remember to the one who acts that his action is only a reaction, that is, a consequence of some action.

Ya. A. Milner-Irinin called his ethical concept "the logic of human happiness". According to this logic, only a person's heartfelt openness to the universal, to the divine, frees a person from the burden of earthly existence and thereby makes him truly happy.

Doctor of Philosophy Oleg Grigorievich Drobnitsky defended his dissertation

¹⁶⁵ Drobnitsky O. G. Moral philosophy: Izbr. works / Comp. R. G. Apresyan. - M.: Gardariki, 2002, P. 455

on the topic "Moral Consciousness" in 1970. Drobnitsky's article "The Problem of Conscience in Moral Philosophy" appeared in 1972. In 1973, Drobnitsky died in a plane crash. In 1977, the publishing house "Science" published a book of articles by Drobnitsky "Problems of Morality". The reprint of works entitled "Moral Philosophy: Selected Works" (compiled by R. G. Apresyan) is published in 2002.

In the article "The Problem of Conscience," the conscience phenomenon is revealed as a deeply personal conflict that requires total immersion to resolve. Conscience is not only a theoretical problem, but, above all, a practical problem. Conscience is the highest moral law, and therefore one who lives by conscience should not be afraid to seem strange or incomprehensible: "A truly virtuous person should behave not just like everyone else, but properly, even if contrary to custom," wrote Drobnitsky, "and further: 'there must be a single law for all, in relation to which customs must be assessed as just and unjust.'¹⁶⁶ Hence, it is clear that the "law common to all" is nothing more than conscience, that there is both an inner voice and an innate moral feeling that helps to distinguish between good and evil. In order to awaken from the dream in which the man in the street dwells, it is necessary to hear and perceive this inner voice, it is necessary to heed this feeling and not to ignore it. It is through conscience that a person joins true virtue. The attention of conscience presupposes a direct collision with the figure of a generalized other, consisting of fears, dreams and innermost desires. Often, to maintain order, it is necessary to maintain the law of worldly good in society, which denies conscience and faith (here we mean a capitalist society that takes various forms).

An autonomous independent conscience is perceived as human, too human, or as a universal human law, according to which the external person must obey the will of the internal person, therefore it is extremely important to investigate the internal person, because his independent will may not be so independent. This research is social and occurs as the self-knowledge of society in all its components and therefore requires the participation of the whole person - external and internal,

¹⁶⁶ Drobnitsky O. G. Moral philosophy: Izbr. works / Comp. R. G. Apresyan. -M.: Gardariki, 2002, P. 488

and only then all people involved in the power, which, in all its plurality, is responsible for the "internal person" in this or that society. The inner man, truly free from worldly power, does not recognize any power other than the power of God, and there is, as it were, a personal Jesus who must be heard by the outer man, who is freedom-loving to the point of pride, because moral and human progress is possible only through the removal, through mutual denial of the outer and internal conscience is conscience, which implies the participation of the parties, cooperation.

"Rightness," wrote Drobnitsky, "is not always on the side of the majority, strength, power, wealth and influence"¹⁶⁷, which is very rightly noted, but this "does not always" raise the question - what about socio-biological determinism in the spirit of "who stronger - than one is right? Drobnitsky allowed himself to doubt that the majority is always right, showing an individual and conscientious beginning. The possibility of such a doubt is provided for by the system, and in English such an understanding of conscience is designated as a still small voice, which, it must be understood, is a certain *resentiment* worthy of pity and proud compassion of a victor triumphant, albeit temporarily, in his innocence. Strength "is not in the actual triumph over wrong and vice, but in its ideal superiority".¹⁶⁸ This is strength equal to weakness, which, of course, is very in the spirit of historical Christianity, which today does not inspire much confidence in contemporaries, today, however, as always, since these very contemporaries, by definition, are oriented towards their time more than eternity. about which, in principle, they do not know anything. An orientation toward one's own time is an orientation toward power, that is, toward an existing worldview paradigm, a deviation from which is rebellion, radicalism, and madness. In this sense, conscience is a resentment of those who are absorbed not by their own time, but by some social, external, time, and the cult of the resentimental internal person determines this state of affairs. Being locked inside, experiencing ideal freedom, a person cannot be external and internal at the same time; he cannot be God, which cannot be. Isn't that so? Maybe the reason for the enslavement is

¹⁶⁷ Drobnitsky O. G. Moral philosophy: Izbr. works / Comp. R. G. Apresyan. -M.: Gardariki, 2002, P. 488

¹⁶⁸ Drobnitsky O. G. Moral philosophy: Izbr. works / Comp. R. G. Apresyan. -M.: Gardariki, 2002, P. 488

earthly power or, perhaps, the power of heaven? However, what kind of power of heaven can we talk about - if the power of heaven is only freedom? But even in this it is permissible for a philosopher to doubt is his business.

Drobnitsky wrote: "The requirements imposed by morality on a person are far from being as unambiguous as in the mechanism of a simple custom; sometimes they include difficultly coordinated tasks or even mutually contradictory imperatives and evaluation criteria. The knot of these contradictions is the problem of conscience - a way of self-regulation by an individual of his behavior, in which he is endowed with the greatest measure of personal discretion and self-expression and at the same time, is imposed with the greatest measure of social responsibility."¹⁶⁹ Pure morality, which gives rise to an unclean conscience, characteristic of fanatics and perfectionists, is usually not so compassionate in its demands and cruel enough to a person, but not human enough, not humane enough. Morality seeks to pass itself off as the path to truth, but this truth, which requires a person to be impeccable, while it is human nature to make mistakes, is inhuman. To be wrong is an inherent human property. Conscience turns us, seekers, not to pure morality, but to humanity, which implies freedom, doubt, reflection, sincerity, impetuosity. Pure morality knocks a person out of the rut, his conditioning, tradition, customs, which are designed to maintain order. A clear conscience calls a person to "higher deeds" of a person, it drives him crazy, makes him obsessed with some kind of super-idea, which has a detrimental effect on mental and physical health. Therefore, secular power, of course, connected with the power of heaven, must take care of compassion, humanity, and democratic character of their regime. The division into a clean and an unclean conscience arises from excessive pride, excessive human striving and leads to the disintegration of the personality and to death in general.

The problem of conscience is connected with the problem of consciousness: "In the very consciousness of a person there is a certain inner self-confidence that allows an individual to unmistakably perceive moral truth".¹⁷⁰ This very "inner self-

¹⁶⁹ Drobnitsky O. G. Moral philosophy: Izbr. works / Comp. R. G. Apresyan. -M.: Gardariki, 2002, P. 489

¹⁷⁰ Drobnitsky O. G. Moral philosophy: Izbr. works / Comp. R. G. Apresyan. -M.: Gardariki, 2002, P. 489

confidence" that is inside the consciousness, there is a conscience, responsible for the truth about a person, which he is given to comprehend. This truth is a moral truth. In the opposite case, if a person decides to know the truth that is inaccessible to him, hidden behind seven seals, then he risks losing his freedom, his humanity and turning into demons. Therefore, one should not abandon moral truth, conscience, for the sake of idle interest, obeying a destructive passion. But since it is natural for a person to make mistakes, it is natural for him to learn from his mistakes, and it is good if in the process of learning he does learn something. If moral truth manifests itself in an attraction to good, not only abstract, but also concrete, manifested in everyday life, then conscience is a manifestation of the humanity of consciousness. In other words, conscience is self-awareness. But if a person is not truth, then human striving for truth is destructive, but in a different sense. We know practically nothing about this, so we rely only on our feelings and guesses, which can be a cruel deception. If truth requires too much from a person, then this truth is a lie, because truth is love, manifested as compassion, philanthropy. Religious teachings tend to view the superman as the ideal for man, but a religion that is not built on the concept of humanism, freedom, equality, love and compassion is not a true religion, because it contradicts humanity. Inhuman truth can be metaphysics, speculation, while remaining a cold, distant, twinkling star for a person, which, on the one hand, gives hope, and on the other hand, hurts. A person has the right to self-determination, and this is the knowledge that he is given to comprehend. By its nature, knowledge is relative. Relativity, subordination of time in this sense is not true. Conscience, not law, but freedom, is a guideline for a person who has been in search of truth from time immemorial. Therefore, we will need to agree with the multiplicity of truth - that truth for one person may not be true for another, so disagreements arise. But it is precisely in disputes and disagreements that each new time the truth appears itself, and therefore it is necessary to defend the existence of different, albeit seemingly unacceptable, points of view. Truth does not presuppose violence, but, on the contrary, it presupposes nonviolence. Often, the fear of chaos, which supposedly can arise if one assumes a plurality of everything, forces one to adhere to strictness and

thereby causes fanaticism and intolerance, which, paradoxically, in turn, only intensifies chaos and fear.

We cannot know the truth as such, since it is beyond the limits of human understanding, but we can know ourselves in the truth. To know the truth of oneself means to know the limits, which implies overcoming. If man is truth, then conscience is that through which man is cognized in truth. Conscience is a means of knowing oneself in truth, or a means of expressing one's own point of view, as Drobnitsky wrote about this: "If we accept that conscience, a sense of duty or any other motive expresses only someone's personal point of view (belief or attitude), then what an individual considers correct for himself becomes incomprehensible (and this question is somehow tacitly bypassed) how morality can fulfill its functions of regulating the behavior of many people in society".¹⁷¹ Public morality should not contradict what the individual considers right for himself, unless what he believes is an infringement of the freedom of another. Public morality, like personal morality, must be built on the freedom of another, that is, a person has the right to self-expression within the framework of the law. That, fueled by legitimacy, morality, which tries to forcibly regulate people's relations, creates a provocation for moral resistance, so morality must be free. The regulation of the behavior of many people in society should be dealt with by law, and not by morality, which in this sense is only a good wish. Hence the well-known conflict between morality and conscience, society and personality. Conscience, which is, "the inner self-confidence of consciousness", or, in fact, self-awareness, regulates the behavior of each individual person in relation to himself and the Other. In this sense, morality cannot be coercion, because it becomes a form of suppression of the freedom of another. Internal self-confidence of consciousness, conscience, being a moral authority, has independence from external authorities. Self-esteem consists in this independence. Conscience, which is the inner self-confidence of consciousness, may be delusional, but, nevertheless, it is the highest authority that guarantees the freedom of the

¹⁷¹ Drobnitsky O. G. Moral philosophy: Izbr. works / Comp. R. G. Apresyan. -M.: Gardariki, 2002, P. 493

individual. Personality is the highest value of Western European civilization.

Drobnitsky viewed conscience in a social vein as a principle of responsibility. He wrote: "conscience, like a sense of duty, cannot be anything other than the awareness of their responsibilities to society and other people, responsibilities that are really assigned to a person, and not just recognized by him."¹⁷² Failure to meet public expectations gives rise to reproaches of conscience, which arise if the expectations are shared by the individual himself. However, the public expectations placed on the conscience of the individual must correspond to the expectations of the individual, which he, in turn, places on society. Expectations are justified only in the case of reciprocity. But on "no", as they say, and there is no court, that is, the conscience should not be trampled on by the society, if the matter entrusted to the individual by the society turns out to be beyond her power and compensation should be provided, after all, not a person for society, but society for a person. Otherwise - social determinism and the danger of suppression of the personality. An individual conscience, reinforced by a sense of social solidarity, can turn into rebellion against a social order based on shamelessness and fear. This rebellion is a criticism of a social order that is not order. Conscience is close to solidarity, which, in the event of a riot, is constructive criticism of a hypocritical system. Those who recognize the inner voice of themselves and others, as well as those who are able to hear and, if the need arises, to oppose the System, which, being deaf and uncontrollable by the public, the notorious civil society is capable of devouring people, are people of conscience. According to Nietzsche, an intellectual conscience leaves no choice but to be honest with oneself and with others.

From the standpoint of dialectical materialism, the resolution of the conflict gives a leap to a new qualitative level of development. Drobnitsky wrote: "To be a man of conscience means to act according to a sense of duty".¹⁷³ Acting conscientiously, in accordance with a sense of duty, does not necessarily mean meeting the public's expectations, which may be ideologized. To be a man of

¹⁷² Drobnitsky O. G. Moral philosophy: Izbr. works / Comp. R. G. Apresyan. -M.: Gardariki, 2002, P. 493

¹⁷³ Drobnitsky O. G. Moral philosophy: Izbr. works / Comp. R. G. Apresyan. -M.: Gardariki, 2002, P. 495

conscience means to be able to distinguish the false desires of society from the true ones, to distinguish between philosophy and propaganda, and, according to this ability, to have the courage to debunk the claims as false, if, of course, they are. Living by conscience means being honest with yourself and with others. It is no secret that public expectations are programmed in the interests of the authorities, which often pursue the interests of their own preservation and continuation. Since power does not have sacredness today, it is necessary to be able to debunk all sorts of postmodern myths on which the power is based, parasitizing the lives of the common population, for which the ideals of all revolutions that were done "from below" should triumph. Since the individual conscience does not coincide with the social conscience, it is extremely important to reconcile the individual and social conscience (otherwise all meaning is lost, except, possibly, meaningless personal salvation in heaven).

"Since a person knows that his idea of duty is only his own conviction, the authenticity of which he himself may doubt, insofar as he can never be sure of his conscience, plunges into endless pros and cons. In this regard, there is a danger of getting bogged down: "In other words, if we accept an analytical analysis of conscience, then the moral subject is faced with a hopeless alternative - either to be in a state of uncritical self-conviction, or to indulge in a paralyzing doubt of his righteousness."¹⁷⁴ Therefore, conscience should be an open, and not a closed book for the one whose convictions it expresses in one way or another. Only in an open, honest dialogue with oneself, as well as with others, can one of the two development scenarios, which Drobnitsky outlined here, be avoided, and come to some compromise, as to the only constructive option in this situation.

According to Drobnitsky, being a man of conscience does not mean "being a slave to your conscience" but being "master over your feelings and beliefs." This position is quite contradictory and can be understood as an opportunity to compromise conscience, perhaps for the sake of personal peace of mind or benefit,

¹⁷⁴ Drobnitsky O. G. Moral philosophy: Izbr. works / Comp. R. G. Apresyan. -M.: Gardariki, 2002, P. 496

which is not good. Further Drobnitsky gives several definitions of conscience. First, conscience is postulated as openness, sincerity: "Conscience, in its real content (even if the person himself is almost unaware of it) is the "openness" of individual consciousness in relation to the surrounding world, its problems, the requirements of the time, the prospects of human society"¹⁷⁵ ... Hence, a man of conscience cannot be a closed, obsessed egoist. A man of conscience seeks to co-feel and co-experience, even to the whole world, because this is the only way he feels alive. A conscientious person says his "yes" to the world. This openness implies understanding, the ability and desire to hear the call of the world. According to Drobnitsky, conscience "is an attitude in which a person takes responsibility not only for his moral state, but also for what is happening around him every day." Conscience, linking the individual and society, man and the world, is free by definition. However, further Drobnitsky writes: "Conscience is imputed to a person, and not assumed from the very beginning. In other words, it is true not that everyone has their own conscience, but that a person must have a conscience, even if for this he needs to change himself".¹⁷⁶ This is Drobnitsky's conviction, according to his position "not to be a slave to conscience," but "to be master over your feelings and beliefs." Hence, conscience should be imputed in accordance with the requirements, norms, codes, expectations, which is a purely vertical pro-government strategy of conscience, when, being free by definition, conscience is rather a horizontal, civil-social structure, direct democracy is one of the most adequate forms of it.

A conscientious person can only change through conscience, which is plurality. Treason here corresponds to what the ancient Greeks called "metanoia", "change of mind", which is comparable with the concept of repentance in Christianity, as well as with the concept of "teshuva" in Judaism. A change of mind, like some kind of inner rebirth, presupposes a mystical experience that is comparable to what Heidegger called "the will to have a conscience." Conscience is a gift that belongs to man. In this sense, the experience of conscience is a transgressive

¹⁷⁵ Drobnitsky O. G. Moral philosophy: Izbr. works / Comp. R. G. Apresyan. -M.: Gardariki, 2002, P. 499

¹⁷⁶ Drobnitsky O. G. Moral philosophy: Izbr. works / Comp. R. G. Apresyan. -M.: Gardariki, 2002, P. 499

experience; therefore, Drobnitsky is absolutely right when he argued that the acquisition of conscience presupposes a change of oneself. Despite the fact that conscience is a gift from heaven, a person has to work hard to actualize this gift, to bring it into action. We are talking about that mystical experience, which is called to unite heaven and earth, is called to the questioners, perhaps in the most criminal way to build the Kingdom of God on earth, which can be called communism or something else - we do not know for sure, but only the general direction is known to us.

Drobnitsky wrote: "in the final analysis, the problem is, first, to eliminate in society itself such conditions that make it necessary for "public authorities" to protect themselves from conscience, to preserve the existing society at the cost of deviating from the requirements of morality; secondly, the problem is to educate people, everyone has such a conscience so that society can trust it without daily external control".¹⁷⁷ Therefore, as follows from the above quote, people, or people, must rise to power, become this power itself. The state must cease to exist, die out like a rudiment. It is only clear that "public authorities" who are not real representatives of the interests of the parties should be abolished. Civil society is able to overcome this barrier, which, according to Drobnitsky, protects those in power from the conscience. Thus, the class conscience is a revolutionary conscience that calls for the class struggle. Therefore, when "the upper classes cannot, the lower classes do not want," the fate of conscience is decided.

R. G. Apresyan writes: "If we take the problem of conscience, then philosophical ethics, in fact, have nothing to attract. Except for a small article about conscience in the encyclopedic dictionary "Ethics" and the republishing of an article on conscience by O. G. Drobnitsky in the collection of his selected works in our country for the last quarter of a century, if I am not mistaken, there was not a single analytical and philosophical work on conscience. Neither Berbeshkina's monograph, nor Drobnitsky's article (works completely different in their theoretical status), nor the works of the classics of moral philosophy, nor the work of modern world

¹⁷⁷ Drobnitsky O. G. Moral philosophy: Izbr. works / Comp. R. G. Apresyan. -M.: Gardariki, 2002, P. 500

authorities, with all our adherence to historical and philosophical reflections, have become a reason for criticism, rethinking, theoretical advancement in this topic". The quote here confirms that there is little attention in academia today about conscience issues. Questions related to this issue are formulated as follows: "Not only in everyday consciousness, but also in the reasoning of specialists," Apresyan believes, "conscience appears as a full-fledged correlate of the morality of an individual [Huseynov]. Conscience is the moral within the person. Is there any sense in specifying conscience as an intramoral phenomenon, or a phenomenon of individual moral consciousness, and is it not enough for philosophical ethics (not for everyday consciousness) the concepts of "moral consciousness", "self-control", "self-esteem", "value orientation", "moral self-confidence personality?"¹⁷⁸ If for ordinary consciousness the concept of "conscience" is unshakable, then is it not rudimentary for the philosophical and scientific consciousness? - This is the question that is posed in the above quote. In other words, such definitions would be quite enough for everyday consciousness, but the philosophical inquiring mind turns out to be much more exacting than the ordinary one. It requires one more definition.

The question of conscience in philosophical ethics is one of the most important. Conscience presupposes confession, a unique individual experience that can and should be expressed in all its uniqueness. If we do not take into account all the complexity and contradictions of the conscience phenomenon, then we will get another moral in the spirit: "do as you do" or otherwise - "you must" ... But the message that Mr. Apresyan brings to us is that an autonomous conscience is more than morality, and at the same time it is the source of morality. Conscience is free in principle and as such it should be expressed individually, poetically. Ruben Grantovich Apresyan notes: "Within the phenomenology of moral consciousness, the relationship between conscience and duty is the most critical. Debt can be interpreted as a form of presentation of (external) moral law. But if it is interpreted as a form of a person's awareness of the presentation of a moral law, moreover,

¹⁷⁸ Apresyan R.G. Problems of conscience in modern domestic psychological research and the tasks of ethics URL: https://iphrras.ru/uplfile/ethics/seminar/06_02_2018/ruben-apresyan06-02.pdf

sincere recognition and acceptance of it, how different are duty and conscience in this function?"¹⁷⁹ Hence, duty as external presentation, and conscience as internal awareness. This eternal law, given by Adam and Eve, in a concrete-applied sense is prescribed for execution by the criminal and administrative code, and the crime entails punishment. The crime of the internal law, which is conscience, already entails punishment in the form of deprivation of meaning to life, or insanity. Thus, to live according to conscience means not to tempt God, it means the fear of the Lord that for the believer there is some inner self-evidence. This is what concerns the internal, or sacred, but on the external or secular level, all this is not so obvious. This is the difference between external and internal law. The outer and inner plans can coincide, and then everything is correct. This coincidence is a sign, which indicates loyalty to the chosen path. The external law, the fulfillment of which is imputed as obligatory, is subordinate to the internal law, or conscience, which presupposes such knowledge that every time it is revealed through feeling. External law appeals to reason, to civic sanity, and in this sense it has the same relation to conscience as to spirit. But, as the Scripture says: "If you are led by the spirit, then you are not under the law." When you are not under the law, whether you are doing the right thing or not, according to the law or not according to the law, it does not matter, because the law is not inclined to take this into account, but takes into account the spirit that stands above the law. The spirit, of course, is above the law, because the spirit is active and has creative potential, and the law is passive and is improved by the spirit. It is always useful to learn to distinguish between internal morality and external morality. Conscience, as an echo of the perfect world, acquired by a person who responded to the call, takes a critical position in relation to the imperfection of the world.

"The scheme of moral development of Lawrence Kohlberg," says Apresyan, "is usually interpreted in such a way that conscience, as the ability of moral self-control and autonomous self-determination, appears as an attribute of the highest

¹⁷⁹ Apresyan R.G. Problems of conscience in modern domestic psychological research and the tasks of ethics URL: https://iphrras.ru/uplfile/ethics/seminar/06_02_2018/ruben-apresyan06-02.pdf

stage of moral development, which, judging by the data of numerous empirical studies, is so rare and vague fixed in real individuals, which can only be considered a hypothesis. At the same time, noteworthy is the fact that Kohlberg's scheme of moral development was significantly influenced (and this was confirmed by Kohlberg himself) by the scheme of moral development proposed as an abstract concept by John Rawls (morality of authority - morality of unification - morality of principles). According to Rawls, at each stage the individual is able to experience a sense of guilt, which is not only experienced in different ways, but is also structured in different ways. Does this concept of Rawls give reason to say that conscience, both in functional and in content terms, is in dynamics and at different stages of moral development (or development: the process of moral development is not necessarily complete) conscience manifests itself in different ways? so that along with the "autonomous" conscience can we imagine both the "authoritarian" conscience and the "collectivist" conscience?"¹⁸⁰ In the sense of collective and personal identity, there is a plurality of consciences that can hardly be reduced to a single denominator. As a person changes, the very idea of human nature changes. Since the conscience is free, since there is at least one capable of uttering the cherished: "You are," Rawls's concept is correct. Freedom means, allegorically speaking, that the treasury of human possibilities is inexhaustible, because with God nothing is impossible.

The collectivist conscience proposed by Rawls is an aspect of Conscience that complements the individual conscience. An individual conscience in its pure form can look like a dream, which, in order to be a deed, must be supported by a word. Hence, the principle of conscience is a religious principle, the meaning of which is to restore the unity of the scattered parts of the coveted whole - be it countries, peoples, times. Whatever it is, authoritarian or collective, the conscience always speaks of some unity that is lost outside, but preserved inside, and the task is to reunite with the One, to atone for guilt. But in view of the interests of private

¹⁸⁰ Apresyan R.G. Problems of conscience in modern domestic psychological research and the tasks of ethics URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/06_02_2018/ruben-apresyan06-02.pdf

individuals or groups of individuals, we are dealing with a perverted slandered conscience. The powerful of this world are trying to hide conscience, but it is an internal law that is not subject to power. Conscience goes beyond rational comprehension. In the process of cognition, a person is cognized as a person, which includes the limitation of his "I" in the infinity of "You are". According to R. G. Apresyan, "the analysis of questions of this kind leads to the need to rethink the established models of the correlation of conscience, shame and fear, conscience and duty, conscience and dignity."¹⁸¹ Indeed, such a revision should accompany the entire life of philosophers, who are obliged, based on ideas about the eternal, to respond to a constantly changing external environment.

The following remark made by R. G. Apresyan is very interesting: "Conscience is usually viewed as an internal judge and, in this sense, as an ability of self-esteem. Judging by the literature (and this, by the way, was noted by Volovikova and Mustafina based on the results of the research), the function of "anticipatory reflection", a warning, is also associated with conscience. In this sense, conscience appears not in the function of self-assessment, but in the function of self-determination (prescription or retention). This possible perspective of conscience brings us back to the first of the questions posed here and more actualizes the doubt that conscience is a special moral ability, along with others, and not another - in the language of morality itself - the designation of moral consciousness. The mysterious nature of conscience cannot but arouse extreme interest, since, as it was rightly noted here, it can appear as an "anticipatory reflection". In principle, this reflection can be assessed in different ways and what it will be at one moment or another depends on how it is assessed, therefore its nature is, in principle, elusive, hidden, mysterious, and so on. Any attempt to fix the conscience is doomed, because conscience allows only subjective knowledge, which, unlike objective consciousness, is individual ignorance, or individual unconscious. Hence, ignorance of conscience presupposes the discovery of the fundamental groundlessness of all knowledge. Objectification,

¹⁸¹ Apresyan R.G. Problems of conscience in modern domestic psychological research and the tasks of ethics URL: https://iphrras.ru/uplfile/ethics/seminar/06_02_2018/ruben-apresyan06-02.pdf

passes into the phase of conciliation. Moreover, conscience, like nothing, calls into question both the knowing one and the questioner himself. In this regard, the question is raised about the possibility of knowing conscience in principle. The status of the subject of conscience is illusory and fickle. It can be both insane and untranslatable into the language of the external, everything that is not me, the world, or internally reliable, provided it is secret. The cognized one is cognized as a thing-in-itself.

Chapter II: The heroic topic of a clear conscience

The second chapter is devoted to the development of practical solutions to the problem of conscience. Conscience, as the principle of co-presence, co-existence, is the principle of the connection between the human and the superhuman. Since being is associated with conscience, a person has tremendous potential. Our task is to reveal the meaning and significance of conscience for human life. Human nature should not be isolated from nature in principle, because this leads to a conflict of soul and body, and spirit. Since spirit and body are opposite principles, the soul, or soulfulness as a principle of conscience, presupposes a compromise, finding harmony between the hated principles. Well, we have to find out the nature of this concern, what is conscience.

Being disturbed, the soul shows rebellion, and, consciously or unconsciously, needs peace of mind, seeks unity not only with God, which is the highest spiritual principle (theocentrism), but also with the world around it, with the same mysterious nature, which, understood pantheistically, there is also God (cosmocentrism). The frantic impetuosity of the soul is subject to careful consideration. If, according to the theory of creationism, man is a creature, or a slave, then, paradoxically, he is a rebellious slave. If a person is realized as a creator, then, being a kind of sedition towards the Creator himself, he strives for immortality, for re-creating himself, which is the principle of Luciferian anthropology. H. P. Blavatsky, in her characteristic manner of religious syncretism, reports: "Lucifer - the Spirit Carrier of Illumination and Freedom of Thought - is metaphorically a leading beacon that helps a person find his way through the reefs and shallows of Life, for Lucifer is the Logos in his highest aspect and".¹⁸² The adversary is "at its lowest - both of these aspects are reflected in our Ego." Hence, the mutual conditionality of the constructive and destructive in the human psyche is understandable. However, the main trouble, or, conversely, victory, is that the pioneer is never prepared for what

¹⁸² H.P. Blavatsky Secret Doctrine Vol. 2 S. 7 <https://ru.teopedia.org/lib/E.P.>

awaits him around the bend on an unknown road. To work with this force, it is necessary to skillfully separate “earth from fire” and “subtle from gross,” according to the rule of hermetic philosophy.

In the journal *Russkaya Mysl*, in the January issue of 1917, Vyacheslav Ivanov wrote the following: “Lucifer (Dennitsa) and Ahriman, the spirit of indignation and the spirit of corruption, are two beginnings fighting against God in the world, dissimilar, although connected by mysterious relationships different persons of the same force, acting in the “sons of opposition”; her name is the same: Satan. <...> These two persons show themselves in separation and mutual denial, look in different directions and contradict one another, but they cannot independently determine themselves separately and are forced to seek their essence and find it with horror - each in its opposite, repeating in itself the abyss of the other, like two empty mirrors pointed one at the other.”¹⁸³ Since insights and obscurations are interconnected, they constitute alternating states in the dialectical development of the human personality.

According to the well-known formula stated in the famous novel by V. Hugo by the alchemist priest Claude Frolo “It will kill That”, we can say that, indeed, it (rationalism, modernity, the spirit of commerce) killed That (sacred time, sleep time, mythopoiesis) that Vyacheslav Ivanovich Ivanov called “the heroic at times of direct individualism.” In order to better understand what this is, one must understand what that is. Jean Baudrillard wrote in his essay “The Perfect Crime”: “Why do we decipher the world, instead of letting the illusion shine in its entire splendor? - This is also a mystery; how mysterious is why we can't stand mystery. Agreeing with the world is the reason why we cannot bear illusion or pure manifestation.”¹⁸⁴ According to Baudrillard's logic, in order to “let the illusion shine in its entire splendor,” while the illusion here is not *arche*, but *anarch*, expresses the total absence of the power of the beginning, it is necessary to stop deciphering, rationalizing the world. What caused our habit of rationalization, fear, necessity? It is this agreement or

¹⁸³ Ivanov V.I. *Native and universal*, M.: Respublika, 1994, P. 312

¹⁸⁴ Baudrillard J. *The Perfect Crime*, <https://www.chaosss.info/sovprestup/>

disagreement with the world that is the reason why we cannot return to the “heroic era of direct individualism”. In his article “The Idea of Rejection of the World” Vyacheslav Ivanov characterizes this worldview paradigm as follows: “Christ revealed the idea of rejection of the world in all the antinomical fullness of its deepest content. He orders “not to love the world, not everything in the world” - and he himself loves the world in its concreteness, the world of “neighbors”, and the world around and immediately closes. <...> He says that His Kingdom is not of this world - and at the same time proclaims that it is "here, among us." He yearns in the world, because "the world lies in evil," but every moment he accepts evil himself and restores the true world.”¹⁸⁵ We cannot decide to accept the world for us or reject it for the sake of the spirit, but every time we rush before a choice, this “or” should be replaced by “and”, which, according to this logic, should help solve the dilemma. H. P. Blavatsky wrote: “Paul's cautious hints were all esoteric, and it took centuries of scholastic casuistry to give them a false color in their real interpretations. The Verb and Lucifer are one in their twofold aspect; and the "Prince of Air" (*princeps aeris huius*) is not the "God of that period," but an eternally existing principle. When it was said that the latter revolves eternally around the world (*qui circumambulate terram*), the great Apostle simply meant the never-ending cycles of human incarnations, in which evil will always prevail, until humanity is redeemed by the true divine Illumination, which one gives the correct knowledge of things”.¹⁸⁶ In this sense, the matter of conscience is the matter of the religious transformation of man and humanity.

In order to test conscience, a person must accept himself in all manifestations and not be afraid of the contradictions that inevitably arise with this acceptance. It is also necessary not to be afraid of dirt, which is, as it were, the otherness of purity (moral plan). The contradictions that arise must be sacrificed to the highest goal of knowledge. The self-affirmation of the external person implies every encouragement

¹⁸⁵ Ivanov V.I. *Native and universal*, Moscow: Respublika, 1994, P. 53

¹⁸⁶ H.P. Blavatsky *The Secret Doctrine* Vol. 2 Part 2. Sect. 5 [https://ru.teopedia.org/lib/Blavatskaya_E.P._-_Secret_Doctrine_\(translate_EIR\)_t.2_ch.2_otd.5](https://ru.teopedia.org/lib/Blavatskaya_E.P._-_Secret_Doctrine_(translate_EIR)_t.2_ch.2_otd.5)

of plurality, expressed in sexual differentiation, in the idea of linear time. The inner world finds its perfect expression in androgyny, genuine harmony, knowledge, soul, as well as in the idea of eternal return that denies the linearity of time. The task of conscience is not to restore the once united world split into worlds, but to, probably, solve the riddle of itself. Because the knowledge of good and evil, the symbol of which is the tree of knowledge, is moral knowledge that forms public opinion, which, according to Nietzsche, is only partial laziness. Therefore, the experience of conscience, co-broadcasting, is some mystical co-experience of people and non-people who are in the power of a plurality, covered by masks of legitimacy, the essence of which is invariably chaos, confusion, anarchy. Vyacheslav Ivanov wrote the following about this: "the mystical socialization of conscience is the decree of conciliarity as a kind of new will, energy and value that is not inherent in any person individually, on a level higher than all the beautiful" humanity "in everyone."¹⁸⁷

¹⁸⁷ Ivanov V.I. Native and universal, M.: Respublika, 1994, P. 112

1. Conscience as a form forming and informing form

Conscience, as a mystical feeling of the One in many, contributes to the awakening of the individual soul, connects a person with the macrocosm, which in turn is the opening of his microcosm. If faith, according to the word of the Apostle Paul, is the fulfillment of the expected and confidence in the invisible, then conscience is a mystical union, conciliarity. Conscience, as a certain feeling of co-presence, co-existence, is a mystery that comes to light as a person approaches the ideal. As a call to care, it turns a person to the universal Adam, the world tree (*Arbor Mundi*), which on the one hand is the tree of life, and on the other hand is the tree of the knowledge of good and evil. According to V. N. Toporov, through the image of the world tree (the roots of which correspond to the underworld, the trunk to the earthly world, and the branches to the sky) "general binary semantic oppositions are brought together to describe the basic parameters of the world."¹⁸⁸ The inner voice can come from the divine into a person, and from the opposite, from Satan, which, as the Apostle Paul testifies, "takes the form of an Angel of light." This circumstance problematizes conscience in a moral aspect, calls it into question. However, perhaps only insofar as man, as a measure of all things, is capable of being questioned, he remains a man. This is his strength and weakness. The main method of the philosopher is not faith, but doubt. Therefore, being free, the conscience is not so unambiguous in its appeals: calling for the utmost honesty, it is between faith and unbelief, knowledge and ignorance. People, in order to preserve themselves, often compromise honesty, as required by everyday circumstances, and this is their, unconditional, right. But conscience is merciless: it requires you to be honest with yourself and with others to the end. Therefore, a man of conscience risks: going beyond the limits of human understanding, he can lose his reason. But even this should not frighten the friends of truth.

¹⁸⁸ Toporov V.N. *Myths of the peoples of the world*, 1987

In modern culture, the concept is popular that proclaims moral relativism, the relativity of good and evil. Ethical relativism is most clearly expressed in the worldview position of one of the main characters of Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": "If there is no God, everything is allowed." This formula fully expresses the idea of man-godhood. In modern culture, the place of a hero, a fighter for justice, is replaced by a trickster anti-hero, whose conscience is invariably clear. Tricksters killed heroism. As a rule, the trickster is two-faced, selfish and blameless, because he is naive in his purity and spontaneity like a child. The death of the hero states the spirit of the times. At other times, it is laudable to be a hero, having given his life for an idea, but today the popularity of the anti-hero trickster testifies to a complete reappraisal of values, preached by the prophet Nietzsche. The figure of the trickster was embodied in the image of a rope dancer, whose goal is to play, to overcome the spirit of heaviness. Hence the trickster is the opposite hero. In other words, the trickster is a variation on the heroic theme, which remains invariably in demand in the context of the life of civilization. The heroic topic of a clear conscience is expressed as the philosophical and poetic style of the trickster hero, who, like a madman, walks along a tightrope with a pole, not afraid to fall into the abyss, towards the mountain world. Courage gives him confidence in the invisible and the fulfillment of the expected, because if he suddenly breaks down, he will be immediately picked up by the angels. The heroic topic of a clear conscience seems to us to be the "immortal soul of Hellenism", which, in the words of Vyacheslav Ivanov, "so recently appeared to us in a dream, separated from its splendid, but perishable form: Dionysus dreamed she was inspired by Nietzsche, this last and tragic humanist who overcame in himself humanism by cunning madness and suicidal frenzy".¹⁸⁹

In the Judeo-Christian tradition, which has had a profound impact on the entire history of Western European civilization, the question of the metaphysics of gender is of greater importance. It is still not entirely clear where Adam was when the

¹⁸⁹ Ivanov V.I. *Native and universal*, Moscow: Respublika, 1994, P. 109

serpent, which is identified with Satan, tempted Eve. Is it possible that having tempted herself, Eve could not tempt Adam, or not? Could Adam not let himself be tempted and not let Eve be tempted? If Eve was tempted alone, it would mean that the feminine principle, Eve, regardless of the masculine. If - yes, then we could talk about two humanities - about male and female. However, the fall of Adam, the knowledge of good and evil, is a symbol of the development of modern civilization. The devil triumphs. But what was Jesus for? The Son of God became incarnate by giving people faith in redemption. He said: "I am the way, the truth and the life; no one comes to the Father except through Me." The figure of Christ implies the possibility of restoring a damaged nature through faith. Jesus is the second Adam because he corrected the damaged nature of the first people - Adam and Eve. The esoteric figure of Christ is androgynous. Christian mystic Jacob Boehme wrote: "Adam was a man as well as a woman, but neither one nor the other, but a virgin, full of chastity, purity and integrity, as the image of God; he had in himself both the tincture of fire and the tincture of light, in the merger of which self-love rested as a kind of virgin center; which we will become like after the resurrection from the dead, for, according to the word of Christ, they do not marry and do not marry there, but live like the angels of God."¹⁹⁰ Attention to the voice of a mystical conscience is listening to angelic singing, which heralds eternal life and fiery hell. Life in God is super-individual and implies participation in earthly life, proceeding from standing before God. A clear conscience is the conscience of the God-man, an expression of the fullness of being. A clear conscience, as a divine state of consciousness, presupposes the achievement of complete self-realization of a person.

The Russian religious thinker S. N. Bulgakov wrote in his article "Heroism and asceticism": "Christian asceticism is continuous self-control, a struggle with the lower, sinful sides of one's self, asceticism of the spirit".¹⁹¹ At the same time, the philosopher regarded "heroism" and "asceticism" as opposites. "Heroism," he wrote, "as a widespread attitude to the world, is not a gathering principle, but a separating

¹⁹⁰ Boehme J. *Aurora, or Morning Dawn in Ascent*. M.: Politizdat, 1990, P. 226

¹⁹¹ *Milestones*, Avalon, St. Petersburg, 2011, P. 81

one, it creates not collaborators, but rivals."¹⁹² The spirit of rivalry is a satanic spirit, since Satan himself is an adversary, an adversary of the One. Hence heroism, in contrast to asceticism, is an anti-Christian zeal. Christian exploit is usually understood as humility, which aims to overcome the seven deadly sins, the main of which is pride, which, according to interpretations, distorts God's plan for man. Therefore, the Christian feat, or asceticism, opposes that feat, which is based on pride, which is mainly expressed as a rebellion against God. Rebellion and humility are two forms of achievement. One presupposes the elevation of the self, the "sinful sides," the other, on the contrary, is a form of struggle with oneself. Nevertheless, fighting against God can be understood as seeking God. For example, D. S. Merezhkovsky, referring to the Book of Genesis, wrote about Jacob's struggle against God, who, while fighting the angel sent to him by God in a dream, nevertheless desired blessings. Thus, fighting against God is a godly deed, because it is performed in the name of the Lord. Lucifer, who is identified with Satan, in this sense is seen as a certain dysfunction of God, which considers itself to be an autonomous force that has declared war on God. A hero of a clear conscience is not a Christian ascetic, but one who challenged the world order and world order, wishing to remake it. A clear conscience in this sense is, first of all, a denial of guilt and, consequently, a denial of the power of "slave morality." A clear conscience in this sense is the principle of knowledge, by which one must understand the mysterious gnosis.

A clear conscience, according to Heidegger, is experienced as the bliss of being in presence and is expressed in the act of becoming divine consciousness, which is a formative form, a certain principle of self-standing, about which E. V. Golovin reports the following: "the concept of information, which has its roots in scholasticism, is not enough who understands at all. Saint Bonaventure and behind him Thomas Aquinas defined information as something that shapes a person from the outside. Nikolai Kuzansky distinguished in a person a form-formant and a form-

¹⁹² Milestones, Avalon, St. Petersburg, 2011, P. 62

informant. Form-formant is an internal form created by a person, an individual. The form-formant has no knowledge; rather, it is a spiritual organism that grows by itself, how and why is not clear. The form-formant is inherent in man from the very beginning; it builds a human composition from the inside. For example, imagine a very cultured and educated person who never studied anywhere and lived in some desert. If he has become like this, this is the action of the form-formant, that is, the principle that acts from the center to the periphery, reaching his soul and body. The informant form is something different; it acts from the periphery to the center."¹⁹³ Conscience in this sense is the "form-formant" that forms a person from the inside. Conscience in this sense is the voice of divine consciousness inside a person, which is opposed to external information, which is associated with power. Foucault believed that power gives knowledge. Hence, the question is whether information gives knowledge that gives power, or is this knowledge of a completely different property? In all likelihood, the answer should be yes. However, referring to Foucault's reasoning, power, in essence, is nothing more than a relationship (of powers), that is, a system, a state, a conscience. The heroic conscience, as a formative form, allows for a violation, a crime, which in this sense is power over time, over nature, over people. This power competes with the absolute power of God.

Self-knowledge is formed at the mystical depth of subjective ignorance. The theme of conscience is connected with the themes of death and the victory over death. In an unusual quest to gain immortality, the hero always challenges the gods and human destiny (as evidenced, for example, by one of the oldest literary texts "The Epic of Gilgamesh"). Therefore, heroism is a form of asceticism on the contrary. From epics and legends, we learn that in order to achieve the goal, the hero defeats the universal monster generated by the sleep of the mind (the devil is one of the incarnations, the expression of the nightmare that the cognizant subject faces). The heroic topic of a clear conscience is a manifestation of a fantastic reality. Sociologically, the aesthetics of rebellion and the heroic pathos inherent in youth

¹⁹³ Golovin E. V. Marginalia to the problem of the "Other" Marginal to the problem of the "Other" | Evgeny GOLOVIN (golovinfond.ru)

seem to be frivolous for adult inhabitants. But in order to seek immortality, breaking the vicious circle of life and death, the hero must be young and cheerful in spirit, which is one of the conditions.

The concept of "conscience" is associated with the concept of "demon", which comes from the ancient Greek "daimonium", which is the closest analogue of our mystical conscience in meaning, which is understood as the co-existence, or state of man and God, implies asceticism, real heroism. According to A. F. Losev, "geniuses, or demons, are lower deities, or spirits, in Greek mythology." In Plato's dialogues, Socrates regularly mentions the demon as some kind of inner voice. Subsequently, this phenomenon became the subject of all-different interpretations and was established in culture as the principle of self-will, free-thinking, which is opposed to public morality (informant form). In the "Post-Law" we read: "Daimons are interpreters; they should be diligently honored with prayers for their good messages. We would say that they know all our thoughts and miraculously greet those of us who are beautiful and good, and hate very bad people as already participating in suffering. Meanwhile, God, who has achieved perfection in his divine lot, is beyond pleasure and suffering and participates in rationality and knowledge in everything".¹⁹⁴ Hence - not every person is "divine", but - one who is "beautiful and good." A conscientious person is divine. The condition for divinity is compliance with its nature, which is virtue.

In the work of Plutarch "On the Demon of Socrates", the phenomenon of "daimonium" is interpreted, for example, as follows: "Just as Homer presented Athena as Odysseus in every work, so the demon of Socrates showed him a certain guiding life image, "everywhere predicting to him, who gave advice and power", in matters unclear and inaccessible to human understanding: in these cases, the demon often entered into an interview with Socrates, communicating divine participation to his intentions." Since the demon appears when a person doubts or is in situations that are difficult for understanding, the demon can be understood as intuition, which

¹⁹⁴ Plato, Laws. M.: Thought, 1999, P. 629

contributes to gazing into an object, the ability to see. Hence, mystical conscience is co-existence, co-presence of the mystical union of man and demon, which in this sense is a hidden human, individual nature. The demon, as some kind of companion, or ally, always warns the thoughts, words and actions of a person, turning him away from everything bad. Therefore, a person should trust the demon as his own immortal essence. Conscience serves as a reminder to a person of the inner world. A genius, or God, cannot contradict himself, because he is reasonable. Plato, referring to the "Works and Days" of Hesiod in the dialogue "Cratylus", reports the following about the mysterious nature of the demons: "they were reasonable, and they knew everything, for which he called them edemons".¹⁹⁵ In our ancient language, this is exactly the meaning of this word. Therefore, Hesiod, as well as other poets, speaks beautifully that a worthy person after death receives a great share and honor, and he becomes a demon, having earned this name with his rationality. That is why I equate every person, if he is a worthy person, both during his life and after death, to these deities and I think that it is right for him to be called a demon".¹⁹⁶ Hence, rationality is characteristic only of those who know themselves.

The image of a demon and a hero is also interconnected, since the hero is one who manifests the highest intelligence and follows the call of his conscience. In the book "Disciplinary Sanatorium" Eduard Limonov describes the process of heroic formation. He wrote: "Without dwelling on the local details of each myth, one can single out the general in the heroic epics of the myth. A man (usually at the age of onset of masculinity) receives a "call" - to perform a feat. He either travels to a distant country, or performs a feat on the spot: he finds a monster (beast, giant, dragon), hitherto exterminating the population with impunity (option: beautiful girls, youths, the clan of the local king), and enters into a duel with him. Having defeated the forces of evil in a bloody and difficult battle, he receives a well-deserved reward: a woman, treasures, land, glory, wisdom ... The myth of the superhero always has a continuation. Closer to old age, he is prepared (by the gods, fate, chance) one more

¹⁹⁵ The trial of Socrates: collection of historical evidence, St. Petersburg, Aletheia, 1997 p. 238

¹⁹⁶ Plato, Collected works in 4 volumes: Vol. 1 M.: Mysl, 1990, p. 632

test, one more "call". He leaves the place of pleasure and goes to the last feat. Usually, he dies in this last battle."¹⁹⁷ Hence, death is a completely natural fate for a hero. Well, what about immortality? In the ancient sense, there is no death in our modern understanding of it. If life in this sense is infinite as a series of metamorphoses and reincarnations, death in this sense is a transition from one state to another. According to Plato, a worthy person, or hero, who repeatedly showed bold intelligence, both during life and after death, deserves to be called a demon, which he, in a mystical way, is.

In the myth of the nymph Echo and Narcissus, who was in love with his own reflection, the nymph acts as a demon for the hero. The tragedy of Narcissus is that he failed to heed the nature of his conscience, his "form of formant." But, on the other hand, this was probably his fate, and in this tragic death, an evil fate played its role, which could not be overcome. The hero, in principle, is a tragic figure, because he challenges the terrible will of the gods (by which one must understand the action of certain objective forces). In this sense, the nymph, as a kind of "formant", is the mysterious inner content of the hero, which became his destiny. Since the essence of a nymph is an echo, a reflection, it is simply possible to love her only through the denial of those meanings that predetermine our earthly existence, therefore this kind of beautiful love is always tragic, as evidenced by ancient myths. In general, everything that is genuine, beautiful, heroic is always tragic. But even understanding the immutability of this strange law does not prevent young hearts from sacrificing themselves again and again on the altar of cosmic love. Indeed, on the other side of tragedy, there is a victory, which must be remembered. Hence Narcissus is not in love with himself, but with Echo, which is very symbolic. The mystical union of Echo and Narcissus is a prototype of sublime love, the "blue dream" sung by all true poets. That is why the strange, sacrificial love of Narcissus is a sublime heavenly love. The esoteric meaning of love between Echo and Narcissus is as follows: the nymph became a reflection of the mystical nature of Narcissus, with which,

¹⁹⁷ Limonov E., *Disciplinary sanatorium*, Amphora, 2002, p. 206

following this nature, he fell in love: she became a formative form. This is an element of unearthly origin, not subject to human understanding. The love / dislike of Echo and Narcissus, which became their destiny, is a manifestation of divine will. In reality, love often becomes the cause of external loneliness, the true meaning of which is hidden from the eyes of strangers. "When they live alone," wrote Nietzsche, "they don't speak too loudly, and they don't write too loudly: for they are afraid of an empty echo - the critics of the nymph Echo. - And all voices sound different in solitude!"¹⁹⁸ ... Echo is a reproach to the one who cannot become himself, cannot wake up from sleep for real life. The poet tends to run away from this so-called "real life" into the world of dreams, in which there is salvation and consolation (if, of course, there is). From a critical point of view, a heroic conscience is not a call or a voice, but, like the echo of one's own voice, is, in essence, delusion and delirium. Allegorically speaking, Nietzsche "fought" with the liquid earth (metaphysical sky), which is the homeland for heroes, poets and prophets. This "war with heaven" became the tragedy of his life and destiny. In all respects, Nietzsche is a complex, highly individualistic philosopher. To understand him, you must yourself take the path to which his "intellectual conscience" calls out: become who you are.

Plutarch wrote: "Socrates recognized people who said that a divine vision had been revealed to them as deceivers, and those who spoke about a certain voice they had heard were treated with respect and questioned attentively. <...> The demon of Socrates was not a vision, but a sensation of some voice or contemplation of some speech, comprehended in an unusual way, just as there is no sound in a dream, but a person has mental representations of some words, and he thinks that hears the speakers. But other people even in a dream, when the body is in complete tranquility, feel this perception more strongly than listening to actual speech, and sometimes in reality the soul is barely accessible to higher perception, burdened with the burden of passions and needs that lead the mind away from concentration on the manifest."¹⁹⁹ Plutarch emphasizes that conscience is an inner voice that can address

¹⁹⁸ Nietzsche, *Gay Science*. Evil wisdom. Moscow. Eksmo. 2007, P. 214

¹⁹⁹ The trial of Socrates: collection of historical evidence, St. Petersburg, Aletheia, 1997, P. 244

a person's "I" in reality and in dreams. At the same time, the most unreal, fantastic images, fears and desires also come from dreams. Plutarch says: "in essence, we perceive each other's thoughts through words, as if by touch in the dark: and the thoughts of demons shine with their light to those who can see and do not need speeches and names."²⁰⁰ Hence the fantastic ability to capture the thoughts of another, or telepathy, is demonism, which is associated with the presence of conscience. People worthy of the demonic title have psycho-social significance. The need for conscience is a prerequisite for true progress. Therefore, only to the extent that a person knows himself, participates in the truth, he knows another. According to Protagoras, the measure of this knowledge is man. Hence, Protagoras can be considered the father of the anthropocentric method. Pythagoras, as reported by Diogenes Laertius, perceived "demons" as follows: "all the air is full of souls, they are called demons and heroes, and from them dreams are sent to people, signs of ailments or health."²⁰¹ From this point of view, the answer to the rhetorical question "Why do dreams?" it is quite obvious - dreams are dreamed in order to give us a sign, clues. Thus, demons are guides, stalkers, intermediaries between the worlds. But not everyone is able to perceive the influence of the demonic principle. Plutarch believed: "the speech of demons, spreading everywhere, meets an echo only in people with a calm disposition and a pure soul; we call such people saints and righteous."²⁰² Each of Socrates's disciples was a righteous person insofar as his soul yearned for that divine light, demonic knowledge, the possessor of which was recognized as the divine Socrates. In order to perceive the demons that live on the subtle plane, it is necessary to clear thoughts, calm down. Many ancient philosophers believed that such purification was facilitated by engaging in philosophy.

It is generally accepted that philosophy, as a kind of life practice, begins with surprise, doubt about the evidence. The condition for this practice is what Nietzsche called "intellectual conscience." Mamardashvili was surprised that there is "at least

²⁰⁰ The trial of Socrates: collection of historical evidence, St. Petersburg, Aletheia, 1997, P. 245

²⁰¹ Diogenes Laertsky, On the life, teachings and sayings of famous philosophers, M.: Mysl, 1979, P. 340

²⁰² The trial of Socrates: collection of historical evidence, St. Petersburg, Aletheia, 1997, P. 245

somewhere, at least once, at least someone, for example, has a conscience. It is not its absence that surprises, but the fact that it exists - said the philosopher."²⁰³ Conscience, understood in its true philosophical meaning, is perceived by us as a miracle, which, as an inner certainty, is opposed to certainty. The heroic conscience is accomplished in spite of objective circumstances, which are always a challenge for the hero. Hugo said well about this: "What is conscience? It is a compass among the unknown."²⁰⁴ Conscience is such a magical compass that it helps the hero move to the north, where there is no road. "The Writing Reader" E. V. Golovin wrote: "the soul, first of all, gives to a person knowledge (namely knowledge, not information) about his own space and his own time".²⁰⁵ The form forming in this respect is the soul, and the knowledge that comes in the process of consultation is, in essence, ignorance. The space-time of the soul is that subjective that is revealed as an opposition to the objective space-time. Thus, the soul gives knowledge that totally misinforms about external processes, but forms its own time and its own space, the knowledge of which is the goal of the conscientious subject.

²⁰³ Mamardashvili M., Necessity of oneself. Lectures. Articles. Philosophical Notes. M.: Publishing house Labyrinth, 1996, P. 212

²⁰⁴ Big book of aphorisms. - Rostov n / a: Vladis Publishing House, 2001, P. 413

²⁰⁵ Golovin E.V. Approaching the Snow Queen, Arktozea, 2003, P. 135

2. Rebellious foundations of "clean" and "unclean" forms of conscience

In the esoteric natural philosophy of the Renaissance, the soul was perceived as an integral part of the human microcosm. Golovin wrote: "Despite the widespread opinion, the microcosm is by no means a" mirror repetition of the macrocosm"²⁰⁶, but a system totally hostile to the universe accessible to perception." It is impossible not to note the real originality of this thought. If, according to popular belief, the macrocosm, understood as the expression of certain objective forces, is reflected in the mirror of the microcosm, then this hostility is an affirmation of the rebellious microcosm. In this respect, the inverted pentagram is the symbol of the rebellious microcosm. This sign is actively used to this day by the "Church of Satan", the founder of which is the famous "villain", eccentric philosopher mis-anthropologist Anton LaVey, in his "Notebook of the Devil" wrote the following: "The spatial concept gives the Combination three dimensions; the Fourth is nothing else, like time. After the three dimensions have made the correct combination, the fourth can be added. All "supernatural" phenomena occur in the fourth dimension, therefore, in each case, the spatial and physical limitations of the three dimensions must make up a certain Combination in order to produce the above phenomena".²⁰⁷ Thus, a person in space is cognized only through limitations, correct understanding, or, if you like, the feeling of which makes it possible to somehow influence reality. This is comparable to what gives a person his "intellectual conscience", in which individual space and time is cognized, which in this respect is a holiday with a capital letter. In the article "Holiday and Risk: Creativity of Life," post-graduate student P. A. Schuplov wrote: "A holiday is a break with everyday life, its opposite. The ordinariness determines the existence of the holiday, and vice versa - the holiday is conditioned by the ordinariness. Opposites condition each other".²⁰⁸ The holiday

²⁰⁶ Golovin E.V. Approaching the Snow Queen, Arktogetya, 2003, P. 172

²⁰⁷ LaVey A. Sh. The Devil's Notebook, 1992, Read "The Devil's Notebook" - LaVey Anton Sandor - Page 8 - Litmir (litmir.me)

²⁰⁸ Schuplov P. A. Holiday and risk: creativity of life: Collection of works. - Saratov: ITs Nauka, 2014, P. 102

involves a breakthrough into the sphere of the sacred. However, this breakthrough profanes the sacred, the power, and therefore is a revolution. A holiday is a breakthrough, a feat, a revolt. Since the holiday and everyday life are only conventions that we take for granted, the sacred and profane are also a certain convention that must be resolved in favor of the one and the present. Contradictions must be resolved. Individual time must become social, and social time must become individual. The microcosm revolts so that social, external time should be subordinated to the individual, matter should be subordinated to the spirit, and the soul should be free. Associated with the idea of individual time is the fantastic idea of time travel, which implies an endless celebration of life. If the “grain” of the microcosm is the individual will, then the macrocosm is opposed to it as fate, the principle of which is some causal relationship. Hence the relationship between the microcosm, or the formative form, and the macrocosm, or the informing form, is very contradictory.

The microcosm revolts against the power of necessity and irreversibility, the real alternative to which may be necessity or reversibility. The microcosm, as a natural-philosophical definition of man, has an inner center of the heart. Through rebellion, a person seeks to awaken from the eternal sleep in which he dwells throughout life. Awakening, as a certain state of the soul, or consciousness, is a universal property of a spiritualized person. A heroic deed is an uprising in the name of victory over death, in the name of joy and happiness, and also for the sake of social equality and supreme justice. A rebellious conscience is rebelling against the world's lies, against double standards, each time raising the question of human nature to a new level. Camus wrote: “a metaphysical rebellion is a man's rebellion against his destiny and against the entire universe. This rebellion is metaphysical as it challenges the ultimate goals of man and the universe. The slave protests against the fate prepared for him by his slavery position; the metaphysical rebel protests against the destiny prepared for him as a representative of the human race. The rebel slave claims that there is something in his soul that does not reconcile with the way the master treats him; the metaphysical rebel declares that he is deprived and deceived

by the universe itself."²⁰⁹ Man's rebellion is directed against himself and in the name of himself - that himself, which he really is according to his own project of being. Thus, man rebelled against the very conditioning of being, the limitations of the earthly and heavenly. Human nature is contradictory.

In the work "Man, State and God in the Philosophy of Nietzsche", Professor B. V. Markov wrote: "Nietzsche, criticizing morality, following Hegel, shows that in culture" triumphs" - slavish or - "unhappy consciousness", "bad conscience". Those who did not dare to risk their own lives by voluntarily giving up freedom."²¹⁰ As a result, the traditional centuries-old culture, its pure and unclean conscience and complacency are put under attack, and the person himself begins to be understood as some kind of gamble. A clear conscience as an inalienable right and property of the race of masters and an unclean conscience of slaves, theoretically, is one conscience, conditionally divided. The traditional culture associated with the rule of masters, and with it a clear conscience, since the 19th century, has been attacked by the culture of slave consciousness, which gave rise to a counterculture, which is expressed in the idea of permanent rebellion, which is directed against the culture of a clear conscience that gave birth to it. The so-called culture of a clear conscience is, in this respect, an individual-demonic, aristocratic culture related to the sphere of the sacred. Counterculture, being a product of a culture of an unclean conscience, rebelled not only against the culture of slave consciousness, but also rebelled against itself and, ultimately, against the culture of a pure conscience, trying to penetrate into the sphere of the sacred in order to desacralize it.

Today, the aristocrats of the spirit are lone heroes, or partisans, whose goal is one - to free them and the same partisans. Hence, the "partisan" is the figure of the aristocrat of the spirit, whom we conditionally call the heroes of a clear conscience, because they, as anarchist heroes, in essence, are the bearers of a heroic conscience, which is always a criticism of not only the authorities, but also bourgeois values. In modern conditions, more or less the same everywhere, lonely partisan fights for a

²⁰⁹ Camus A. *Rebellious Man*. Philosophy. Politics. Art. M.: Politizdat, 1990, P. 135

²¹⁰ Markov B.V. *Man, State and God in the Philosophy of Nietzsche*, St. Petersburg: Vladimir-Dal, 2005, P. 213

metaphysical holiday, for the day of victory, which comes when one succeeds in outwitting nature, which as you know loves to hide. Thus, historical riots, revolutions can be viewed as metaphysical wars for the holidays of the awakening of life. The metaphysical rebel revolts against his own one-day life, believing in this his triumph. Thus, the historical man is at war with nature, wanting to subjugate it to himself and not wanting to obey it. This relationship between man and nature can be viewed in the context of the relationship between the slave and the master. However, in the highest sense, these are only conventions: the slave is the master, and the human, private consciousness is the highest divine consciousness. Nature, which is expressed in terms of space and time, is sacred. A pre-established harmony reigns between man and nature, which is violated when a rebellion begins against arbitrariness, which is worldly power. In material terms, the first revolt, as a result of which the idea of a specific human nature arose, is the establishment of the power of private property. Hence, the official culture of power is opposed by a revolutionary counterculture. Counterculture in this respect opposes itself, because it poses a danger to power, which itself, as Foucault noted, is nothing more than relations, the power of plurality, or - the power of the devil.

Counterculture, as the culture of lone guerrillas, is the flip side of official culture, against the imposition of false values of which it revolts. Rebellion is not an end, but a means of achieving the holiday. The highest "divine" power is power over the time. The overthrow of the highest power is tantamount to the victory over the power of time. Camus wrote: "in the sacralized world there is no problem of rebellion, just as there are no real problems at all, since all the answers are given once and for all. Here myth takes the place of metaphysics. But man is rebellion and questioning - until he entered the sphere of the sacred and then when he left it, although he inquires and rebel in order to enter there or leave it."²¹¹ The sacred world is the world of knowledge and, therefore, the power that gives knowledge. A clear conscience turns into a mode of presence in the sphere of the sacred. But in this

²¹¹ Camus A. *Rebellious Man*. Philosophy. Politics. Art. M.: Politizdat, 1990, P. 133

sphere the ghostly nature of man is revealed, in this sphere the human body, his personality, his fate, his soul is called into question. Therefore, getting into the sphere of the sacred, a person rebelled in order to leave it. Hence, the "sacralized" is, in essence, that which is not understandable and inaccessible to human understanding. Nature says that nothing is impossible, nothing is irreversible. But a person understands that he is different, he is a stranger, and so on. By entering and exiting the sacred, a person is cognized as a being with free will, but, nevertheless, not perfect. In the process of rebellion inherent in a human being, a person is cognized as a process and an aspiration. But man is not homogeneous. Time is truly sacred for him, which gives an objective, divine consciousness. But this consciousness does not belong to him; it does not belong to anyone. The Russian revolt is directed against the golden rule of power "who is stronger is right," and therefore has Christian roots. The desire to transcend the realm of the divine is inherently a heroic rebellion against the foundation of the foundations. A person's attitude to this order is dictated by his own disorder at the same time. Man acquires this divine simultaneity, which is the knowledge of contradictions, following a sense of conscience. Hence, the next conscience must be ready to take on the whole burden of contradictions existing in him, in order to subsequently turn it into lightness.

Socially, conscience is often understood as synonymous with shame. But this is far from the truth, since conscience can act in spite of shame. Conscience is the highest inner feeling of "how it should be, how it should be". Being autonomous, it is opposed to authorities, even authority over "I". In C. G. Jung's work "Conscience from a Psychological Point of View", conscience arises as a result of "deviation from a custom that has taken root through long-term use, from a generally valid rule."²¹² The reason for conscience in this sense is rebellion. Demonic natures cultivate the development of the second nature, finding a sense in this, which indicates a deviation from the norm. Conscience, capable of generating the second nature of a person, or revealing it in the mirror of conceit, is thus a reaction. But the revolt, in turn, is also

²¹² Jung K. G. Analytical psychology: past and present, Publishing house: Martis, 1995, P. 209

caused by conscience, but this conscience is of a different nature, this conscience is pure. If «the voice of conscience is the voice of God, then its authority must certainly be higher than that of traditional morality».²¹³ Thus, the rebellion is driven by providence. As the basis of morality, conscience is above all morality. Jung rightly noted that "depending on the conditions" conscience "is called a demon, a genius, a guardian angel, a "better self", and an inner voice, an inner or higher man». In the context of a particular tradition, conscience invariably accompanies like a kind of shadow, or a mediator, connecting the fragments together and transforming the parts into something whole - into objective consciousness. Conscience is responsible for the formation and personality. The process of conscience is a consultation; the way of being is spontaneity. Conscience is related to the words "advice", "veche". The process of conscience involves searching, doubting, thinking, and finding. If faith is a principle of religion, then conscience is a principle of philosophy. Actions committed according to the eternal call of conscience can be condemned by a moral code rooted in the psyche of a person who hypocritically pretends to be conscience, but they can also correct the moral code itself, format the psyche.

Conscience is spontaneous - it is generated directly in the process of its own discovery. Spontaneity implies childishness. The New Testament says: "If you do not turn and become like children, you will not enter the Kingdom of Heaven." Christianity is not a religion of weakness, but a religion of strength. This force, creative in its essence, is called "conscience." According to the Apostle Paul, he who hears the conscience is not under the law, but led by the spirit. In this sense, conscience is above the law. In the Christian sense, conscience subordinates the chaos of desires to the desire for the Kingdom of Heaven. Since Christ is "the truth and the way," he is also the conscience. He gives light to those lost in darkness. But what does it mean to be like children - does it not mean to become insane or naive? Is this not a cunning deception or a "trick"? One way or another, but adults are to blame, children are always innocent. In this sense, children are more likely to have

²¹³ Jung K. G. Analytical psychology: past and present, Publishing house: Martis, 1995, P. 209

that clear conscience that connected the prophets with their lord and people. In childhood, conscience is taken for granted, but as we grow up; it is forgotten and replaced by guilt. An appeal to conscience helps to see the nature of time and timelessness. Since “we all come from childhood,” childhood, as a certain state of mind, gives a chance of salvation. Thus, reversibility is, first of all, temporary reversibility - we must be remembered by children. To remember means to wake up, this is the achievement of will, faith, but not conscience. Awakening involves a cleansing of conscience and, as a result, a clear conscience. Therefore, it, awakening, is a holiday that is always with you. At the psychological level, childhood is immediacy in thinking, spontaneity in behavior, impartiality in judgment. Childhood is like animality in its holy purity, and therefore a clear conscience can be understood as the conscience of a child, or an animal, and it is to it that our unclean conscience calls us. Hence, a clear conscience, as clarity, wakefulness, awareness is the goal, the means of achieving which is an unclean conscience, doubt, endless reflection *pro et contra*, which gives a person a chance, but does not give any guarantees.

Conversion to childhood presupposes victory over time, which is a miracle. Conscience, in religious sense, as *a still small voice*, to which Mamardashvili drew our attention, is also a miracle. In this sense, an adult, mature personality, as a rule, does not perceive a miracle, and therefore is subject to aging and death. But to the extent that an adult remains faithful to childhood, it is immortal. This is the principle of faith. Conscience in this sense is a miracle. Any conversion is a kind of mystery. True faith, from a psychological point of view, can be interpreted as the death drive - a phenomenon considered by Freud in *Beyond the Pleasure Principle*. Faith that presupposes a miracle is a reversibility that works bypassing irreversibility, a necessity that exists outside of necessity. Faith opposes the evidence of death and, thus, presupposes immortality, as well as eternal life for children, but not for adulthood. A man without God is only a corpse - God spiritualizes and enlightens the human body. Seeing, knowing, understanding this gives him, according to the Apostle Paul, confidence in the invisible. Thus, the conscientious phenomenon is present in two forms of conscience. A bad conscience is characteristic of adulthood.

A bad conscience is the voice of a dream, not killed, but exchanged for the cheap and dangerous pleasures of the world. A clear conscience is characteristic of children, the inhabitants of the Kingdom of Heaven. A clear conscience knows neither the shame nor the shamelessness that is characteristic of adulthood. Childhood in this sense is inspired.

Judith Butler in "Circles of a Bad Conscience. Nietzsche and Freud" asked the question: "Why does the body, imposed on itself, become the figure of what it means to be conscious of itself as being?"²¹⁴ The body, imposed on itself, symbolizes the androgyne - a being combined in male and female hypostases. The figures of the conscious being are androgynous, they are masculine and feminine hypostases of the soul, anima and animus at the same time. Since divine human bodies are sexless, they are immortal. The Gnostics have written extensively about this. However, the imposition of the body upon itself presupposes the initial duality of the body. The body here means the subtle body of the soul. This duality is achieved through the separation of the soul. This experience is not very pleasant, but rather the opposite. However, it is a necessary condition for comprehending oneself, one's unique ability to be. This intercourse, the union of disparate parts of the soul, gives a unique integrity to man, which makes it possible to conduct himself and represents, according to Jung, conscience, and is also a source of human transformation. Thus, the union of the soul, the union of a person is presented as divination, which in this sense is the practice of conscience, consultation. Hence it follows that the figure of cognition is understood as one in a multitude, a multitude in one. A prerequisite for obtaining the experience of conscience is the reverse connection, the restoration of consciousness, split artificially for the purpose of cognizing conscience. Cognition here is tantamount to birth. Switching back on is like awakening, without which no positive experience can be produced. In the case of fatal irreversibility, when an individual divided in two cannot or does not want to be included in objective reality, he becomes an outsider, or crazy. In the absence of reverse inclusion, dissolution

²¹⁴ Butler J. The psyche of power, Kharkov: TsKhGI, St. Petersburg, Aleteya, 2002, P. 60

occurs in a dream, which can also be considered as an esoteric practice and path. However, the principle of reversibility presupposes the possibility of return, and an eternal one. If “the body superimposed on itself becomes the figure of what it means to be conscious of itself as being,” as Butler wrote, then the body that is not superimposed on itself does not become the figure of conscious being. Thus, the figure symbolizing being aware of itself is a figure at first split, but later restored. Hence, the primary is decomposition, separation. But the condition of being is to compose oneself. If the decomposed body of consciousness is not restored, then there is no consciousness, but the spontaneous baseless existence continues. Thus, the androgyne is a figure of conscious being, a microcosm. According to the natural philosophical approach, the human microcosm is cognized in the unity of its many constituent parts: “the body of glory, the free stellar double (astral body), the quintessential androgyne, and the lunar (the body of dreams), the physical body, the passive body (the body of death). This scheme was given by Giambattista della Porta.”²¹⁵ Thus, decomposition presupposes gathering.

Further J. Butler wrote: “violence lays the foundation of the subject.” The separation of soul and body, which enables the subject to be, occurs, albeit voluntarily, but violently. However, sacred violence, which is accompanied by bliss, is not violence in principle, since it is carried out with the consent of the “victim”. The thirst for knowledge, the call of being, gives rise to this violence. Theoretically, the problem of violence is solved through the elimination of subjectivity, through objectification, through the transformation of an end into a means. Related to this is the problem of totalitarianism: having made violence total, is the problem of violence resolved in this way? A clear conscience, this divine body of consciousness, is always voluntary and unapproachable. A clear conscience, objective consciousness, as an awareness of the possibility of each moment, presupposes action. Conscience presupposes the detection of contradictions, their consistent removal through acceptance and assimilation, or, as P. D. Uspensky believed,

²¹⁵ Golovin E.V. *Approaching the Snow Queen, Arktogeta*, 2003, P. 170

"contradictions visible one after another do not seem to be contradictions, they must be seen simultaneously."²¹⁶ The path of ascent to a certain objective consciousness runs through madness. Objective consciousness implies the identification of oneself and the destruction of contradictions.

Judith Butler asks "to the extent that a bad conscience includes turning against itself, [includes] a body returned to itself, how such a figure serves the social regulation of the subject and how we might understand this most fundamental submission without which no real subject can arise?"²¹⁷ In social terms, such a figure of a conscious being plays the role of a certain charismatic leader, a guide-stalker, who is called a "teacher" since the experience can be passed on to students. In this way, the awakened ones contribute to the awakening of others, and, thereby, indulge the moral progress of society, which in this sense is a macrocosm. The self-directed body of the soul strives for the stars. These figures can be called demons, geniuses, creatures, the question of the nature of which was touched upon by us above when analyzing some fundamental moments of ancient philosophy for understanding what conscience is. Often these figures are considered marginalized, which in turn testifies to the tastes and mores of society. Society, as a kind of organization of consciousness, is a macrocosm, which, according to the idea of a rebellious microcosm, is opposed by man. Each, in accordance with the revealed nature of his "I", as well as in accordance with his capabilities and talents, contributes to the microcosm, establishes a connection with the rhythms of the universe, or rebel against his own limitations. Realized free will presupposes self-destruction. But if it occurs with the aim of becoming, it is consciously dialectical, it is subordinate. It is much more important to listen, conscience, which implies an intelligent feeling of every single moment. Conscience is the element of contradictions, the discovery of which is required for the discovery of objective consciousness, which is the highest goal of any genuine conscientious practice. Therefore, the common cause of mystics-teachers is the awakening of the entire universe (macrocosm and

²¹⁶ Uspensky P. D. Conscience: Search for Truth, P.40

²¹⁷ Butler J. The psyche of power, Kharkov: TsKhGI, St. Petersburg, Aleteya, 2002, P. 60

microcosm), which, according to the teachings of P. D. Uspensky, is the achievement of objective consciousness. But if, according to Butler: “the social generates the psychic in its very creation - or, more precisely, as its very creation and creative force”²¹⁸, then “objective consciousness” will be simultaneously the consciousness of the social organism, the macrocosm, and the consciousness of the individual, the microcosm. Thus, the conduct of a clear conscience presupposes simultaneity, in which such an objective consciousness will be achieved, which unites the social and the individual. The pre-established harmony will be achieved when the slave stops rebelling against his share, against his fate, when he accepts it humbly. When the master stops getting drunk with power, when the real power becomes the property of the best people, aristocrats and philosophers, when the slaves and the masses dissolve, then the conscience will be invariably clear, the consciousness is objective, the time is unraveled. Therefore, one should not categorically and unequivocally neglect the strategy of collective welfare for the sake of individual salvation, and vice versa. Since one does not exist without the other, or even one is an inversion of the other, and - on the contrary, insofar as neither one nor the other, but there is something third that connects the poles, tearing off the veils of contradictions, the social and the individual must be united.

²¹⁸ Butler J. The psyche of power, Kharkov: TsKhGI, St. Petersburg, Aleteya, 2002, P. 60

Chapter III. Existential eschatology of conscience

As a unique philosophical and anthropological problem, conscience appears to be a cross-over phenomenon, since it contains different paradigms of worldview. But one can talk about various psychotechnics of conscience, inherent in one or another cultural paradigm, or it is possible to recognize that conscience is by means of which it unites and separates in consciousness, that is, is formed. In this sense, conscience turns us to pure nothingness, which is understood as a part of being. If we consider conscience without connection with the sphere of the sacred, to which nothing belongs, then the nature of conscience, which corresponds to the concept of human nature, cannot be revealed in principle. Therefore, conscience is not shame or shamelessness, but something completely different, which it points to. Hence, conscience appears to be a connection with the transcendental world, the idea of which is already embedded in the consciousness of a person a priori. Actually, our task, as philosophers-anthropologists, is to reveal the nature of the connection of these relations with nothing, thanks to which self-knowledge is carried out. As an individual-demonic supersensibility that precedes experimental knowledge, conscience is the knowledge by means of which existence is carried out. Knowledge strives to be manifested, since life, as Anton LaVey said, is the greatest mercy, and death is the greatest disfavor. Hence, life, or being, is a certain place of action in which the Absolute Spirit is realized. Spiritual life appears to be a war of certain forces, opposite values. In this sense, a great responsibility is entrusted to a person, his project of being depends on his choice for one benefit or another. Until now, man has chosen a draw. But the situation is changing, because a new anthropological project - posthuman - is entering the arena. Thus, the person is questionable. Heidegger, pointing out the fundamental nature of the connection between being and nothing, believed that human nature is preserved due to the existence of a person in nothing. Therefore, as soon as reflection, existence ceases, and the conditional "posthumanity" begins, a person will accept the seal of the beast. But for now,

conscience testifies to presence, which can be replaced by total absence. As soon as conscience is replaced by a law or a chip sewn under the cerebral cortex, humanity will cease, there will be no free will, and the classic "to be or not to be" will lose its meaning. In the context of Christian eschatology, such an end to history is the Apocalypse, the Last Judgment. As a function of our individual unconscious, conscience connects us with objective consciousness and thus turns us to the pictures of the Last Judgment, which are the autochthones of consciousness. Similar to intuition, an intellectual sense of conscience separates and unites a person's being, making him understand something. This is the fulfillment of the terrible prophetic power of Nietzsche, who said that man is something that must be overcome. Man is eternal overcoming, and where the transgression ends, man also ends. One way or another, everything depends on the person, therefore the strategy of individual salvation must be replaced by the strategy of collective salvation, because collective salvation is the individual salvation of many. Hence, conscience helps to understand being, which is capable of questioning a person. But what do we mean by man?

In the final chapter, conscience, as the strongest fundamental inner feeling that communicates its presence to a person in the absence of oneself, is considered as a basic and key existential that helps a person understand something that radically opens up everyday profane vegetation.

1. The problem of "double tightness" in the Western Esoteric Tradition

Immortality is the cherished dream of all mankind. The progress of humanity has as its real goal the liberation from the dictatorship of time. At all times, the question of human immortality has worried the minds of the best people. Ludwig Feuerbach wrote: "if there was no reproduction, there would be no death, because in reproduction this creature depletes its life force".²¹⁹ By "this being" is meant a human being. Self-reproduction through sexual reproduction is not just meaningless, but leads to death. The above quote reproduces the logic of Adam, the first person to remember the metaphysical homeland. It follows from this that the conscious refusal to reproduce the physical presupposes the possibility of achieving immortality. Many Gnostic sects followed this approach. Feuerbach came to this conclusion through an analysis of the Christian consciousness. Vasily Rozanov, exploring the essence of Christianity in his work "People of the Moonlight", came to a similar conclusion. The ascetic sees sexual differentiation as the cause of death. Therefore, humans and humanity must in some way overcome the fatal sexual separation, reaching the androgynous stage. If life implies death, then life does not imply the absence of all death. But life includes death, which in this sense is not opposed to life in general, but to birth, which is a natural consequence of life in the field. The problem of time and death is connected with the problem of sex, which has existential-religious tension. Therefore, eternal life or immortality is not life and is not death, but is a form of sinless, non-changeable, to which V. V. Rozanov paid special attention, conception, which, mysteriously, presupposes a divine-human baseless existence, parallel to life and death, that is, eternal life. Sexual reproduction is nothing more than a senseless waste of the life resource of the soul. Life based on procreation, if this life is not directed to the inner sky, which is some primary source in relation to the passive outer sky, from this position is not genuine life. Christian metaphysics, as a kind of phenomenon of universal religious metaphysics,

²¹⁹ Feuerbach L. A. Lectures on the essence of religion, Kharkov, Publishing house: NTU, KhPI, 2008, P. 468

corresponds, for example, to Buddhist metaphysics, which cultivates the idea of non-manifestation and heavenly purity as a true life, which, according to ethics, is possible on earth (this possibility is symbolized by the lotus flower). In most traditional religions, it is mainly about the immortality of the soul. But most of the world's religions were associated with "secular" power - the very power of the plurality against which the synergetic metaphysical anarchism of G. I. Chulkov and others revolts. Religious metaphysics, directly related to the existence of conscience, opposes the external life of the sex to the internal life of the sex, which, taking place at the level of the soul and spirit, according to Rozanov, is sexless life. Thus, in the age of atheism, religions and, above all, Christianity are exposed as a terrible lie. It is believed that a free person is free to choose, or completely refuse to choose in one favor or another. Today, the metaphysical problem of sex in the light of the development of gender theory is considered in a social context from a liberal perspective. As a reaction to this adventurous movement of humanity, we have, first of all, a political revival of the so-called "traditional" values, opposed to the values of liberalism. In the conditions of postmodernism, there is a sufficient hypocrisy of such a "revival". However, at the private level, as a strategy for individual salvation, it makes sense to turn to traditional metaphysics. Dynamic religious syncretism, which includes, to a certain extent, transhumanism, which has metaphysical roots in the foundations of a rebellious human conscience, as well as all-different "esotericism", is looking for opportunities for salvation for the entire personality, including the flesh. In this case, the notorious inner man is thrown to the periphery, becomes external. Hence, there is certain hypocrisy in the ideas of liberalism. When the inner becomes external, and the secret becomes obvious, a substitution of meanings takes place, the essence is lost. Today, technological progress, willingly or unwillingly, condones this kind of formation, which in the context of Christian eschatology should be understood festively, like the Apocalypse, which, on the one hand, marks the coming of the Antichrist, and on the other, the second coming of Christ. Thus, the emerging situation is an existential-religious challenge for the conscience of each "I". Nevertheless, such a situation, a situation of challenge, for

the soul of a Christian must and has a permanent character. In other words, the Apocalypse is what is happening - *already, now*.

Official Christianity presupposes countercultural perversions, perceived metaphysically as nothing and opposing historical "cultural" Christianity. In this sense, conscience, as the most powerful feeling, is the sense of heaven, which turns from outer life to inner life. This Christian conscience, which declares war between heaven and earth, is an inward drive for life, or libido, and manifests itself through destruction, self-destruction, the drive for death, the place of which Freud first identified on the other side of the pleasure principle, but later revealed the secret connection between pleasures and displeasure. This attraction is associated with the development of the theory of the unconscious, as well as various trends in the occult of the 20th century. Like the flip side of love, destruction is about creating opportunities for the birth of a new "star". The formula of the main theoretician of anarchism M. A. Bakunin is appropriate here - "destruction is creation". Hence, the balance between the extremes is extremely important - between creation and destruction, as natural consequences, the cause of which is the same - desire. The unity of opposites, extremes, like that heaven, internal and external, is the secret of the divine nature of man, which he seeks to comprehend in his ignorance. In the existential aspect, immortality is given to a person in experience as a certain fragrance of the soul, which is called a borderline state of consciousness. In this state, victory over time is possible, but since a person remains attached to his own body, the transcendental experience is temporary. Metaphorically speaking, the holiday ends and the carriage turns into a pumpkin. Thus, the task of a person is to learn how to make the holiday end as long as possible, or never at all, so that the buzz becomes eternal. This metaphysical desire, the sense of heaven, our mystical conscience, which, incidentally, can be considered as a certain inclination, explains the various (negative and positive) deviant behaviors cultivated in the counterculture. The very state, the experience, presupposes going beyond temporal and spatial (transcending, existential) limitations, which adds enthusiasm for conducting research in this controversial border zone.

Metamorphosis immortality, as a kind of experience, characteristic of mythological consciousness in general, altered consciousness in particular, is achieved by various methods of detecting presence. Hence, death is a certain transition from one form of life to another, and these forms can be qualitatively different (a human being can become an angel, beast, stone - depending on its own essence). Achieving divine consciousness when the impermanence of the human form is discovered is the goal of this kind of practice. Therefore, the human, all too human, desire to surpass itself, objectively - it is affirmed as the idea of permanent revolution, human rebellion against the foundations of the universe. Hence the supernatural desire, metaphysical hunger as what determines, according to the existential philosophy of J.-P. Sartre, the project of the human being. On the basis of such aspirations, religiosity develops, as a desire to abstain from the mundane, and doubt also arises as a cause that generates consequences that take the form of godless projects - revolutions, the purpose of which is the constant discovery of elusive truth. In this sense, the logic of a clear conscience, reproduced by Feuerbach as follows: “if there were no reproduction, there would be no death”²²⁰, is an inhuman logic that has its followers. This logic is a strategy for individual salvation. Since reproduction equals death, and all desire equals suffering, a conscious being refuses to reproduce similar ones through sexual reproduction. Therefore, neither desire presupposes nor suffering. This logic, characteristic of radical Christianity, is at the same time the paradoxical and absurd logic of the death drive, since it reveals the consistency in its simultaneity. In this sense, the death drive corresponds to the will to power, which in the limit, as it has been said, and more than once, is the will to power over time. This specific, at first glance, will, feeling or desire, forms the existential project of the questioning philosopher and is to some extent the culmination of the philosophy of nihilism and existentialism, the main sin of which, from the point of view of historical Christianity, is the refusal of humility through the knowledge of pride. Therefore, death and birth are presented as those parts of

²²⁰ Feuerbach L.A. Lectures on the essence of religion, Kharkov, Publishing house: NTU, KhPI, 2008, P. 468

the whole, as the fate that cannot be avoided by the one who desires the wrong person, who because he did not kill the germ of earthly feelings in himself. Thus, what was not born, according to this logic, cannot die, but will live in heaven; the heroic assault is carried out by separate individuals, whom in the previous chapters we dubbed demonic. Hence - can one live that was not born? - The main question of existential philosophy, the answer to which must be given before his conscience by everyone who has looked into the depths of the innermost "I". Life can be different - organic, inorganic, molecular, spiritual ... and, therefore, existence, in a sense opposite to both life and death, is possible outside of birth-death as a desperate wandering of a hungry spirit. The conscience of the doubters calls to this existence.

In Freud's theory, *libido* and *mortido* secretly exist in a person. Although the concept of the death instinct was introduced by Freud later on the libido, it significantly supplemented his theory of neuroses. And since man combines the creative and destructive tendencies of his unidentified "I", he is, as it were, a monkey of God. This terrifying position of his, as it were, obliges him to strive for overcoming and determines the destructive and creative tendencies that make him such - striving for light in darkness. In this total, sometimes unconscious, attraction, a person experiences uselessness, abandonment, hopelessness, and is horrified at his position. This man-divine demonic attraction for him is the assertion of his own project of being in the face of death, non-being, which, according to Heidegger, is included by default in being as some possibility of self-knowledge. The total attraction of a person, prompted by his conscience, his inner thirst, is caused by a feeling of lack of something else, longing for the metaphysical homeland, the search for which is being undertaken. The boundary between the "I" of a person and his metaphysical homeland is his personal death, but, nevertheless, to be alive for him means to be a stranger among strangers, and to die means to wake up among his own. This is his hope and hope. Otherwise, death for him is an endless black square, reinforcing the desperate wanderings of the hungry spirit. His conscience, as it were, serves as a reminder of something important that the wandering spirit cannot remember, it reminds him of the state of divine consciousness, the memory of which

is necessarily present in his scattered consciousness of his own time. In Victor Hugo's famous novel *Notre Dame de Paris*, the poet Pierre Gringoire says: "What is death, after all? An unpleasant moment, road tolls, the transition from nothingness to nothingness. Someone asked the metropolitan Keridas if he wanted to die? "Why not?" - he replied to this. "For in the afterlife I will see great people: Pythagoras among philosophers, Hecatea among historians, Homer among poets, Olympia among musicians".²²¹ But a Christian conscience urges not to forget that after long nights the end of the journey always comes, and therefore the given pagan worldview about the metamorphoses of the soul, its endless sailing through different worlds, is not eschatological, because in this maxim, infinite space, absolute horizontal prevails over absolute time, which in this respect acts as an eternity, a vertical. There is a certain contradiction between these two mankind - the female horizontal infinite and beginningless space, on the one hand, and the male vertical finite beginning, on the other, there is a certain contradiction, a war is taking place, which is overcome by the idea of Christianity, the main symbol of which is the cross, which in this sense is a symbolic expression of removing contradictions. Hence, those who do not want Christianity, or enemies of the church, as a rule, are enemies of the subordination of matter to the power of the Holy Spirit, which is emptiness, as it is said in "The marriage of heaven and hell" by William Blake. Those who do not want Christianity deny the mortality of matter, which is like a dream that never ends, and this infinite substance of sleep is a substance from which, as the magician Prospero said in William Shakespeare's poem "The Tempest," our little life consists. In this confrontation of ideas, the idea of eternity and the idea of infinity collide, the idea of time and the idea of space, which are not complementary, but opposed - each other. Therefore, a clear conscience, always true to itself, corresponds to the awakened consciousness. In this sense, philosophers and poets, especially the damned, since their blessed will is the will to be androgynous, there are people of a clear conscience. Consequently, the cleansing of conscience presupposes

²²¹ Hugo V. *Our Lady of Paris*, State Art Publishing House, Moscow, 1956, P. 406

overcoming the fatal disunity of being, the source of which is the duality of consciousness, the power of plurality, which is the power of the devil. Thus, through the acceptance of this very duality, plurality, through non-resistance, which, being Christ's commandment, is considered by the repressive culture as a form of deviant behavior, the satanic essence of the power of plurality is revealed, the truth of which is not power, but anarchy. Therefore, overcoming the demonic duality of consciousness, achieving non-dual consciousness, which is traditionally the goal of esoteric practices, implies the discovery of the divine nature of consciousness in principle, or objective consciousness. The process of de-demonization of consciousness implies clearing the conscience, revealing the objective consciousness hidden in the "I". This process is a meeting process.

The objective divine consciousness corresponds to the ancient Greek "Nus", which is "Mind", which is infinite and eternal, one. In a living, folk and horizontal mind, people and non-people meet, because their habitat is a single universe. There are a great many names for those whom we call non-humans - these are madmen, gypsies, vampires, mermaids, ghouls, werewolves, sorcerers and witches ... his opinion, coexistence, or - meeting. And in this sense, he seeks to isolate himself from conscience, since conscience is a total acceptance of everything. But history is carried out in the dialectical deployment of the Absolute Spirit, or - Yahweh (in the Judeo-Christian tradition). And fabulous creatures, not people, take the form of people, are, as it were, subordinate to them, which at the same time is, as it were, a process of liberating people. It is widely believed that nonhumans are hostile to people, but through a conference it is possible to understand that they are hostile only in relation to those who are hostile to them, and in this sense, hostile to themselves. Therefore, the experience of the co-presence of man and spirit, man and demon, is a process of conscience, or consultation, presupposes the casting off of sins, the unsealing of the devil, parallel existence, which is the knowledge of human nature. In this sense, "teachers", figures of conscious being, magicians, sorcerers, shamans and others like them contribute to knowledge. Since coexistence, an event is revealed through the existence of a person, it can be called a process, or the

practice of conscience - co-broadcasting, which at the same time, according to Nietzsche's formula, is the overcoming of a person. In the philosophy of occultism, the habitat of non-humans is the so-called. «Astral plane». For example, the English theosophist Leadbeater wrote: "The very word 'dead' is an absurdly erroneous definition, since most classified beings are as alive as we are, and often definitely more. Thus, this term should be understood simply as meaning those who are temporarily not attached to the physical body. "Life, understood as coexistence, conference does not necessarily imply birth and death. Since nonhumans are "temporarily not attached to the physical body"²²², but, nevertheless, exist, their existence outside the physical body seems to be unconditional. It follows that the human attachment to the physical body, inherent in many, limits the possibilities of existence and co-presence, however, the modern development of digital technologies gives hopes for correcting this situation in the future. Thus, the attainment of non-duality allows for a certain combination of microcosm and macrocosm, if not their complete identification.

Nature does not imply a time limit, and in this sense, life is limitless. According to Feuerbach, nature is "nothing more than the real world, free from what appears to be limitation or evil".²²³ In this vein, conscience restores harmony between the crown of nature, man, and, in fact, nature. Nikolai Fedorov, a cosmist philosopher, a science fiction philosopher, advocated the creative participation of all people and nonhumans in transforming the reality of living together. He called such a project "a common cause", which provides for the combination of scientific and technological progress with a moral process, which he thought of as a "general resurrection of life", the return of life to ever live and never lived ancestors and descendants. At first glance, this project seems dreamy and even insane, but this is only at first glance, because upon closer examination of the issue, this perplexity becomes clear. Thus, Fedorov's project can be understood as a project of conquering time, which is a social and metaphysical project. A person needs only an effort of

²²² Leadbeater S. Astral plane, trans. from English Zaitsev, M.: Amrita, 2016, P. 32

²²³ Feuerbach L.A. Essay in two volumes. M.: Nauka 1995, T. 1, P. 215

will to awaken for a new life in a world without sin. Fedorov was thought of as an Orthodox philosopher of an eschatological orientation, since he asked the final questions of existence, the purpose of which he understood as awakening from the total sleep that surrounds our life. Fedorov was an apocalyptic philosopher. As a religious philosopher, he thought of heaven and hell as the real possibilities of man, but he never identified them.

N. F. Fedorov, nicknamed by one of his contemporaries "Moscow Socrates", languished about the embodiment of the Kingdom of Heaven on earth, like many other dreamers. A person, led by the Holy Spirit, or an empty one, must learn to control the elements of nature, because the subordination of nature implies the final victory, the final triumph of the God-man. In this regard, the human and the divine are united in a unity incomprehensible to the mind. Fedorov's religious conscience is not just a penchant for good, but a practical universal resurrection. Berdyaev described this aspiration as a Russian idea. There is something of messianism and chauvinism here. The true spiritual matter for the "general resurrection of life" is memory, which, like the subconscious, or unconscious, is subordinated to objective consciousness as a part of the whole.

Fedorov's ideas had a direct impact on V. S. Soloviev and F. M. Dostoevsky. Indirect followers of his teachings are K. E. Tsiolkovsky and V. I. Vernadsky. Thanks to the latter, the concept of noosphere, formed from the concept of *nus*, was introduced into scientific use. In fairness, Vernadsky, being a representative of a strict scientific worldview, wrote: "some parts of even the modern scientific worldview were not achieved through scientific research or scientific thought - they entered science from the outside: from religious ideas, from philosophy, from social life, from art. But they stayed in it only because they withstood the test of the scientific method."²²⁴ So the teachings of Nikolai Fedorov, a simultaneous idealist and realist, who insisted on the practicality of the philosophy of universal resurrection, withstood the test, and, oddly enough, the first man in space, Gagarin,

²²⁴ Vernadsky V. I. *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon*. Moscow: Nauka, 1991, P. 203

was a relative of the "Moscow Socrates." Fedorov believed that "scientists are mistaken when they do not recognize the projective in the subjective"²²⁵, and he was, from his point of view, right. The philosopher did not see the fundamental difference between scientists and non-scientists, the difference that the former always see. From his point of view, both are mistaken if they do not seek to establish a conference of co-presence between physical and temporarily not attached to the body beings - our ancestors, filling the space of the universe. In this respect, the Kingdom of Heaven presupposes the coexistence of a creatively transformed single universe (mirror microcosm-macrocosm).

Conscience, according to Fedorov, is "the compulsory restoration of fathers and ancestors in memory, which must be consciously and voluntarily restored and against which, without doing this, we are therefore guilty. But if the memories are not tortures of conscience, then the dead will appear in the form of miasms".²²⁶ With the work of restoring fathers and ancestors in memory, or in consciousness, the cleansing of the conscience and the overcoming of sin are associated. This case combines Plato's anamnesis with the idea of the Resurrection. Thus, the restoration of ancestors in memory and the general resurrection of life is a matter of conscience, a common cause of conscious existential entities. Mystic, philosopher and poet, visionary representative of the "Silver Age" of Russian culture, Daniel Andreev, who created a unique ideological concept in the book "The Rose of the World", became the brightest completion of this work.

In its aspirations and impulses, the Russian spiritual renaissance of the late 19th and early 20th centuries have much in common with the medieval renaissance. This community is manifested not only in freedom-loving idealism. At the turn of the 19th and 20th centuries, Russia assumed the leadership in the revival of the Ecumenical Orthodox Church: the reunification of the Western and Eastern Christian churches was conceived for the sake of a higher goal - the establishment of a world theocracy. Being one of the ideological inspirers of Russian philosophy

²²⁵ Fedorov N. F. *Philosophy of the common cause*, M.: Eksmo, 2008, P. 42

²²⁶ Fedorov N. F. *Philosophy of the common cause*, M.: Eksmo, 2008, P. 45

at the end of the century, Fedorov, as a Pan-Slavist, allowed unity, but only in the bosom of the Orthodox Church, the symbol of the power of which is the Cathedral of St. not the crusade of the army of the Ottoman Empire in the 15th century of Constantinople, now Istanbul. N. F. Fedorov conceived of creative transformation through the Renaissance, which, albeit not explicitly, implied a new campaign, which, during the First World War, eventually turned into a revolution and the collapse of the Empire.

V. S. Soloviev fully supported Fedorov's immortal project. In his work "The Meaning of Love", which was controversially accepted by his contemporaries, he wrote: "The main property of material being is double impenetrability: 1) impenetrability in time, due to which each subsequent moment of being does not preserve the previous one, but excludes or displaces it from existence, so that everything is new in the environment of matter arises to the detriment of it, and 2) impenetrability in space, due to which two parts of matter (two bodies) cannot simultaneously occupy the same place, that is, the same part of space, but must displace each other".²²⁷ In this state of emergency, a person is fixed; the fatal tragedy caused by the fall into the material plane is read. In fairness, I must say that this state of affairs concerns not only the race of people (the fall of Adam), but also the angels (the fall of Lucifer). But if the redeemer of Adam's sin was revealed to people, then Lucifer, as the leader of the fallen angels, non-humans, is a denial of the idea of salvation and, therefore, Christ. In the medieval treatise "The Hammer of the Witches" we read: "to have two bodies, one of our own and the one on which it is worn, a demon - or the devil, Satan - cannot reach his organs of perception - victims, because two bodies cannot be in one and the same place at the same time".²²⁸ If we take the data given in the "Hammer" on faith, then the problem of double impenetrability is an urgent problem not only for Adam's people, but also for fallen angels, non-humans cohabiting with people and other beings in a single Universe. The problem of double impermeability is universal in this regard. In this aspect, there

²²⁷ V. Soloviev, *Selected*, Moscow: Soviet Russia, 1990, P. 206

²²⁸ Sprenger J., Institoris G. *Hammer of witches*. SPb.: Amphora, 2001, P. 131

is a certain similarity of their destinies, which, nevertheless, will never converge in the most fatal way in the conditions of being - in the conditions of the double impenetrability of space and time. In this sense, sexual intercourse of people can be understood as an attempt to achieve this completeness, which, if it were feasible in this way, would help two bodies to be in the same place at the same time, which nevertheless, as bodies of a single whole, as one body, or, as the Scripture says, one flesh. As for a person, it is probably one of the few possible ways to restore his-their unity (the esoteric meaning of this connection is given in the illustration of the 15th Tarot card of the Major Arcana called "The Devil"). In the context of the Western esoteric tradition, this path is called the Left Hand Path, which is characterized by extreme individualism, violation of social and moral taboos, but not for the sake of violation, but in the name of the highest goal - self-development. Hence, the problem of double impenetrability is of key importance for the esoteric tradition of the West.

Thus, the situation associated with self-development and self-knowledge is such that we have two bodies, which, as it were, cannot become one, and as the basis of such a situation, our desire appears to us - it is, according to Buddhist philosophy, suffering. Therefore, in order to achieve non-duality of consciousness and overcome double impenetrability, we must overcome this fundamental desire itself. For those wishing to move in this direction, which in this respect corresponds to the Path of the Right Hand, one should turn to the practices of the Christian and Buddhist sense, practices associated with non-doing, non-resistance, unwillingness, and so on. The path of the right hand is the path of consistent denial of one's "I", and the Path of the left hand is the path of self-affirmation through self-destruction. Here all desire is reduced to the only passion for nothing, the experience of the abyss for the sake of self-deification. Thus, the Path of the right hand sets as its goal the complete liberation of the soul, and the Path of the left hand is greatness, power. But, despite all the difference in strategies, the Paths of the left and right hand, in essence, are only extreme manifestations of a single "middle path", which is the "core" of Buddhism. The essence of this path is, firstly, to discover it and, secondly, to maintain a "golden mean" between pleasure and suffering, to avoid extremes. The

Right-Hand Path corresponds in a certain sense to the "middle path," but the radical manifestation of the Right-Hand Path in this sense also includes an ascetic lifestyle. However, this is an extreme. The right path is characterized by moderation, the middle understanding of the relativity of both paths in this sense. As examples of the "middle way" one can name the forms of secular religious cults - Christianity, stoicism, and even some common sense philosophy quite corresponds to the "middle way". The middle way, involving the search for a golden mean, is associated with the practice of taking care of yourself. Therefore, everyone follows his own path, proceeding from what his conscience advises him.

2. Conscience as the category of care

The meaning of world history for the Ecumenical Church is the expectation of the Second Coming of Christ, which is associated with the idea of the Last Judgment, which implies a universal resurrection of life to determine the fate of each person individually. Hence, the fate of man and mankind is determined by the idea of the Last Judgment, earthly life for a believer is a constant test of his personal conscience, since he must be faithful to the spirit of conscience, which, like some moral feeling, determines the state of consciousness of a Christian. Thus, dreams of conquering time are not without foundation. According to St. Augustine the Blessed, time is the existential stretching of the soul, the test of its passions. Conscience, as a helper, as a counselor, or as a guardian angel, is needed in order to help a person pass this life-long test. N. A. Berdyaev pointed out that the idea of the Last Judgment, being an expression of the meaning of history, presupposes at the same time a way out of time. Hence, the deployment of the Absolute Spirit, as the meaning of history, is explained by our striving for the Apocalypse. However, this striving can be, on the other hand, only the inertia caused by our original fall. The opposite of this striving will be our rejection of the idea of salvation, and the establishment of free will. Hence, the destruction of the boundaries between the external and internal worlds, presupposes the realization of unlimited demonic freedom. The end of history is the victory of man over the world, his victory over himself.

In the context of religious consciousness, the idea of the end time implies caring for the soul, which in an idealistic sense is the practice of caring for oneself. In this regard, genuine self-care is taking care of the soul, while taking care of, say, health and beauty is already, according to Socrates' reasoning, taking care of one's own. Hence, in order to take care of oneself, it is necessary to discover the soul. To do this, you need to have a corresponding desire, which is not easy. Caring presupposes immortality, because the rational soul of a person is immortal. Thus, conscience can be seen as a category of concern. In the article "Another Plato" R. V.

Svetlov wrote: "Plato imperiously turns us to what will later be called the "inner man", and shows how much concern for the inner man is more important than those worries that overwhelm us in everyday life. "Turning" to oneself, that is, to the soul, according to Plato, is a genuine concern for oneself. This concern does not even have a taste of selfishness, since our "I" receives a special status in Platonism. Self-knowledge becomes a search for the divine in us, an increase in communication with the gods".²²⁹ Hence, conscience is, as it was, what contributes to this very appeal to oneself. Conversion promotes self-discovery of the soul. This conversion, as a practice of conscience, a consultation, is a certain mystery, a sacrament. In Plato's dialogues, the figure of such initiation was Socrates, or rather the daimonius of Socrates, his inner man. Thus, conscience turns a person on the path of self-knowledge. Caring means knowing all your possible states. This knowledge gives liberation from all forms of psychic power.

Awakening, as a state of consciousness, is non-duality, or the fusion of the inner and outer man through identification. Awakening is awareness, analogous to "withdrawal." By helping to "reveal" contradictions, conscience seeks to resolve contradictions, which occurs through the harmonious coexistence of the multitude of "I". Since the physical body is mortal, the spirit that reveals the soul is not. The human body, being a desire machine operating in the momentary mode, is inert - it is the body of death - something that, in the light of eternal wisdom, is doomed. But at the same time, the ideal body image is immortal. Caring for your death body in idealistic philosophy is opposed to caring for yourself, which is the highest form of caring, or conscience. Caring in this sense does not mean rejection of the earthly, but implies the development of harmony, the achievement of the "golden mean". A person, who shows true concern for the soul, in the Christian sense, is not of this world. In this regard, human nature is isolated from itself, but not completely. Socially, a caring society is opposed to all forms of violence. Such a society has historically been embodied in early Christianity. Since, according to the apostle

²²⁹ Plato, Dialogues, trans. from the ancient Greek V.N. Karpov, - SPb.: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2017, P. 16

Paul, the letter kills, and the spirit gives life, a strict adherence to consistency can indulge insensitivity, which does not contribute to self-development. Therefore, taking care of yourself is connected, first of all, in order to be attentive to actions, words and smells. The one who strives for awakening strives to become free from the material-material world, and the awakened one is already free. The awakened ones live among the sleeping people and their life-giving presence is to contribute to the awakening of others, thereby causing the desire for life.

In his study of conscience, the historian of philosophy O. E. Dushin wrote: "Conscience is not identical to the correct mind, because it is capable of making mistakes, it can coincide with an erroneous consciousness (*ratio falsa*)".²³⁰ In this light, the phenomenon of erroneous consciousness is of interest, which allows the existence of another rationality that does not agree with the general line. Hence, conscience can also be different, as can be different and concern. Thus, correct or erroneous consciousness is an assessment of this or that state of mind, but the conscience of a different rationality presupposes a different way of assessing, different from the moral "right" and "wrong". Recognition of one's own fallacy implies the possibility of forgiveness, condescension. But one who is not human does not deserve it and does not need it. When the experience of consciousness is acquired and realized as such, there is awareness that it can give freedom from guilt through understanding the relativity of the experience itself. Since the mind includes an opposing insanity, or mistaken consciousness, social consciousness is opposed to the individual. Therefore, if any person loses the ability to make mistakes, given to him by nature itself, he will lose himself as a person, but not as a god. Defending the rights of erroneous consciousness is the assertion of democracy. The rejection of all perfection in this sense contributes to dehumanization, which is also a form of care. Thus, the clearing of the conscience is always the affirmation of life. According to Plotinus, the state of experience of going beyond the human to the divine, transcendental, is ecstasy. Hence, the experience of conscience contains the

²³⁰ Dushin O. E. *Confession and Conscience in Western European Culture of the XIII-XVI Centuries*. Publishing House of St. Petersburg University 2005, P. 134

possibility of ecstasy. At the same time, the task of a clear conscience is to actualize this opportunity.

The experience of divine ecstasy occurs easily, like a detachment from the attraction of the earth, going beyond the buoys of causation. Thus, the erasure of personality occurs. Where the Spirit breathes, it is easy. If conscience interferes with ecstasy, then it is a false "unclean" conscience. Therefore, only the internally free, looking at the sun, receives the knowledge that there is the consciousness of permanent ecstasy. Angels and demons are helpers, advisers, in dreams and in reality, as well as in the astral plane. But they are all just images, eidolons, behind which one must be able to discern what is hidden. The Holy Scripture says: "Do not forget your strange love, for through it some, without knowing, have shown hospitality to the angels."²³¹ This "strange love" can be interpreted as a love of travel not only on earth, but also in heaven, which is whimsical, abnormal, and can be expressed in inconsistency with the codes and norms of society. Hence, strange love is an appeal of consciousness to the otherworldly, which expands the space of life. According to Nietzsche, an individual or intellectual conscience calls to "become who you are," and this, of course, is the highest form not only about yourself, but also about others.

The path of knowledge runs through the abyss of non-being, through the acquisition of awareness. The one who knows must become a conscious being, but between these two figures lies an abyss, chaos, emptiness. This is the main difficulty of this path, which is fraught with many dangers for humans. Therefore, Heidegger is right when he says that conscience implies a determined courage, which is to "want conscience." This desire is the call of care or the call of being. In order to truly find yourself, becoming who you are, you need to begin to exist. Hence the discovery of oneself in the most intimate way with the loss of oneself. The task of the teacher, or mentor, is to help go along this individual path. In a sense, the teacher is responsible for the safety of the student. Heidegger's statement implies a certain

²³¹ Heb. 13: 2

willingness to lose oneself. Losing yourself means losing consciousness. Outside of consciousness, a person plunges into unconscious life, when the border between reality and sleep is blurred, when reality loses its usual stable outlines. Immersion in the unconscious does not necessarily imply an exit and gaining self-awareness, but the goal may be the process itself, which, in general, can be characterized, in Heidegger's words, as the experience of the abyss. An important condition for such an experience is a return to the starting point. It is true that such an experience is possible due to the presence of conscience, which in this regard is a kind of safety factor that allows you to plunge into the unconscious and not lose your mind as a result. Otherwise, if the probationer goes mad, he does not return, then no experience, of course, is possible. On the contrary, going crazy and not returning is in essence a denial of the possibility of experience in principle, which, as a deliberate strategy, gives certain advantages in terms of the path. The experience of conscience allows the passage of hell for the purpose of purification. According to Berdyaev, the goal of a person is to get out of hell. Thus, the experience of conscience is the experience of hell, and a clear conscience is an a priori existence.

Researchers such as Jung and Plesner, in their writings, recognized that mental projections generated by the sleep of consciousness, as it were, acquire a relatively autonomous existence, which in itself causes the horror of the experimenter, who, being doubled and fatally alone in this desperate situation, becomes already, as it were, experimental in this regard. In this position, his conscience is called to take care of him, in which he finds the only hope. Conscience is seen by the experimenter under test as a kind of beacon. At the same time, God is not just an abstract concept, but a real force that serves as a source of conscience in a person, which does not allow the unconscious decomposition of matter to perish in the satanic abysses. God is understood as something that, therefore, should be. Conscience gives a person the image and likeness of God, or it grants satanic freedom to him. This freedom implies the rejection of the divine image and likeness for the sake of one's own. One way or another, conscience implies a choice, and this is its concern. Conscience manifests itself in two ways. On the one hand, it talks about change and informs, and on the

other, it draws us to change. Hence the conscience is dual in its Judeo-Christian basis. This duality is the norm of earthly existence. Informing implies the destruction of the old, the movement of time, the process, the formation in this sense allows any forms in which the eternal mysterious form of forms is embodied - the idea of a single God. Thus, duality can be understood as unity, which, nevertheless, only intensifies the gaping abyss that opens up to the horror of man. The highest truth is man, and the superman is one of the manifestations of man.

Engaging in philosophy, or even philosophy as a way of life, is always a kind of self-care. In this sense, one who truly, unselfishly devotes himself to philosophy is a man of conscience. The eternal in time is revealed to the philosopher, which is his highest reward. Thus, eternity is the most important category of philosophy, which also serves as a criterion for assessing time (the problem of the relationship between time and eternity in their concrete abstract refraction is the problem of the philosopher's conscience). Eternity and time must be understood together. Eternity manifests itself in time. In the figure of the philosopher, eternity is experienced in time, while eternity is revealed as the basis of the categorical imperative. The philosopher's gaze from a temporary dream is turned to eternity. Following Socrates, consciousness, attention to the inner voice, endows the philosopher with the gift of clairvoyance.

Through consultation as a kind of conscientious process, the soul is formed and informed about the successive changes in existence. Conscience, being a multidimensional process, is a connecting link in a person's life and a means of self-knowledge. The phenomenon of conscience is associated with the inner life of a person, in the context of which we can talk about spirits, angels and demons: "Angels, with limited power, can better reveal the future to those who have a special predisposition to such messages. The predisposition is strongest at night"²³², says the famous book of the Inquisitors Sprenger and Institoris. This position is consistent with what Socrates reported on the pages of Plato's dialogues about his daimon. In

²³² Sprenger J. Institoris G. Hammer of witches, St. Petersburg: Amphora, 2001, P. 173

this sense, angels, like demons, are a kind of workers of conscience. Thus, the gap between the imaginary world and the real is in our imagination (I must say, the ability of a person's imagination is a phenomenon in itself quite mysterious and of great interest for special study). The modern word "angel" is of ancient Greek origin and literally means "messenger". From the point of view of analytical psychology, the angel and the demon are the most important archetypes of the inner life of a person. In Plato's *Post-Law* it says: "Daimons are translators; for their good transmissions one should diligently honor them with prayers. We would say that they know all our thoughts and miraculously greet those of us who are beautiful and kind, and hate very bad people who are already involved in suffering".²³³ That is, angels and demons are companions of people in their inner life. It seems essential that, being limited, these beings, which are very similar in their relation to the "I" of man, have information about fate. Hence the phenomenon of prophetic dreams and astral vision, which, since the "I" of a person is polysyllabic and heterogeneous in composition, should be considered in the categories of care. According to P. D. Uspensky "man is divided into four parts: body, soul, essence and personality".²³⁴ Therefore, caring involves caring for all the constituent parts of a person. In his work *The Astral Plane*, C. Leadbeater says: "although on the physical plane we see the sides of the glass cube in perspective, and the far side seems smaller than the neighboring one, which is an illusion, on the astral plane they will look the same as in reality ... Because of this feature of astral vision, some authors describe it as a vision of the fourth dimension".²³⁵ Since the physical plane is not objective, illusory, it must be supplemented by the astral one. Thus, taking care of oneself presupposes simultaneous vision in the fourth dimension, which, according to P. D. Uspensky, presupposes awareness of every moment in time. Alphonse-Louis Constant believed that the "fourth dimension" is a "book of conscience" that "reveals and reveals everything that is written in it on the last day"²³⁶, thus reducing wakefulness,

²³³ Plato. *The laws*. M.: Thought, 1999., P. 432

²³⁴ Uspensky P. D. *Conscience: Search for Truth*, London, 1979. <https://www.litmir.me/br/?b=100191>

²³⁵ Leadbeater Ch. *Astral Plan*, Moscow, Amrita-Rus, 2016, P. 16

²³⁶ Levi E. *Magic ritual Sanctum Regnum*. M.: Enigma, 2017, P. 151

awareness to that very last day, which, being in this regard, the culmination of everything - the day of conscience, is at the same time the day of the Last Judgment. Such a vision is characteristic of esoteric Christianity, the purpose of which is to approach the day of the Last Judgment - through dreams, through spiritual practices, and, most importantly, by the power of love, which is the main weapon of the Christian warrior. Thus, conscience is a call for care, emanating from the depths of the eternal last day of our unidentified consciousness. According to this approach, the whole life of a person in its main parameters is subordinated to this day, is an expectation, preparation for it, and conscience serves as a reminder to him of this.

3. The "beautiful nothing" of conscience in the existential philosophy of Heidegger and Sartre

In the article by J.-P. Sartre's "Existentialism - Humanism" postulated the programmatic theses for existential philosophy: "man will become what his project of being is", "if existence precedes essence, then man is responsible for what he is". Hence, responsibility implies close attention to the present. Sartre made responsibility absolute. Absolute responsibility implies compassion for everyone. Absolute responsibility is the responsibility of a person who realizes his position in the universe, his fatal loneliness.

According to Sartre, "hell is others," participation in public life allows one to be. Loneliness is nothingness. To be means to interact with others, that is, with hell. Man's choice is a choice between nothingness and hell. According to Sartre, hell is preferable to nonexistence; it is, as it were, a lesser evil. However, nothingness remains and should remain a fundamental human right that constitutes essence. Unlike non-being, being implies the interaction of social interaction. A choice, as a certain possibility, accompanies a person through life, which is a constant, conscious or not, a choice that a person is free to make or not make. Refusal of choice is also a choice, and this is a choice in favor of essence, nothingness that does not exist. Hence the choice to be or not to be is what determines the human being, which is in constant becoming. Being is also the defining category of M. Heidegger's philosophy (especially in his early works). If, according to Sartre, existence precedes essence, then, according to Heidegger, "man belongs to his own essence only insofar as he hears the demand of being".²³⁷ Such hearing in principle corresponds to existence; therefore, existence in this sense is a striving for being. Existence is belonging to one's own being, one's own nature, which is the ability to perceive the call of conscience, which from Being reaches the very depths of human non-being.

²³⁷ Heidegger M. Letter about humanism, trans. from German V. V. Bibikhin
http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme

Awakening begins with the discovery of one's own fundamental loss, accompanied by an experience of horror. Loss launches search mechanisms, incessant self-discovery. Heydar Jemal in his logical-esoteric philosophical treatise "Orientation North" wrote: "Loss is a universal situation of the subjective spirit".²³⁸

In the work "Being and Time" Heidegger wrote: "conscience makes it clear" something", it opens".²³⁹ This something is a terrifying position of God-forsakenness (Gott ist tot). Conscience opens the faceless everyday existence of a person in a crowd and, as a result, an idea of being as it should arise. This opening is the opening of consciousness, which, horrified by its own fragmentation, seeks to recover in being. In this position, a person opens up the perspective of being, which determines his aspirations. Being implies the achievement of integrity, because non-being, as a fragmentation, is terrifying. But horror has useful properties, as it awakens the will. Thus, conscience awakens horror and, as a result, a call for care. In an esoteric sense, the split involves the experience of death, separation - when the soul is separated from the body, which is a very painful, but sweet process. A person awakened from sleep reveals a dual human being - real and ideal. As a result of this "awakening", a person experiences an identity crisis, simultaneously accompanied by an incredible festivity caused by the realization of new possibilities. Such awareness gives an understanding of the guilt of non-being (guilt here has the meaning of causation). However, the opening caused by a spontaneous conscience does not involve recovery, but reflection and choice. If being is something one, then conscience splits this one into two parts. In this sense, we can talk about the destructive aspect of conscience. But such a loss of the center makes it clear something that, like a miracle, a higher intervention, changes a person's life, turns him from form to content, from external to internal, and does it radically. This very moment is often played out in works of art and in cinema. Opening is accompanied by madness and loss of life guidelines. After opening, the person becomes reactive, becomes in opposition to himself.

²³⁸ Dzhemal G. Orientation North. [25. СЕВЕР "Ориентация Север" \(metakultura.ru\)](http://25.СЕВЕР)

²³⁹ Heidegger M. Being and Time, trans. from German V. V. Bibikhin - Kharkov: Folio, 2003, P. 330

Presence is one of the key categories of Heidegger's philosophy. Presence is experienced as awareness of each moment separately, which is realized as a plurality of "I" in presence. There is an experience of subjective time, the infinite duration of which is perceived by the existent as a stretching of his own soul. On the one hand, such stretching is torture, and on the other, it is a condition for self-knowledge in existence. Hence, self-knowledge presupposes self-development. A person in the face of his own finitude, death, is revealed in the perspective of infinity, which is revealed to the cognizant in dreams, in a profound experience of the moment, in aestheticizing the moment. Conscience is revealed, as some kind of miracle, at the moment of presence, which gives a person a striving for Being as for absolute presence. Under the conditions of human existence, according to Heidegger, being is being-to-death. In this regard, conscience is the manifestation of the will of being-to-death. At the same time, it is an echo of perfect being, paradise, which is on the other side of existence, since existence is due to lack, that is, being does not exist, but is. Paradise is pure being, a state of mind. Thus, myth is associated with self-knowledge and in this sense is its unique way of being. In being, death and birth are only parts of the invariably greater, which is life taken in all immediacy.

In Heidegger's philosophy, conscience is the key existential: as the call of absolute being, it is the call of nothing, since nothing in this respect presupposes the possibility of movement. As conscience opens being, makes something to understand, so non-being is a certain possibility of being. Being includes non-being. Nothing in Martin Heidegger's philosophy has a fundamental ontological status. In the article "What is metaphysics?" he wrote: "Nothing is a source of negation, not vice versa. If in this way the power of reason breaks down in the field of questions about nothing and about being, then the fate of the domination of "logic" within philosophy is being decided. The very idea of "logic" dissolves in a whirlpool of more primordial questioning".²⁴⁰ Appealing to Nothing, Heidegger substantiates his existential method. So, following the mystical call of his soul, a person finds himself

²⁴⁰ Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches, Moscow: Republic, 1993, P. 24

in the presence of a spirit, and the first feeling he experiences is horror. Man is horrified not by the fact that he exists, but by the fact that the basis of this existence is nothing, nothingness. A person is horrified by the colossal responsibility that is assigned to him through the realization of his own existence. In this sense, chance is an attempt to avoid responsibility. The one who hopes on the lot, he hopes on the potential hidden in nothing, on the inexhaustible possibility of being. Those who rely on the lot expresses active dissatisfaction with the share that fell, they are looking for another path for their destiny, which always gives a chance. In this situation of decay and uncertainty, a situation of eccentricity, a person must find himself - himself to find his point of support - a point of concentration. But since the experience of conscience becomes possible only through a deal with one's conscience, insofar as the non-existence of a pure conscience presupposes the rejection of any experience that would fix and distinguish a single whole non-existence of being. Thus, existence bears the spirit of gravity, because pure non-being, like pure being, does not presuppose existence, which is possible as loneliness, which Sartre believed in his work "Existentialism is Humanism." This loneliness is mysteriously beautiful, because, like nothingness, it presupposes the fragrance and flowering of life. Hence, the choice of a person between being and non-being is a fundamental choice that is made in the depths of his soul once and for all and becomes a conscience. In order to be outside of experience, to be a priori, a person must overcome his most important fear - the fear of loneliness. Conscience, as an existential, gives something to understand about the dual nature of man. Conscience allows the choice to turn to salvation and accept guilt, its own causation, or not. The second option is an alternative version of conscience, which is not encouraged in human society. In his work "Being and Time" Heidegger wrote: "The call of conscience has the character of calling the presence to its most its ability to be itself, and in the mode of invoking its most guilty being", while "the most guilty way of being" should be further corrected to "the most his way of non-being-

innocent"²⁴¹, which can be read in the later "Heidegger". As an existential, conscience is the key to individuation - it awakens a consciousness of absolute responsibility. Thus, unlike being guilty, non-being is causeless; it simply is as a form of a clear conscience.

In "Being and Time" it is said: "the call touches the one whom they want to return back"²⁴², which is in good agreement with the position of Plesner: "who is led by the spirit, he does not return." Guided by the spirit in this sense is one who is touched by the call. But if, on the one hand, according to Heidegger, they want to return him back, then on the other hand, according to Plesner, he does not return. It turns out an interesting thing: they want to return him, but he does not return. Why? Apparently, he himself, or his breakaway self, who, like Jung's shadow or Plesner's double, does not want this, acquires some autonomy. On the other hand, what forces want to bring him back - is it not his breakaway self that wants to reunite with the beloved "I"? But the "I" of a person, extremely self-willed, extremely stubborn, does not want or cannot return to its original, pre-experienced state, thus preferring hell to nothingness. Only in the case of complete victory over "I" is the opposite possible, which seems unthinkable of those who are used of considering themselves sane. This state of being is tantamount to non-being and is "divine" and "animal" at the same time. In order to approach the horizon of timelessness, one must overcome irreversibility and necessity, which fetter unconditional being, and as it is overcome, time turns into its own opposite - into reversibility.

In the esoteric plane, the *calling* and the *called* one coincide and constitute the figure of a man-conscience. The disintegration or split of this fundamental figure is associated with the primordial desire for knowledge. Time in this sense is only a consequence of such a reason. By opening up being, conscience deceives a person, thus granting him existence, which implies maximum honesty and sincerity with oneself and with others. Through conscience, a lost person *das man* becomes a person of *das sein*, a blind person becomes a sighted person, since "presence itself

²⁴¹ Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches, Moscow: Republic, 1993, P. 335

²⁴² Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches, Moscow: Republic, 1993, P. 331

calls out like conscience from the basis of this being. <...>. Conscience reveals itself as a call of care: calling this presence, which is horrified at being abandoned for its ability to be."²⁴³ Therefore, any existing existence can and should be considered as a test of conscience. In order to hear the call of being, loneliness is necessary, silence is necessary, in which, as Nietzsche believed in *The Gay Science*, all words sound differently. According to Heidegger, "conscience broadcasts in silence".²⁴⁴ Therefore, conscience, as a still small voice, is an inner, real, own voice, hearing which again, like for the first time, a person loses peace, which testifies to the illusory nature of the present. Since "esoteric", translated from ancient Greek, means "internal", then conscience in this sense is the esoteric voice of man, and, as such, it turns us to the esoteric search for knowledge. Informing about progressive changes in existence, conscience, in essence, remains unchanged, as well as incomprehensible.

From the point of view of the so-called "Common sense", conscience is not clear, or does not exist at all. According to Heidegger: "to understand the call means: to want - to have - conscience".²⁴⁵ From the point of view of a clear conscience, desire seems strange, since it indicates a lack of something or someone else. To want-to-have-conscience means to want to have the remembrance of something important and even sacred. This fundamental human desire precedes the birth of the soul, which removes the contradictions of a person, harmonizing them. Conscience is ambivalent - it includes its own denial. Conscience is a stain in perfect purity. C.G. Jung wrote: "conscience is a demand that is either directed against the subject in general, or, at least, prepares him with considerable difficulties".²⁴⁶ It must be said that to the same extent that this demand is directed against the subject, it is also directed against the object. Conscience is blatantly baseless in nature, but it can act as a demand for the impossible. But since, as the Bible says, *nothing is impossible*

²⁴³ Heidegger M. *Being and Time*, trans. from German V. V. Bibikhin - Kharkov: Folio, 2003, P. 337

²⁴⁴ Heidegger M. *Being and Time*, trans. from German V. V. Bibikhin - Kharkov: Folio, 2003, P. 337

²⁴⁵ Heidegger M. *Being and Time*, trans. from German V. V. Bibikhin - Kharkov: Folio, 2003, P. 338

²⁴⁶ Jung K.G. *Analytical psychology: past and present*, Publishing house: Martis, 1995, P. 87

*for God*²⁴⁷, the demands of conscience, which sometimes seem absurd, are justified in the highest sense.

²⁴⁷ Luke 1:37

CONCLUSION

The above work is a presentation of the author's research of conscience as a philosophical and anthropological phenomenon. As a result of the work done, the positive potential of conscience was revealed, contributing to philosophical knowledge, which is understood, first of all, as self-knowledge. To accomplish this task, an appeal was made to various sources where conscience is affected. In the course of the research, archaeological work was carried out to reconstruct the conscience and identify the original meanings and meanings of this phenomenon, for which we resorted to using various methods, including the existential, traditional, hermetic, hermeneutic method. One of the most important sources of research is the Bible, books of the New and Old Testaments.

We managed to establish the role and significance of conscience for the so-called "human capital", as well as to identify the autonomous nature of conscience in the context of relations between man and society in modern conditions. We managed to show that without a healthy sense of conscience, a just society is impossible, just like moral improvement is impossible. The work considers various forms ("clean" and "unclean") of conscience, traced the presence of resentment in this phenomenon. Based on the analysis of philosophical, religious and esoteric literature, the author reveals ethics and aesthetics of conscience, destructive and constructive aspects of conscience in their separate and in their unity. An analytical description of the process of conscience as a meeting accompanying the exteriorization of the movements of the soul is made.

In modern philosophy, conscience is under suspicion, it is understood as an internal censor, a form of "psychic power" (M. Foucault, J. Butler). Through recognition, conscience contributes to the development of awareness and is able to serve the social regulation of the individual. Thus, the decisive importance of conscience for individual development has been established, the strategies of individual and collective conscience have been investigated, and an attempt has been

made to synthesize the two strategies. According to the collective strategy, conscience presupposes the recognition of norms and values, which provides the individual with the opportunity to communicate and become familiar with the symbolic space of cultural and historical memory. This approach describes the communicative capabilities of conscience in a passive mode in terms of assimilation of meanings, meanings and values and traditions. Another strategy is based on the independent, active status of the subject of conscience. It is reflected by those theories and concepts where the emphasis is on human existence.

REFERENCES

Sources in Russian

1. Augustine A., Confession. - M. Dar, 2007. - 576 p.
2. Analytical psychology: past and present / CG Jung, E. Memuels, V. Odinik, J. Habback, Comp. V.V. Zelensky, A.M. Rutkevich - M.: Martis, 1995 - 320 p.
3. Aristotle. Metaphysics. - Rostov-on-Don: Phoenix, 1999. - 608 p.
4. Butler Y. The psyche of power: theories of subjection, trans. Zaven Babloyan - Kharkov: KhCGI, St. Petersburg: Aleteya, 2002 - 168 p.
5. Berdyaev N. The origins and meaning of Russian communism. - M.: Book on Demand, 2012. - 120 p.
6. Berdyaev N. A. About the appointment of a person. - M.: Respublika, 1993. - 383 p.
7. Berdyaev N. A. Religion of resurrection ("Philosophy of the common cause" by N. F. Fedorov) // Dreams about the Earth and the sky. - SPb.: 1995.
8. Boehme Ya. Aurora, or Morning dawn in ascent. Reprint ed. 1914 M.: Politizdat, 1990, 405 S.
9. Benois A. Beyond Human Rights. In Defense of Freedoms, trans. with fr. Sergey Denisov, Moscow: Institute of General Humanitarian Research, 2015 - 144 pp.
10. Bible. New and Old Testament Scriptures, Trinitarian Bible Society, Tyndale House, Dorset Road, London, SW19 3NN, England
11. Baudelaire S. Flowers of evil: Poems. - SPb.: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2001. - 448 p.
12. Big book of aphorisms. - Rostov n / a: Vladis Publishing House, 2001. - 608

13. Buber M. Two images of faith. - M.: LLC Firm Publishing House AST, 1999. - 592 p.
14. Bacon F. New Atlantis. - SPb.: Azbuka-Atticus, 2017.- 320 p.
15. Vvedensky A. Around God is possible: Poems, plays. - SPb.: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2012. - 256 p.
16. Vernadsky VI Scientific thought as a planetary phenomenon. Moscow: Nauka, 1991. - 271 p.
17. Milestones: Collection of articles about the Russian intelligentsia. - SPb.: Azbuka-Atticus, Avalon, St. Petersburg, 2011. - 320 p.
18. Golovin E.V. Approaching the Snow Queen, M., Arktogetya-Center, 2003 - 418 p.
19. Homer. Iliad. - SPb.: Azbuka-classic, 2006.- 576 p.
20. Gritsanov A. A. Jacob Boehme, Secrets of the Initiated - Book House, 2011. - 256 p.
21. Grushko E.A., Medvedev Yu.M., Russian legends and traditions, Moscow: Eksmo, 2008 - 208 pp.
22. Gurin S. P. Metaphysics of the holiday, Holiday and risk: creativity of life: Collection of works. - Saratov: ITs Nauka, 2014. - 122 p.
23. Huseynov A. A., Apresyan R. G. Ethics: textbook. - M.: Gardariki, 2000. - 472 p.
24. Hugo V. Notre Dame Cathedral, State Publishing House of Fiction, Moscow, 1953
25. Dante A. Divine Comedy, trans. with it. Minaeva D., M. Eksmo, 2013. - 684 p.

26. Diogenes L. About the life, teachings and sayings of famous philosophers. - M.: Mysl, 1979. - 620 p.
27. Drobnitsky O. G. Moral philosophy: Fav. works / Comp. R. G. Apresyan. -M.: Gardariki, 2002. - 523 p.
28. Dushin OE Confession and conscience in Western European culture of the 13th - 16th centuries. - SPb.: Publishing house of St. Petersburg. University, 2005. - 156 p.
29. Zhorina MM The problem of happiness in L. Feuerbach // Philosophy of the XX century: schools and concepts. / Scientific conference for the 60th anniversary of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University, November 21, 2000. Proceedings of the section of young scientists "Philosophy and Life" St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2001, 174 pp.
30. Zamaleev AF Lectures on the history of Russian philosophy (XIX – XX centuries). - SPb.: Publishing and trading house Letniy Sad, 2001. - 398 p.
31. Ivanov V. I. Native and universal. - M.: Republic, 1994. - 428 p.
32. Ivanov V. I. Poems. Poems. Tragedy, St. Petersburg: Academic project, 1995. - - 480 p.
33. Campanella T. City of the Sun, St. Petersburg: Azbuka-Atticus, 2017. - 320 p.
34. Camus A. Rebellious man. Philosophy. Politics. Art: Per. with fr. - M.: Politizdat, 1990. - 415 p.
35. Kanke V. A. History of philosophy. Thinkers, Concepts, Discovery: A Study Guide. - M.: University book; Logos, 2007. - 432 p.
36. Kant I. Critique of pure reason. - M.: Publishing house Eksmo, 2006. - 736 p.
37. Kierkegaard S. Pleasure and Duty, Airland, Kiev - 1994

38. The Book of Orpheus. - M.: Publishing house of Spiritual Literature Sphere, 2001 - 240 p.
39. Kropotkin P. Anarchy, its philosophy, its ideal. - SPb.: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2017. - 480 p.
40. Kundera M. The Unbearable Lightness of Being: A Novel. - SPb.: Azbuka-classic, 2008. - 384 p.
41. La Bruyere J. Characters or Mores of the Present Age. - M.: LLC Publishing house AST; Kharkov: Folio Publishing House, 2001. - 607 p.
42. Lebedev A. V. New Philosophical Encyclopedia, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow: Mysl, 2010
43. Levkievskaya E.E. Slavic antiquities: Ethno linguistic dictionary, Moscow: International relations, 2009
44. Levi E. Magic ritual Sanctum Regnum, interpreted through the Major Arcana Tarot. M.: Enigma, 2017. - 168 p.
45. Levi E. The Science of Spirits. - N. Novgorod: A.G. Moskvichev, 2013. - 364 p.
46. Leadbeater C. The Astral Plane, trans. from English K Zaitsev, Moscow: Amrita, 2016. - 128 p.
47. Letov E. I do not believe in anarchy / collection of publications. - M.: Vyrgorod, 2020.- 280 p.
48. Lehmann A. Iustrovanai history of zaboboni ichaklunstva: a view of ancient times to our days. - 2nd ed. / Edited by Dr. A. Lehmann. - Kiev: Ukraine, 1993. - 399 p. IL. - Ros.moyu
49. Leibniz G.V. Monadology, - M.: Ripol classic, 2018. - 200 p.
50. Mamardashvili M. Necessity of oneself. Lectures. Articles. Philosophical Notes. M.: Publishing house Labyrinth, 1996 - 432 p.

51. Markov B. V. Man, State and God in the philosophy of Nietzsche, St. Petersburg: Vladimir-Dal, 2005. - 788 p.
52. Merezhkovsky D.S. Sick Russia. L.: Leningrad University Publishing House, 1991. - 297 p.
53. Merezhkovsky D. S. Mystery of the Three: Egypt and Babylon. - M.: Book on Demand, 2013. - 170 p.
54. Milner-Irinin Ya.A. Ethics, or Principles of True Humanity. Moscow: Nauka, 1999. 520 p.
55. Mishima Y. Confession of a mask: a novel. - M.: Eksmo; SPb.: Domino, 2009.- 256 p.
56. Mor T. Utopia. - SPb.: Azbuka-Atticus, 2017. - 320 p.
57. Nersesyants V.S. Sokrat, Moscow: Nauka, 1977. - 151 p.
58. Nietzsche F. Gay Science. Evil wisdom, Moscow: Eksmo, 2007. - 528 p.
59. Nietzsche F. Beyond good and evil // Soch. In 2 vols. T. 2. Leningrad: Sirin, 1990.- 416 p.
60. Nietzsche: pro et contra. - SPb.: RHGI, 2001. - 1076 p.
61. Novalis. Heinrich von Ofterdingen. Fragments. Pupils in Sais, Publishing House: Eurasia, 1995 - 240 p.
62. Paracelsus. Magical Arkhidoks, Moscow: Sphere, 2002 - 400 p.
63. Paracelsus. About nymphs, sylphs, pygmies, salamanders and other spirits, Moscow: Eksmo, 2005 - 400 p.
64. Plato. Dialogues, trans. with other Greek. V.N. Karpov, - St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2017. - 448 p.
65. Plato. The laws. M.: Mysl, 1999. - 832 p.

66. Plesner H. Steps of the organic and man. An introduction to philosophical anthropology. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. - 368 p.
67. Rozanov V. People of the Moonlight: Metaphysics of Christianity. - M.: Druzhba narodov, 1990. - 304 p.
68. Sartre J. P. Existentialism is humanism, the Twilight of the Gods. M.: Politizdat, 1989. - 514 p.
69. Semyonova S. G. Philosophy of resurrection of N. F. Fedorov // Fedorov N. F. Works, General. Ed.: Gulyga, Vstup. Article, note. And comp. S. G. Semenova. - M.: Mysl, 1982. - 711 p.
70. Seneca, Aurelius M. Alone with himself. - Simferopol: Renome, 2003. - 384 p.
71. Soloviev V.S. Selected, Moscow: Soviet Russia, 1990. - 496 p.
72. Sophrony (Sakharov). Skhiarchimandrite Venerable Silouan the Athonite. - STSL, 2010. - 528 p.
73. Strugatsky A., Strugatsky B. Waves extinguish the wind: Stories. - L.: Sov. Writer, 1990. - 656 p.
74. The trial of Socrates. Collection of historical testimonies / Compiled by A. V. Kurgatnikov. - SPb.: Aleteya, 2000.- 272 p.
75. Sukhov A. D. Introduction of Christianity in Russia - M.: Mysl, 1987. - 302 p.
76. Toporov V. N. Myths of the peoples of the world, 1987
77. Trubetskoy E. N. The meaning of life. - M.: Republic, 1994. - 432 p.
78. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Per. let's take off. - 2nd ed., Stereotype. - M.: Progress, 1986 - 1987
79. Fedorov N.F. Philosophy of the Common Business, Moscow: Eksmo, 2008 - 752 p.

80. Feuerbach L. A. Essay in two volumes. Moscow: Nauka 1995, T. 1 - 502 p.
81. Feuerbach L. A. Lectures on the essence of religion, Kharkov, Publishing house: NTU, KhPI, 2008 - 180 p.
82. Fichte I. Facts of consciousness. The appointment of a person. Science studies. M.: AST, 2000. - 784 p.
83. Freud Z. Beyond the pleasure principle, Folio, Kharkov, 2009, 284 p.
84. Foucault M. The history of madness in the classical era M.: Ast: Ast Moscow, 2010 698 p.
85. Heidegger M. Being and Time, trans. from German V.V. Bibikhin - Kharkov: Folio, 2003. - 503 p.
86. Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches: Per. with him. - M.: Respublika, 1993.- 447 p.
87. Chulkov G. I. About mystical anarchism, Strelbitsky Multimedia Publishing House, 2015
88. Scheler M. The position of man in space // The problem of man in Western philosophy. Moscow: Progress Publishing House, 1988. - 552 p.
89. Schelling FVY Works in 2 volumes - Thought, 1989. - 636, [2] p.
90. Schopenhauer A. Aphorisms and Maxims. - L.: Publishing house of the Leningrad University, 1990. - 288 p.
91. Sprenger J. Institoris G. Hammer of witches, Per. slat. N. Tsvetkova, St. Petersburg: Amphora, 2001 - 525 p.
92. Stirner M. The only one and his property. - SPb.: Azbuka, 2001. - 448 p.
93. Shcheglov G. V., Archer V. Dictionary of Antiquity, Moscow: Astrel, 2006. - 416 p.

94. Schuplov P. A. Corruption and terrorism: the policy of fucking // Conflictology. SPb: Foundation for the Development of Conflictology. 2016. No. 4
95. Schuplov PA Search for truth: Luciferian anthropology // Search for truth: collection of scientific articles / ed. O.D. Masloboeva. - SPb, Publishing house: SPbGEU. 2018
96. Schuplov PA Holiday and risk: creativity of life: Collection of works. - Saratov: ITs Nauka, 2014. - 122 p.
97. Schuplov P. A. Conscience as a point of conflict // Conflictology. Saint Petersburg: Foundation for the Development of Conflictology. 2016 No. 4
98. Schuplov PA Conscience as a form of spontaneity. Social and human sciences in the Far East. 2017. Vol. XIV, issue. 3.
99. Schuplov P. A. Social philosophy of anarchism, graduate work, St. Petersburg State University, 2012. - 72 p.
100. Jung K. G. Analytical psychology: past and present, Publishing house: Martis

Literature in a foreign language

101. Donald L. Carveth, The still small voice: psychoanalytic reflections on guilt and conscience, London, Carnac, 2013, 324 pp.
102. Butler J. The Psychic Life of Power: Theories in Subjection, Stanford University Press, 1997 - 168 P.
103. Gauding. The Signs and Symbols Bible: The Definitive Guide to Mysterious Markings. - Sterling Publishing Company, Inc., 2009.
104. Mead G. R. S. Thrice-Greatest Hermes, Studies in Hellenistic Theosophy and Gnosis. - London and Benares, The Theosophical Publishing Society, 1906

Internet sources

105. Apresyan R.G. Problems of conscience in modern domestic psychological research and the tasks of ethics URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/06_02_2018/ruben-apressyan06-02.pdf (date of appeal 05.09.18)

106. Belova I. A. Conscience as a semantic constant of the human inner world and means of its actualization in modern English / Bulletin of the Buryat State University 2010 \ 2011 URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovest-kak-semanticheskaya-konstanta> -vnutrennego-mira-cheloveka-i-sredstva-eyo-aktualizatsii-v-sovremennom-angliyskom-yazyke

107. Blavatsky H. P. Secret Doctrine Vol. 2 https://ru.teopedia.org/lib/Blavatsky_E.P._-_Secret_Doctrine_t.2_Art.7

108. Blake W. Marriage of Heaven and Hell. http://www.blake.sacrum.ru/poem_marriage.htm

109. Baudrillard J. The perfect crime <https://www.chaosss.info/sovprestup/>

110. Golovin EV Cheerful science (minutes of meetings), Peeping and observation. Contemplation. <http://golovinfond.ru/content/veselaya-nauka-protokoly-soveshchaniy/podsmatrivanie-i-nablyudenie-sozercanie-0>

111. Golovin E. V. Marginalia to the problem of the “Other” Marginal to the problem of the “Other” | Evgeny GOLOVIN (golovinfond.ru)

112. Dzhemal G. Orientation North. 25. NORTH "Orientation North" (metakultura.ru)

113. LaVey A. Sh. The Devil's Notebook = The Devil's Notebook. - M.: Unholy Words, Inc. (RCC), 1996. Read "The Devil's Notebook" - LaVey Anton Shandor - Page 1 - LitMir (litmir.me)

114. Limonov E. Disciplinary sanatorium, 1993
http://www.pseudology.org/chtivo/Limonov_Disciplinarny_Sanatory2.pdf
115. Safina G. M. Action in the structure of moral choice (analysis of the problem in the context of folk wisdom), Cheboksary, 2010
<https://core.ac.uk/download/pdf/197420924.pdf>
116. Tkachev A. Conscience <https://pravoslavie.ru/47598.html>
117. Foucault M. Power, the magnificent beast
<http://www.chaosss.info/xaoc/beast.html>
118. Heidegger M. Letter about humanism, trans. from German V. V. Bibikhin
http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (date of access 04.07.2018)
119. Crowley A. Moonchild https://librebook.me/lunnoe_ditia
120. Uspensky P. D. Conscience: Search for Truth, London, 1979.
<https://www.litmir.me/br/?b=100191>
121. Hobbes T. De Cive
<http://www.unilibrary.com/ebooks/Hobbes,%20Thomas%20-%20De%20Cive.pdf>(accessed 14.08.2018)
122. Shakespeare W. The Complete Works of William Shakespeare [Electronic resource] / W. Shakespeare. - URL: <http://shakespeare.mit.edu> (accessed: 02/07/2017).